

**НОВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЪСТНИКЪ**

THE NEW HISTORICAL BULLETIN

№ 4(62)

2019

Москва 2019

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

Журнал основан в 2000 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
С.В. Карпенко

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
П.Н. Лебедев

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
**А.Б. Безбородов, О.Г. Буховец, В. Goldman, Н.Т. Ерегина,
В.П. Зиновьев, В.Г. Корнелюк, Н.Г. Кулинич, О.В. Павленко,
А.М. Пашков, А.А. Симонов, В.Л. Успенский,
Д. Фильцер, Л. Чех, П.П. Шкаренков**

Переводчики **О.Н. Судакова, К.Дж. Сторэлла**
Обложка **А. Надточенко**

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
121433, Москва, Б. Филевская, 69-2-67
Эл. почта: nivestnik@yandex.ru
Сайт: www.nivestnik.ru

Подписной индекс по каталогу «Урал-Пресс»: ВН002537

© Новый исторический вѣстникъ, 2019
© Редакция «Нового исторического вестника»
ООО «Смелый дизайн», 2019
© Издательство Ипполитова, 2019

**RUSSIAN STATE UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES**

INSTITUTE FOR HISTORY AND ARCHIVES

Founded in 2000

EDITOR-IN-CHIEF
Sergey V. Karpenko

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF
Pavel N. Lebedev

EDITORIAL BOARD
**A. Bezborodov, O. Bukhovets, L. Čech, N. Eregina, D. Filtzer,
W. Goldman, V. Karnialiuk, N. Kulinich, A. Pashkov, O. Pavlenko,
P. Shkarenkov, A. Simonov, V. Uspensky, V. Zinoviev**

Translators **O. Sudakova, C.J. Storella**
Cover Designer **A. Nadtochenko**

Quarterly journal

Address:
69-2-67, Bolshaya Filevskaya St., Moscow, Russia, 121433

«Ural-Press» Catalogue Subscription Index: ВН002537

© Novyy Istoricheskiy Vestnik, 2019
© Novyy Istoricheskiy Vestnik Editorial Staff LLC
“Smelyi Dizayn”, 2019
© Ippolitov Publishing House, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Российская государственность

- Белюсов С.С.* Русские переселенцы на калмыцкие земли и их использование Русской православной церковью как средства христианизации калмыков (последняя треть XIX – начало XX веков).....6
- Каиль М.В.* Послевоенное православие: Епископат, духовенство и государственное регулирование церковной жизни в СССР (1943 – 1953 годы).....22
- Хаминов Д.В.* Подготовка историков в период «перестройки»: новая «надстройка» на старом «фундаменте» (на примере высшей школы Сибири).....36

Россия и мир

- Пивоваров Н.Ю., Джалилов Т.А.* Советская внешнеэкономическая стратегия: Ведомственные проекты и бюрократический механизм (конец 1950-х – первая половина 1960-х годов).....55

Европа в прошлом

- Александрова О.И., Зайцев Д.В.* Афины и Эретрия: О становлении межполисных отношений в архаической Греции.....76
- Сморчков А.М., Шкаренков П.П.* Демократия в современном научном и политическом дискурсе: Опыт и наследие Древнего Рима.....94

CONTENTS

Russian Statehood

- Belousov S.S.* Russian Immigrants to the Kalmyk Lands and Their Use by the Russian Orthodox Church as a Means of Christianizing the Kalmyks (the last third of the 19th – early 20th Centuries).....6
- Kail M.V.* Post-war Orthodoxy: Episcopate, Clergy, and State Regulation of Church Life in the USSR (1943 – 1953).....22
- Khaminov D.V.* The Training of Historians in the Period of “Perestroika”: A New “Superstructure” on an Old “Foundation” (On the Example of the Higher School of Siberia).....36

Russia and the World

- Pivovarov N.Yu., Dzhililov T.A.* Soviet Foreign Economic Strategy: Departmental Projects and Bureaucratic Mechanism (late 1950s – first half of 1960s).....55

Europe in the Past

- Aleksandrova O.I., Zaytsev D.V.* Athens and Eretria: On the Formation of Inter-Polis Relations in Archaic Greece.....76
- Smorchkov A.M., Shkarenkov P.P.* Democracy in Modern Scientific and Political Discourse: The Experience and Legacy of Ancient Rome....94

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Russian Statehood

С.С. Белоусов

РУССКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ НА КАЛМЫЦКИЕ ЗЕМЛИ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ КАК СРЕДСТВА ХРИСТИАНИЗАЦИИ КАЛМЫКОВ (последняя треть XIX – начало XX веков)*

S.S. Belousov

Russian Immigrants to the Kalmyk Lands and Their Use by the Russian Orthodox Church as a Means of Christianizing the Kalmyks (the last third of the 19th – early 20th Centuries)

По истории христианизации калмыцкого народа существует богатая научная литература, в которой исследованы различные периоды и аспекты этой политики. Из современных калмыцких историков наибольший вклад в разработку данной темы внесли Г.Ш. Дорджиева¹ и К.В. Орлова². Тема миссионерской политики нашла отражение в исследовании американского ученого М. Ходарковского³.

Историкам в целом удалось реконструировать историю христианской миссии Русской православной церкви среди калмыков. Вместе с тем в историографии православного миссионерства остаются еще аспекты, которые совсем не изучены или изучены недостаточно полно. К таким относится роль переселенческого населения в политике христианизации калмыков. О переселенческом факторе в истории миссии РПЦ упоминали в своих трудах многие исследователи, однако объектом специального изучения он так и не стал. Между тем переселенцы оказали заметное влияние на становление и развитие православной миссии, при этом влияние это было достаточно противоречивым и по-разному оценивалось современниками.

Возникновение проблемы переселенцев в политике христианизации напрямую связано с учреждением для крещеных калмыков

* Исследование проведено при поддержке государственной субсидии: проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ АААА-А19-119011490038-5).

специальных стационарных поселений и проникновением в них с целью устройства на постоянное жительство лиц некалмыцкого происхождения. На калмыцких землях Астраханской и Ставропольской губерний данный процесс получил свое развитие во второй трети XIX – начале XX вв., когда РПЦ проводила политику учреждения миссионерских станом, и в них, наряду с крещеными калмыками, стали селиться, обычно без разрешения властей, также русские крестьяне, мещане и торговцы. Духовные власти были поставлены перед необходимостью выработки определенной позиции и мер по отношению к незванным ревнителям православия.

Основной целью данной статьи является исследование переселенческого фактора миссионерской политики РПЦ по отношению к калмыкам на протяжении последней трети XIX – начала XX вв.

Главными источниками написания статьи послужили документы Государственного архива Астраханской области и Национального архива Республики Калмыкия, а также опубликованные отчеты Астраханского епархиального комитета Православного миссионерского общества.

* * *

Миссионерские станы на калмыцких землях Астраханской губернии стали возникать после открытия 3 января 1871 г. в Астрахани Астраханского епархиального комитета Православного миссионерского общества, а в Большедербетовском улусе Ставропольской губернии, после учреждения в 1889 г. в Ставрополе – Ставропольского епархиального комитета Православного миссионерского общества. Оба комитета являлись подразделениями всероссийского Православного миссионерского общества, образованного в 1865 г. по инициативе отдельных гражданских и духовных лиц и поддержанного императором Александром II и руководством РПЦ в целях активизации и повышения результативности миссионерской работы среди нехристианских народов России. 21 ноября 1869 г. Александр II утвердил устав общества, которым предусматривалось создание в каждом епархиальном центре миссионерских комитетов.

В 1871 г. Астраханский епархиальный комитет разослал священникам, вблизи приходов которых проживали калмыки, опросные листы с целью выявить численность калмыков и узнать мнение священников о возможностях их христианизации, а в 1876 г. направил в кочевья для проведения проповедей и крещения иеромонаха Покрово-Болдинского монастыря Гавриила. Из этой поездки иеромонах Гавриил вынес убеждение, что для поддержки крещеных и более успешного продвижения дела миссии необходимо создать постоянные миссионерские пункты в калмыцких кочевьях⁴. Астраханский епархиальный комитет прислушался к его мнению и принял решение об учреждении миссионерских станом в поселке Улан Эрге и на

урочище Наин-Шиирвужной части Малодербетовского улуса. Оба миссионерских стана открылись в 1877 г., в них были построены церкви и туда были направлены миссионеры.

Улан Эргинский миссионерский стан предназначался для религиозного обслуживания крещеных калмыков и ведения миссионерской работы среди калмыков Икицохуровского улуса. Этот улус располагался в центральной части Калмыцкой степи и не имел стационарных поселений с постоянным составом населения. Миссионерский стан решили разместить в небольшом поселке Улан Эрге (64 душ мужского пола в 1876 г.), который находился в окружении земель икицохуровских калмыков, хотя административно он принадлежал к Черноярскому уезду Астраханской губернии. Поселок был основан русскими крестьянами за 12 лет до открытия стана. Русские жители поселка Улан-Эрге охотно согласились разместить у них миссионерский стан, надеясь использовать подвернувшийся случай для того, чтобы построить храм и открыть православный приход. Они обязались за свой счет выстроить дом для миссионера и снабдить его топливом, приготовить и перевезти камень под фундамент церкви, а также перевезти купленный в Астрахани храм⁵.

Вблизи поселка Улан Эрге кочевали 65 человек крещеных калмыков, принадлежавших к разным родам. Отношение к ним со стороны калмыков-буддистов было неприязненным, и их сильно стесняли в землепользовании. В конце 1884 г. крещеные калмыки обратились в Астраханский епархиальный комитет с просьбой принять их в уланэргинское общество, а также прирезать к наделу поселка калмыцкие земли на урочище Баин Доржи⁶. Астраханский епархиальный комитет попросил крестьян приписать калмыков в свое общество, и те согласились, но при условии исправного несения новоселами повинностей, уплаты податей и без круговой поруки за калмыков. Предложенные крестьянами условия не соответствовали закону, поэтому гражданские власти их отклонили. Астраханский епархиальный комитет в отчете за 1884 г. с сожалением отмечал: «Нет сомнения, что законное основание для воспрепятствования крещеным калмыкам сделаться оседлыми членами крестьянского общества есть. Но эта законность слишком неблагоприятна для миссионерского дела, для улучшения быта калмыков вообще и для крещеных в особенности»⁷.

Трудности, возникшие при попытке приписать крещеных калмыков к обществу крестьян поселка Улан Эрге, заставили руководство миссии задуматься о создании для крещеных икицохуровских калмыков отдельного поселения. Для него было выбрано урочище Чилгир, где проживали 26 крещеных в 1876 г. иеромонахом Гавриилом кибиток и несколько поселившихся по приглашению калмыков русских семей. Последние обосновались на урочище без разрешения властей и, согласно закону, подлежали высылке за пределы Калмыцкой степи, но за них вступились крещеные калмыки, которые

уговорили Главного попечителя калмыцкого народа, действительно статского советника Н.О. Осипова оставить их в Чилгире. Свою просьбу калмыки обосновывали полезностью для них русских, обучавших их строительству домов, земледелию и вообще навыкам оседлой жизни. В 1882 г. Управление калмыцким народом дало согласие на проживание в поселке Чилгир семи русским семьям, но при условии, что больше русские поселенцы допускаться к поселению не будут. С русских взяли подписку о том, что они будут исправно и наравне с калмыками уплачивать налоги и нести повинности, и, кроме того, дополнительно возьмут на себя перевозку почты⁸.

Интерес к Чилгиру проявили торговцы города Черный Яр, которые много лет торговали с калмыками и хотели закрепиться в Калмыцкой степи на постоянное жительство. 24 декабря 1876 г. в Астраханский епархиальный комитет поступила докладная записка от черноярских торговцев В.И. и М.А. Якуниных, М.Г. и Я.Г. Субботиных и П.А. Стороженкова, в которой они просили разрешить им поселиться в поселке Чилгир. Они готовы были за свой счет построить церковь, дом для миссионера, землянки для крещеных калмыков и уверяли, что могут быть полезны миссии, поскольку владели калмыцким языком и хорошо знали калмыков⁹. Торговцам отказали в поселении, но свою лепту в дело православной миссии они внесли. Они добились разрешения и построили на свои деньги в 1893 г. часовню в ставке Икицохуровского улуса, на урочище Яшкуль, где вскоре был открыт миссионерский пункт. В 1908 г. черноярские и астраханские торговцы инициировали строительство часовни в ставке Утта Харахусовского улуса и выделили на это большие суммы. Яшкульская и Уттинская часовни обслуживали православных русских и калмыков и находились в ведении чилгирского миссионера.

В налаживании миссии среди калмыков поучаствовал известный в Астраханской губернии купец-меценат И.И. Губин. Когда он узнал, что на урочище Алцын Хута Астраханский епархиальный комитет намерен возвести часовню для крещеных калмыков, он сразу же обратился к епископу Астраханскому и Енотаевскому Евгению (Н. Шерешилов) с просьбой разрешить ему взять на себя расходы по ее строительству и транспортировке на место. Церковь построили в короткие сроки, однако к этому времени епископ Евгений отменил решение об устройстве храма на Алцын Хуте. Тогда Губин предложил установить церковь в деревне Барановке Черноярского уезда, где в имении К.Ф. Полиеэктовой размещался приют для детей крещеных калмыков¹⁰. На деньги Губина была также построена церковь в поселке Калмыцкий Базар, в котором находился миссионерский пункт.

Одновременно с уланэргинским в Калмыцкой степи возник миссионерский стан на урочище Наин-Шиир, предназначенный проводить христианизацию среди калмыков южной части Малодербетов-

ского улуса. В 1876–1877 г. иеромонахи Гавриил и Антоний крестили 90 кибиток (273 человек) Ульдючиновского рода, кочевавших на урочище Наин-Шиир. Новообращенные выразили желание перейти к оседлости, при этом многие из них вполне сносно говорили по-русски, а некоторые даже занимались земледелием¹¹.

Астраханский епархиальный комитет пошел им навстречу и в 1877 г. открыл на урочище Наин-Шиир миссионерский стан, выделив на нем для крещеных калмыков место под поселение, названное «Бислюртой». Как только об этом стало известно крестьянам соседних с Наин-Шиирским урочищем сел, они принялись донимать Главного попечителя калмыцкого народа статского советника А.Г. Кандибу просьбами поселиться в стане. Свое желание водвориться среди крещеных калмыков почти все они объясняли стремлением помочь делу христианизации, однако на самом деле крестьянами двигали экономические мотивы: им нужна была земля. Просителями в основном выступали не получившие прописку в сельских обществах, так называемые иногородние крестьяне. Они принадлежали к числу поздних переселенцев, прибывших в приграничные с Калмыцкой степью селения после завершения их землеустройства. Старожильческое население не приняло их в свои общества, поэтому эти люди остались без земельного надела, и, следовательно, без главного источника существования. Образование в Калмыцкой степи поселения, естественно, породило у них надежды получить землю и подтолкнуло к активным действиям.

Количество русских, желающих водвориться, исчислялось сотнями семей, причем большинство из них имели приговоры от крещеных калмыков о принятии их в поселок и в общество. Калмыки знали их лично, так как крестьяне арендовали у них земли, вели с ними совместную хозяйственную деятельность, а некоторые при крещении были крестными отцами. Общие дела с калмыками облегчали крестьянам возможность получать от них положительные приговоры.

Поскольку законодательство запрещало поселение на калмыцких землях лиц некалмыцкой национальности, улусные власти и Управление калмыцким народом отклонили ходатайства крестьян и взяли с крещеных калмыков расписки о том, что впредь они не будут давать крестьянам приемных приговоров. Запрет властей селиться отрезвляюще подействовал не на всех иногородних: наиболее смелые и активные среди них решили все же попытаться счастья и начали небольшими группами, по несколько семей, переезжать в стан и под предлогом оказания помощи крещеным калмыкам в строительстве жилья и приучения к занятию земледелием, постепенно там обустроившись на постоянное жительство.

Самовольных переселенцев поддержал возглавлявший Наин-Шиирский стан иеромонах Андрей. В донесении епископу Астраханскому и Енотаевскому Герасиму (Г.И. Добросердов) от 18 апреля

1879 г. он откровенно описал трудности, с которыми ему пришлось столкнуться после его назначения в стан. К ним он относил незнание калмыками русского языка, тяжелое материальное положение новокрещеных, недостаточное финансирование стана, невосприимчивость калмыков к оседлому образу жизни и отсутствие поддержки и даже противодействие православной миссии со стороны светских властей, поверхностное усвоение калмыками основ христианства. Общий его вывод был таков: «Калмыков крестили, но вере их еще не научили»¹². Изменить ситуацию в лучшую сторону, по его мнению, можно было только допустив к поселению в стане русских крестьян, которых он назвал «наиполезнейшими помощниками миссионера»¹³. Он предупреждал епископа Герасима, что если этого сделать, то крещеные просто «разбредутся по степи и церковь останется пустой»¹⁴.

В донесении 14 июля 1879 г. в Астраханский епархиальный комитет иеромонах Андрей уже в ультимативной форме потребовал выполнить свою просьбу: «Если не будет разрешено вместе с нарезкою земли селиться и русским с калмыками, то я не только не пойду проповедовать калмыкам христианскую веру, но и не стану крестить более ни одного калмыка, как бы убедительно кто не просил меня об этом»¹⁵.

Выступить со столь жестким заявлением, недопустимым в церковной субординации, у миссионера Андрея были серьезные основания. Первые месяцы пребывания его в стане показали, что его подопечные, хотя и приняли крещение и на словах изъявили желание перейти к оседлости, на самом деле не прониклись новой верой и продолжали вести кочевой образ жизни. По существу, миссионер был поставлен перед выбором: или оставить все по-старому и тем самым потерять стан, или же сознательно нарушить закон, пригласив на жительство крестьян, которые обеспечат устойчивое развитие поселения и помогут калмыкам лучше усвоить азы христианства и перейти к оседлости. Иеромонах выбрал второй путь.

Не только здравый смысл, но и мотивы другого характера, лежащие в области культуры и человеческой психологии, двигали миссионером, когда он делал упомянутые выше заявления. Очевидно, что выросшему в русской культурно-бытовой среде миссионеру было непросто свыкнуться с жизнью среди чуждого ему кочевого народа, поэтому он, чтобы скрасить свое духовное одиночество, решил пригласить в стан духовно близких ему русских крестьян. Подобный дискомфорт в той или иной степени испытывали русские миссионеры и в других станах. В годовых отчетах Астраханского епархиального комитета последней трети XIX в. не раз констатировалось, что зачастую миссионеры, вместо того чтобы всецело заниматься калмыками, «охотнее обращались с русскими переселенцами ближайших селений»¹⁶. Большинство миссионеров к тому же не владели калмыцким языком, а калмыки – русским, что, конечно же, осложня-

ло налаживание контактов между ними и понижало действенность проповеди. Но даже знание миссионером калмыцкого языка не сближало его с калмыками, ибо для того, чтобы это произошло, ему необходимо было понять культурно-бытовую среду и национальный характер калмыков, а это было достижимо только в том случае, если человек происходил из их среды или прожил среди них многие годы. Миссионеры обычно свое назначение в миссионерский стан рассматривали как тяжелую ношу и временное явление, поэтому долго в нем не задерживались, стараясь при первом подвернувшемся случае перевестись в русский приход на должность священника.

Астраханский епархиальный комитет пытался привлечь к миссионерской деятельности православных священников и церковнослужителей из числа калмыков, однако результаты оказались весьма скромными. Православных священников-калмыков было очень мало, и, они, за редкими исключениями, не проявляли желания возвращаться к своим сородичам в степь.

Епархиальные власти сочувствовали русским поселенцам в станах и старались по мере возможности помочь им прописаться в общества крещеных калмыков, понимая, что без них миссионерские станы и построенные в них храмы быстро придут в запустение. «Недопущение русских и крещеных людей селиться среди калмыков весьма неблагоприятно влияет на дело христианизации», – говорилось в отчете Астраханского епархиального комитета за 1884 г.¹⁷

Однако законодательство Российской империи однозначно запрещало поселение на калмыцких землях лиц некалмыцкого происхождения, и, чтобы исправить ситуацию, необходимо было или вносить изменения в законы, или в каждом конкретном случае принимать специальные акты.

До того, как это произойдет, губернские власти и Управление калмыцким народом обязаны были следовать букве закона, то есть бороться с самовольными поселенцами. Чтобы заставить их уйти из станов, светские власти действовали не только методом уговоров и угроз: в отношении наиболее упорных поселенцев возбуждались судебные дела, в отдельных случаях к ним применяли силу. Все эти действия чиновников раздражали руководителей епархии и православных миссионеров, считавших, что они противоречат поддерживаемой на государственном уровне политике христианизации калмыков. Духовные лица много раз высказывали Астраханским губернаторам тайному советнику Н.Н. Биппену (1868–1880 гг.), генерал-лейтенанту Н. А. Протасову-Бахметьеву (1880–1882 гг.), генерал-майору Е.О. Янковскому (1882–1883 гг.) и генерал-майору Н.М. Цеймерну (1884–1888 гг.), как и Главным попечителям калмыцкого народа статскому советнику А.Г. Кандибе (1875–1881 гг.), действительному статскому советнику Н.О. Осипову (1882–1886 гг.) и действительному статскому советнику И.С. Картелю (1887–1892 гг.) свое недовольство политикой местных гражданских властей, жало-

вались на равнодушное отношение губернских чиновников к делу миссии, большинство из которых по вероисповеданию были православными.

Астраханских губернаторов и Главных попечителей калмыцкого народа обращения православных миссионеров ставили в весьма щекотливое положение: легализовать самовольных поселенцев стана, как о том просили миссионеры, они не имели права, отказ же помочь миссии мог быть расценен как несогласие с политикой христианизации. В 1883 г. Главный попечитель калмыцкого народа, действительный статский советник Осипов подготовил попечителям улусов циркуляр, который был представлен на рассмотрение епископу Астраханскому и Енотаевскому Евгению (Н. Шерешилов) и Астраханскому епархиальному комитету. В нем говорилось, что улусные попечители должны более внимательно относиться к ходатайствам крещеных калмыков о поселении с ними русских людей, и что «прежде чем отказывать им в просьбе, надо изыскивать пути другие для осуществления их просьб»¹⁸.

Русские поселенцы получили право проживать в миссионерском стане Наин-Шиир после того, как император Александр III 17 апреля 1892 г. утвердил положение Комитета министров о легализации всех самовольных переселенцев и поселков в Калмыцкой степи. Это решение, однако, не распространялось на тех переселенцев, которые незаконно поселились на калмыцких землях после 17 апреля 1892 г. В Наин-Шиирском стане под действие положения попали 29 русских семей (280 человек), несколько позже крещеные калмыки согласились принять еще четыре крестьянские семьи, и общее количество легализованных возросло до 33 семей¹⁹.

Приток самовольных переселенцев происходил и в миссионерском стане Калмыцкой степи Астраханской губернии – Кегульте. Его основали, принявшие в 1895–1903 гг. крещение 200 калмыков, для которых, согласно их просьбе, в 1901 г. отвели землю, а в 1907 г. открыли миссионерский стан. Иногородние крестьяне появились в нем после отвода земли крещеным калмыкам и, очевидно, по их приглашению. Русские помогали калмыкам наладить оседлый быт, обучали их земледельческим занятиям и постепенно обустроивались, в надежде прописаться в калмыцкое общество. В 1909 г. их насчитывалось в стане уже 211 человек, в то время как калмыков – 129 человек²⁰.

В Ставропольской губернии христианизацией калмыков занималось Братство им. Андрея Первозванного. 13–14 мая 1889 г. епископ Ставропольский и Екатеринодарский Владимир (И.П. Петров) лично крестил в Большедербетовском улусе 14 калмыцких семей (52 человек), для которых по его инициативе в следующем году отвели место под поселение, назвав его в честь святого князя Михаила Тверского – «Князе-Михайловским»²¹. По словам православного миссионера и ученого-этнографа, прослужившего в Большедербет-

товском улусе более пяти лет (1889–1894 гг.; вначале в должности псаломщика Князя-Михайловского стана, затем учителя церковно-приходской школы и помощника попечителя улуса) Я.П. Дуброва, весть о создании поселения вызвала «настоящее волнение» среди крестьян, которые сотнями, а в 1891 г. и тысячами, начали прибывать в Большедербетовский улус и осаждают местную администрацию просьбами поселиться в стане²². Чтобы получить разрешение на поселение в стане, они предлагали самые разные услуги. «Иные из пришельцев, – пишет Дуброва, – просили принять их за обязательство всю жизнь служить даром сторожами при церкви; другие – церковными старостами; те – безвозмездно обучать калмыков огородничеству, земледелию, мастерствам... были и такие, что соглашались даром кормить вдов, сирот; хотели жениться на калмычках или же отдавать своих дочерей за выкрестов»²³.

Улусной администрации и губернским властям удавалось сдерживать массовый натиск переселенцев, однако некоторым из них все же удалось просочиться в стан. В 1904 г. из 191 его жителей 152 человек являлись крещеными калмыками и 39 русскими²⁴. По видимому, появление русских в стане не обошлось без помощи иеромонаха Мефодия, возглавлявшего Князе-Михайловский миссионерский стан в 1893–1896 гг. На его причастность к этому событию, во всяком случае, намекает в своей книге Дуброва: «И пусть извинит меня миссионер Князе-Михайловского поселка иеромонах Мефодий за невольный с моей стороны упрек по его адресу за то, что он, не имея на то ни малейшего права и основания, решился смутить некоторых крестьян, подав им надежду, даже уверенность в осуществлении несбыточной мечты о причислении их к Князе-Михайловскому поселку»²⁵.

Для русского населения миссионерских станов перелом в положительную сторону наступил в начале XX в. В его первое десятилетие численность русских, несмотря на запрещение селиться в миссионерских станах, продолжала возрастать и вскоре превысила численность крещеных калмыков. На рубеже 1900-х – 1910-х гг. в трех миссионерских станах Астраханской губернии (Наин-Шиир, Чилгир, Кегульта) проживали 874 человек русских и 700 человек крещеных калмыков, при этом во всех из них русские составляли более половины населения²⁶. В Улан-Эргинском стане насчитывалось 939 жителей; из них 927 русских и 12 крещеных калмыков, но здесь надо учитывать тот факт, что этот стан создавался на базе изначально не предназначенного для миссионерских целей русского поселения и русские в нем всегда доминировали и в абсолютных и в относительных цифрах.

Русское население преобладало также в Князе-Михайловском миссионерском стане Ставропольской губернии: в 1912 г. из 366 его жителей 160 человек были крещеными калмыками и 266 русскими²⁷. В 1913 г. ставропольские губернские власти разрешили рус-

ским остаться в стане, однако к обществу крещеных калмыков их так и не приписали. Тем не менее, русские из стана не ушли, надеясь когда-нибудь получить в нем прописку.

Во втором десятилетии XX в. русское население миссионерских станов продолжало увеличиваться за счет притока новых поселенцев и высокой рождаемости. В апреле 1910 г. министр внутренних дел П.А. Столыпин распространил на калмыков действие циркуляра № 24 МВД от 17 марта 1910 г. о праве инородцев самостоятельно решать вопросы о приеме в свои общества посторонних лиц²⁸. После этого процедура принятия русских в станы облегчилась, хотя крещеные калмыки все чаще стали задумываться об отрицательных последствиях приема большого количества русских крестьян и более избирательно подходить к выдаче им положительных приговоров.

В период с 1909 по 1915 гг. численность русских в миссионерских станах Калмыцкой степи Астраханской губернии (Наин-Шиир, Чилгир, Кегульта) возросла с 847 до 1 067 человек, а калмыков – с 700 до 707 человек²⁹, то есть почти не изменилась, несмотря на то, что у крещеных калмыков все это время сохранялся естественный прирост и имели место случаи принятия христианства. В Князе-Михайловском миссионерском стане Ставропольской губернии численность русских за период 1911–1914 гг. увеличилась со 142 до 298 человек, в то время как калмыков сократилась со 166 до 133 человек³⁰.

Получив равные с крещеными калмыками права и став доминирующей по численности группой, переселенцы быстро заняли господствующие позиции в экономике, а крещеные калмыки попали в зависимость от них. «Результатом преобладания русских явилось стеснение инородцев – явление столь обычное для многих православных миссий»,³¹ – отмечал в 1915 г. миссионер Иринарх (Маслов). В отчете Астраханского епархиального комитета за 1914 г. говорилось, что в Наин-Шиирском миссионерском стане «население, независимо от прироста, увеличивается путем самовольного наплыва русских, и все попытки к предотвращению такового, ни к чему не привели и они продолжают селиться, кто где хочет, покупая турлушки у крещеных калмыков за дорогие цены, так как для иногородних Наин-Шиир является заманчивым уголком», и, что положение крещеных калмыков изменилось в худшую сторону, поскольку «из господствующего положения теперь они занимают угнетенное положение, и, как менее культурные... подпали под влияние русских»³².

Переселенцы не оправдали возлагавшихся на них православной миссией надежд: крещеные калмыки не перешли к земледелию, оставшись в массе своей скотоводами, более того, сами крестьяне основной отраслью своих хозяйств сделали скотоводство. Очень трудно давалось калмыкам усвоение навыков оседлого образа жизни, они не смогли и улучшить свое материальное положение, которое было хуже, чем у кочующих калмыков-буддистов. Наплыв переселенцев привел также к сокращению земельного фонда станов: в

середине второго десятилетия XX в. калмыки Чилгирского и Наин-Шиирского станов имели на 1 мужскую душу по 30–33 дес., в то время как их кочующие сородичи – по 116–118 дес. Русские не оказали сколько-нибудь заметного влияния на процесс усвоения калмыками православной веры, восприятие которой, как и раньше оставалось поверхностным. В целом, наверное, можно согласиться с мнением миссионера Иринарха, что «допущенный администрацией прирост населения в среду крещеных калмыков, с надеждою культивирования их, привел к результатам, идущим вразрез интересам миссии»³³. К 1917 г. миссионерские станы вследствие резкого увеличения численности русского населения и оттока крещеных калмыков в значительной степени утратили свой миссионерский облик, и постепенно превращались в обычные приходы РПЦ.

* * *

Исторический опыт христианизации калмыков показывает, что губернским властям и РПЦ не удалось при помощи миссионерских станов создать из крещеных калмыков устойчивую и способную к саморазвитию этно-конфессиональную группу. Учреждением миссионерских станов светские и духовные власти намеревались решить несколько задач: укрепить новообращенных в православной вере и установить над ними более действенный надзор, изолировать их от влияния буддизма, приучить к оседлому образу жизни и занятию земледелием, создать непосредственно на территории калмыцких кочевий сеть миссионерских станов, которые призваны были стать форпостами христианизации калмыков.

Поселение русских в миссионерских станах не планировалось, однако оно оказалось востребовано самой жизнью. Будучи носителями стационарной поселенческой культуры, русские оказались тем цементирующим ядром, благодаря которому стало возможным не только существование, но и поступательное развитие миссионерских станов как населенных пунктов.

Вместе с тем русские поселенцы не оправдали надежд православного миссионерства в плане приобщения калмыков к христианству, оседлой жизни и занятию земледелием. Более того, они, став преобладающей по численности этнической группой и утвердившись в станах, заняли в них ключевые позиции в экономике и общественной жизни, что в значительной степени спровоцировало исход калмыков из миссионерских станов, который начался в начале XX в.

Таким образом, поселение русских в миссионерских станах, в конечном счете, не принесло положительных результатов в деле христианизации калмыков.

Российское правительство поддерживало деятельность РПЦ по христианизации нерусских народов, поскольку она соответствовала государственному курсу на интеграцию народов России в русское

социокультурное пространство, однако в Калмыкии данная политика вошла в противоречие с действовавшим в то время законодательством, которое запрещало поселение на калмыцких землях лиц некалмыцкого происхождения. Следуя закону, светские власти запрещали русским селиться в миссионерских станах, а тех, кто там уже поселился, стремились заставить выселиться за пределы калмыцких земель. Эффективность этих действий во многом зависела от личностных качеств руководителей губернской и калмыцкой администрации, и в первую очередь, от степени их религиозности. В большинстве случаев в губернском аппарате работали чиновники, равнодушные к православному миссионерству, которые в своей деятельности старались не выходить за рамки своих прямых служебных обязанностей.

Руководство РПЦ, наоборот, как могло, поддерживало русских поселенцев, рассчитывая с их помощью решить многие задачи православного миссионерства. Отношение к ним изменилось в худшую сторону в начале 1910-х гг., когда интересы христианизации вошли в противоречие с процессом резкого увеличения численности русского населения, приведшем в итоге к уходу крещеных калмыков из станов.

Русский фактор был важным фактором, но не причиной оттока крещеных калмыков из станов и возвращения многих из них в лоно буддизма

На наш взгляд, главная причина неудачи поселения крещеных калмыков и вообще христианизации заключалась в том, что властям не удалось создать в глазах калмыков привлекательный образ жизни в станах. Принятием христианства и переходом на оседлый образ жизни калмыки надеялись поправить свое материальное положение и зажить более обеспеченной жизнью, чем их сородичи-кочевники, однако эти ожидания не оправдались. Необходимо также учитывать и тот факт, что предоставляемые крещеным калмыкам льготы по налогообложению и повинностям носили в основном временный характер. После завершения переходного периода крещеные калмыки должны были поступить в разряд крестьян и принять на себя все положенные данному сословию налоги и повинности, которые были тяжелее по сравнению с кочевниками. Для примера укажем, что на кочевников не распространялась воинская повинность, они не платили поземельный и подушный налоги и прочие.

В числе причин неуспеха православного миссионерства среди калмыков назовем также недостаточное финансирование православных миссий и отсутствие системности в действиях властей по христианизации. Государственная власть, хотя и поддерживала политику христианизации, но необходимых денег на ее проведение не выделяло, основную часть материальных средств на поддержку миссии РПЦ должна была изыскивать из своих источников. Отметим также то, что ни у светских, ни у духовных властей не было ни

продуманного плана, ни отработанной системы по проведению политики христианизации в Калмыцкой степи.

Примечания Notes

¹ Дорджиева Г.Ш. Буддизм и христианство в Калмыкии: Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII – начало XX вв.). Элиста, 1995.

² Орлова К.В. История христианизации калмыков: Середина XVII – начало XX в. Москва, 2006.

³ Khodarkovsky M. “Not by Word Alone”: Missionary Policies and Religious Conversion in Early Modern Russia // Comparative Studies in Society and History. 1996. Vol. 38. № 2. P. 267–293.

⁴ Орлова К.В. История христианизации калмыков: Середина XVII – начало XX в. Москва, 2006. С. 100.

⁵ Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 597. Оп. 1. Д. 61. Л. 12.

⁶ Отчет Астраханского православного епархиального миссионерского общества за 1884 г. // Астраханские епархиальные ведомости. 1885. № 7. С. 113.

⁷ Там же. С. 114.

⁸ Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. И-9. Оп. 5. Д. 615. Л. 147–148.

⁹ ГААО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 61. Л. 13об.

¹⁰ ГААО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 213. Л. 3.

¹¹ Извлечение из путевого журнала миссионера, иеромонаха Гавриила // Астраханские епархиальные ведомости. 1877. № 32. С. 14.

¹² ГААО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 94. Л. 3.

¹³ Там же. Л. 3об.

¹⁴ Там же. Л. 4.

¹⁵ Саввинский И.И. О деятельности Астраханского епархиального комитета по распространению христианства среди калмыков и киргизов за все время его существования (1871 – 1909 гг.) // Астраханские епархиальные ведомости. 1910. № 19. С. 696.

¹⁶ Отчет Астраханского православного епархиального миссионерского общества за 1885 год. Астрахань, 1886. С. 3.

¹⁷ Отчет Астраханского православного епархиального миссионерского общества за 1884 г. // Астраханские епархиальные ведомости. 1885. № 7. С. 114.

¹⁸ Отчет Астраханского православного епархиального миссионерского общества за 1883 г. // Астраханские епархиальные ведомости. 1884. № 8. С. 135.

¹⁹ Белоусов С.С. Поселение начиналось с церкви: Село Воробьевка (Бислюрта), 1877 – 1917. Москва, 1998. С. 19.

²⁰ Саввинский И.И. О деятельности Астраханского епархиального ко-

митета по распространению христианства среди калмыков и киргизов за все время его существования (1871 – 1909 гг.) // Астраханские епархиальные ведомости. 1910. № 20. С. 724.

²¹ Мефодий (Львовский Н.В.) Князе-Михайловский миссионерский стан Ставропольской епархии. Казань, 1906. С. 4.

²² Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста, 1998. С. 35.

²³ Там же. С. 38.

²⁴ НАРК. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 186. Л. 204.

²⁵ Дуброва Я.П. Указ. соч. С. 38.

²⁶ Саввинский И.И. О деятельности Астраханского епархиального комитета по распространению христианства среди калмыков и киргизов за все время его существования (1871 – 1909 гг.) // Астраханские епархиальные ведомости. 1910. № 19. С. 682, 691; № 20. С. 724.

²⁷ НАРК. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 314. Л. 24.

²⁸ НАРК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1771. Л. 98

²⁹ Иринарх. Несколько слов о рациональной постановке инородческой миссии среди калмыков-ламаитов Астраханской губернии // Астраханские епархиальные ведомости. 1915. № 35-36. С. 809.

³⁰ НАРК. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 282. Л. 196.

³¹ Иринарх. Несколько слов о рациональной постановке инородческой миссии среди калмыков-ламаитов Астраханской губернии // Астраханские епархиальные ведомости. 1915. № 35-36. С. 809.

³² Отчет о деятельности Астраханского епархиального комитета Православного миссионерского комитета за 1914 год. Астрахань, 1915. С. 9.

³³ Иринарх. Несколько слов о рациональной постановке инородческой миссии среди калмыков-ламаитов Астраханской губернии // Астраханские епархиальные ведомости. 1915. № 35-36. С. 810.

Автор, аннотация, ключевые слова

Белоусов Сергей Степанович – канд. ист. наук, доцент, старший научный сотрудник, Калмыцкий научный центр, Российская академия наук (Элиста)

sbelousovelista@mail.ru

В статье на основе впервые использованных архивных документов показана роль русских переселенцев на калмыцкие земли в христианизации калмыков. Русская православная церковь стремилась использовать русских переселенцев в своей миссионерской деятельности в Калмыцкой степи. Со своей стороны, российское правительство поддерживало деятельность Русской православной церкви по христианизации нерусских народов, поскольку она соответствовала государственному курсу на интеграцию народов России в русское социокультурное пространство. Однако в Калмыкии эта политика вошла в противоречие с законодательством, которое запрещало поселение на калмыцких землях лиц некалмыцкого

происхождения. Следуя закону, светские власти запрещали русским селиться в миссионерских станах, а тех, кто там уже поселился, стремились заставить выселиться за пределы калмыцких земель. Эффективность этих действий во многом зависела от личностных качеств руководителей губернской и калмыцкой администрации, и в первую очередь, от степени их религиозности. В большинстве случаев в губернском аппарате работали чиновники, равнодушные к православному миссионерству, которые в своей деятельности старались не выходить за рамки своих прямых служебных обязанностей.

Руководство Русской православной церкви, наоборот, как могло, поддерживало русских переселенцев, рассчитывая с их помощью решить многие задачи православного миссионерства в Калмыцкой степи. Однако в начале 1910-х гг. отношение Русской православной церкви к русским переселенцам изменилось в худшую сторону. Причина состояла в том, что рост численности русского населения в миссионерских станах привел к уходу оттуда крещенных калмыков.

Главная причина неудачи поселения крещеных калмыков в миссионерских станах и вообще христианизации калмыков заключалась в том, что светским и церковным властям не удалось создать в глазах калмыков привлекательный образ жизни в этих станах. Принятием христианства и переходом на оседлый образ жизни калмыки надеялись поправить свое материальное положение и зажить более обеспеченной жизнью, чем их сородичи-кочевники, однако эти ожидания не оправдались.

Калмыкия, калмыки, Русская православная церковь, христианизация, православное миссионерство, переселенец, переселенческая политика, Астраханская губерния, Ставропольская губерния.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Khodarkovsky, M. "Not by Word Alone": Missionary Policies and Religious Conversion in Early Modern Russia. *Comparative Studies in Society and History*, 1996, vol. 38, no. 2, pp. 267–293. (In English).

(Monographs)

2. Belousov, S.S. *Poselenie nachinalos s tserkvi: Selo Vorobyevka (Bislyurta), 1877 – 1917* [The Settlement Began with the Church: The Village of Vorobyevka (Bislyurt), 1877 – 1917.]. Moscow, 1998, 78 p. (In Russian).

3. Dordzhiyeva, G.Sh. *Buddizm i khristianstvo v Kalmykii: Opyt analiza religioznoy politiki pravitelstva Rossiyskoy imperii (seredina XVII – nachalo XX vv.)* [Buddhism and Christianity in Kalmykia: The Experience of Analyzing the Religious Policy of the Government of the Russian Empire (mid-17th – early 20th Centuries).]. Elista, 1995, 126 p. (In Russian).

4. Orlova, K.V. *Istoriya khristianizatsii kalmykov: Seredina XVII – nachalo*

XX v. [The History of the Christianization of the Kalmyks: The Middle of 17th – beginning of 20th Centuries.]. Moscow, 2006, 207 p. (In Russian).

Author, Abstract, Key words

Sergey S. Belousov – Candidate of History, Senior Lecturer, Senior Researcher, Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences (Elista, Republic of Kalmykia, Russia)
sbelousovelista@mail.ru

The article based on new archival documents shows the role which Russian migrants in the Kalmyk lands played for the Christianization of the Kalmyks. The Russian Orthodox Church tried to use Russian migrants in its missionary work in the Kalmyk steppe. In its turn, the Russian government supported the efforts of the Russian Orthodox Church aimed at Christianizing non-Russian peoples as that was in line with the course pursued by the Russian state to integrate the peoples of Russia into Russia's social and cultural space. However, this policy contradicted to the Kalmyk legislation that prohibited people of non-Kalmyk origin to settle on Kalmyk lands. Following this law, the secular authorities did not allow the Russians to settle in missionary settlements and made those already residing there leave Kalmykia. The effectiveness of those acts depended on the personal qualities of the provincial and Kalmyk administration, primarily, on the degree of their religiosity. In most cases the provincial bureaucrats were indifferent to Orthodox missionary work choosing to stay within their immediate professional duties.

The leadership of the Russian Orthodox Church, on the contrary, did their best to support Russian migrants hoping that the latter would help it resolve numerous issues in its Orthodox missionary work in the Kalmyk steppe. However, in the early 1910s the attitude of the Russian Orthodox Church to the Russian immigration took a negative turn after the Christened Kalmyks had to leave the missionary settlements as the Russian population there kept on growing.

The main reason why the missionary settlements with Christened Kalmyks and the Christening of the Kalmyks, in general, were a failure was that both secular and church authorities did not succeed in making the life-style image at the missionary settlements attractive for the Kalmyks. By converting to Christianity and settling down, the Kalmyks sought to improve their economic position and live a better life compared to their nomad counterparts, but their expectations were not met.

Kalmykia, Kalmyks, Russian Orthodox Church, Christianization, Orthodox missionary work, migrant, resettlement policy, Astrakhan province, Stavropol province.

М.В. Каиль

**ПОСЛЕВОЕННОЕ ПРАВОСЛАВИЕ: ЕПИСКОПАТ,
ДУХОВЕНСТВО И ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ В СССР
(1943 – 1953 годы)***

M.V. Kail

**Post-war Orthodoxy: Episcopate, Clergy, and State Regulation
of Church Life in the USSR (1943 – 1953)**

В историографии известно, какие глубокие изменения в государственной вероисповедной политике Советского государства повлекли события 1943 г., а именно встреча И.В. Сталина с архиереями, созыв Архиерейского собора с избранием патриарха и легализацией определенных церковно-управленческих институтов и практик¹.

При этом секулярное государство, ранее действовавшее декретивно, меняя курс вероисповедной политики в 1943–1945 гг., создает соответствующие в бюрократической практике институты реализации государственной вероисповедной политики, а именно Совет по делам Русской православной церкви, действовавший в 1943–1965 гг. Структура Совета в первые годы постепенно расширялась, с пяти членов и 10–12 сотрудниками в 1943 г. до 43 сотрудников в 1947 г.² Эта тенденция свидетельствовала как о расширении объема подведомственных Совету дел, так и, косвенно, о признании государственным аппаратом необходимости расширения своего административного присутствия в церковной сфере.

Совет привлекал внештатных экспертов, но, главное, сформировал сеть своих чиновников-представителей – уполномоченных Совета на уровне краев, областей и республик. Сегодня существует яркий кинематографический образ взаимоотношений местного православного сообщества и уполномоченного Совета – фильм «Чудо» (реж. А. Прошкин), позволяющий представить условия и практику работы уполномоченных.

К 1946 г. уполномоченные были назначены уже повсеместно, но зачастую, будучи назначенцами областных исполкомов, они были далеки от религиозной проблематики. Часто на эту работу «ссылали» проштрафившихся на более ответственном участке «социалистического фронта» чиновников, нередко назначались люди, не способные к тяжелой исполкомовской работе, о чем свидетельствовал сам председатель Совета Г. Карпов. В результате центральному ап-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Институты православия и православное общество в новейшей истории России 1914 – 1964 гг.: церковная традиция и идентичность в эпоху модернизации» (проект № 19-78-00120).

парату приходилось постоянно инспектировать региональных уполномоченных и разбирать сложные случаи непосредственно, проводить методические и обучающие мероприятия.

Но если коллективный портрет региональных уполномоченных в общих чертах написан в современной историографии³, то церковная иерархия эпохи остается слабо исследованным поколением в церковной жизни, в истории иерархии. Связано это как с децентрализацией и фрагментарностью архивных сведений (церковные архивы недоступны, персональные дела в государственных – находятся на особом режиме хранения), так и с рядом вопросов этического свойства. Известно, что легализация (обеспечение возможности законного церковно-иерархического управления) имела для церкви свою цену: государство отныне непосредственно влияло на кадровую политику патриархии и епархиальных епископов, причем нередко не по линии Совета по делам РПЦ, а в силу установок МГБ, МИДа и других влиятельных политико-административных и силовых структур.

* * *

Положение церковно-административных структур к 1943 г. было сложным, с 1935 г. не действовал Синод, и именно вопрос о высшей церковной власти был поставлен местоблюстителем патриаршего престола митрополитом Сергием (Старогорским) на встрече со Сталиным 4 сентября 1943 г. На свободе и не на оккупированных территориях находилось всего 19 архиереев, которые и приняли участие в соборе и избрании патриарха. Это положение дел определило необходимость инфраструктурной и кадровой реконструкции РПЦ. Потребность в этом была огромной: только за первый месяц работы Совета по делам РПЦ поступило 517 заявлений по вопросу открытия церквей из 39 регионов. В первой половине 1944 г. таких ходатайств поступило 3 045⁴.

Основной для военного времени 1943–1945 гг. была проблема освобожденных от оккупации территорий, в том числе областей Центральной России. Известно, что оккупационные власти проводили довольно тонкую вероисповедную политику: в стремлении снискать лояльность верующего населения и разобщить его с «властью советов» повсеместно открывались приходы, оккупанты не препятствовали возрождению православия «снизу». Таким образом, после освобождения возникала проблема действующих в оккупации храмов и определение их юридического статуса. В большинстве случаев там, где приходы были сформированы и приходская жизнь развивалась еще в оккупационное время, приходы побуждали к регистрации в соответствии с советским законодательством (преемственности в делопроизводстве с оккупационными бургомистрами не было, их документы изымались органами МГБ), в иных случаях активные

члены приходов и организаторы общин попадали под следствие как пособники оккупантов (тогда приходы могли быть рассеяны). Имел место и «уход с немцами» отдельных представителей духовенства, и в этом случае оставшаяся без попечения община могла ходатайствовать перед советскими властями об открытии прихода и назначении священника.

Во всех случаях основной заботой церковного центра и светской власти в 1943–1945 гг. стала кадровая проблема – назначение на новооткрытые приходы священников, коих практически не осталось. С той же остротой стояла и проблема администрирования диоцезов: недостаток в епископах был еще более острым. В результате последние военные годы стали временем реконструкции церковной инфраструктуры, массовых священнических и епископских хиротоний. Очевидно, назначения были спешными, а назначаемые нередко не вполне соответствовали традиционным не только для имперской России, но и для первых советских десятилетий критериям (опытное монашество, высшее богословское образование, долгое вдовство для авторитетного протоиерея).

Так, решение Синода о замещении Смоленской кафедры (Смоленск был освобожден от оккупации 25 сентября 1943 г., а область – в течение октября) состоялось 16 ноября 1944 г. со следующей формулировкой: «Кандидатом на эту епископскую кафедру мог бы быть настоятель Георгиевской церкви села Матвеева Спировского района Калининской обл. Претендент Смирнов Александр Викторович 1883 года рождения, окончивший С.-Петербургскую духовную семинарию, вдовый с 1939 года. Протоиерею Смирнову А.В., по пострижении в монашество, быть епископом Смоленским и Дорогобужским с тем, чтобы наречение и хиротония были совершены в Москве по указанию Патриаршего Местоблюстителя»⁵. В данном случае необходимые критерии (вдовство) соблюдались, да и хиротонисанный был опытным священником, хотя и не без белых пятен в биографии.

В собственноручно заполненной анкете епископ Сергей писал о том, что священствовал с 1914 г. последовательно на двух приходах, но в 1939 г. «вышел в заштат, при наступлении немцев эвакуировался в Иркутск, где работал в научной библиотеке, 1944 г. был священником в селе Матвеево Спировского р-на Калининской обл.»⁶.

В автобиографии епископ раскрывает некоторые детали своей биографии. Становится понятно, что родился он в семье дьякона церкви при Институте гражданских инженеров, однако стал к 1940-м гг. вполне советским человеком, определяя местом рождения «Ленинград», а адресом службы отца «Международный пр.». Окончив семинарию в 1908 г., будущий архипастырь не стал священником, но начал преподавать в церковно-приходской школе (отец умер ранее, и его место сын не унаследовал, что было нередко в ту пору) и лишь в 1910 г. был назначен священником в Лужский уезд. Болез-

ненную историю 1939 г. он описал так: «Ушел в заштат и находился на иждивении детей, проживавших в Малой Вишере под Ленинградом... В 1939 году я овдовел, в семье имел 3-х детей, двух дочерей и сына. Старшая дочь Нина Александровна Данилович с сыном будучи одинокой в настоящее время проживает со мной, а сын Викторин, по окончании средней полной школы и поступлении в Ленинградский строительный институт в 1939 году был призван на действительную военную службу и в начале Отечественной войны пошел защищать свою Родину»⁷.

Та же автобиография раскрывает и специфику церковного управления послевоенной Смоленщины: «В 1944 году возвратился из эвакуации и был назначен Архиепископом Калининским и Смоленским Василием священником в село Матвеево Спировского района Калининской обл. В этом же году был вызван в Московскую Патриархию и указом Священного Синода при Московском Патриархе от 23 ноября 1944 года за № 1974 был назначен на кафедру Епископа Смоленского и Дорогобужского»⁸.

Из биографических документов преосвященного Сергея становится известно, что немногие из действовавших в 1943–1944 гг. архиереев совмещали управление несколькими историческими кафедрами. Так, упомянутый Сергием архиепископ Василий (Ратмиров) возглавлял одновременно Калининскую (исторически – Тверскую) и Смоленскую епископские кафедры. История с хиротонией Сергия обнаруживает и механизм рекомендации, с которой выступали действующие архиереи в отношении известных им клириков, чье положение не препятствовало епископской хиротонии. При этом рекомендация архиепископа Василия свидетельствовала далеко не о высоких нравственных качествах кандидата. Ведь сей архиерей без духовного образования (бездоказательно писавший об окончании Киевской академии) почти два десятилетия проведенный в обновленчестве (то возлагая, то низлагая с себя сан), в июле 1941 г. принесший покаяние и получивший назначение на Калининскую кафедру, в годы войны помогал советской разведке на оккупированной территории и тем снискал поддержку властей. Передав в 1944 г. Смоленскую кафедру рекомендованному им Сергию, он возглавил⁹ церковь Белоруссии, завершив церковную карьеру в 1947 г. скандалом на почве кражи средств.

* * *

Каково же было положение типичной центрально-российской епархии в послевоенные периоды? С какими проблемами сталкивалось священноначалие? Какие вопросы стояли перед церковным обществом той поры?

Нельзя не отметить, что общество, особенно не только что освобожденных территориях, к коим относилась и Смоленская область,

испытывало массу социально-бытовых проблем. Так, в частности, жилищное положение послевоенных смолян описывает тот факт, что в первые годы после оккупации и по завершении войны некоторые смоляне жили под сводами Смоленской крепостной стены, которая и сама находилась в плачевном состоянии. В таких экономически ослабленных регионах вопросы администрирования церковной жизни в восприятии исполкома не могли быть осмыслены как значимые и существенные. Вероятно, в силу этого обстоятельства Смоленская область не была в числе первых, назначивших регионального уполномоченного Совета по делам РПЦ, а первые систематические отчеты чиновника начинают поступать в Москву только в 1945 г. и вызывают почти постоянную критику (порой переходящую в трудно скрываемое даже в официальной переписке раздражение). Да и на пост уполномоченного в регионе был назначен Н. Митин, переведенный на «религиозный участок» с сельского хозяйства, при этом чиновник имел замечание по службе. Стиль и лексика его отчетов и оперативного делопроизводства свидетельствует о том, что смыслы религиозной жизни, административное устройство церкви и ее корпоративные правила были известны и понятны администратору не вполне.

При этом недостаточно опытный чиновник не спешил посыпать голову пеплом и нередко вступал в полемику с центральным аппаратом Совета по делам РПЦ, который стремился дисциплинировать Митина: «Совет считает необходимым еще раз обратить Ваше внимание на отмеченные ранее недостатки, состоящие в том, что у Вас имеет место в некоторых случаях формальный подход к проверке и рассмотрению заявлений верующих. Так, например, касаясь рассмотрения ходатайства об открытии церкви в селе Соколино, Вы ссылаетесь на решение об отклонении этого ходатайства, которое было три года тому назад. В этом-то и состоит формальный подход к вопросу, т.к. верующие продолжают настаивать на своем ходатайстве, а за 2-3 года обстановка могла значительно измениться, и вынесенные решения, возможно, следует пересмотреть»¹⁰.

Совет отмечал управленческие слабости, стремление избежать ответственности и со стороны епископа Сергия, требуя в этой связи решительности от своего представителя: «Совет обращает Ваше внимание на тот факт, что в отдельных случаях мотивировка епископа Сергия об отклонении ходатайства верующих не является самостоятельной и ответственной. Так, например, по ходатайству верующих гор. Велиж он пишет: “По содержанию отношения Вашего... судя по переписке... учитывая малочисленность верующих в г. Велиж...” Подобная мотивировка не выражает собственно мнения епископа, а является ссылкой на Вас. Так и выходит, что в отдельных случаях Вы ссылаетесь на епископа, а епископ ссылается на Вас. Между тем верующие остаются неудовлетворенными и могут распространять нездоровые разговоры»¹¹.

Член Совета Иванов заключал: «Сведение о движении ходатайств об открытии церквей за все время Вашей работы показывает, что из 42 церквей, об открытии которых ходатайствовали верующие, разрешено открыть только одну церковь. Епископом отклонены ходатайства по 13 церквам, а остальные ходатайства были отклонены Облисполкомом и Вами». И затем ставил конкретную задачу повысить ответственность за принимаемые представителем Совета решения¹².

При этом к началу 1947 г. на Смоленщине действовало 69 приходов. Служили епископ, 58 священников, 8 диаконов и 58 псаломщиков¹³. Как видим, в эту пору расширения административного контроля в каждом приходе существовал «штатный» псаломщик, его связь с литургической жизнью храма фиксировалась, очевидно, с целью контроля за любой формой участия верующих в богослужениях. Примечательно и разделение священнослужителей на «указных» и служащих «по найму»¹⁴.

Сами отчеты уполномоченного обнаруживают нездоровую обстановку среди духовенства епархии, высокую динамику штатов священства в связи с несоответствиями по службе. За один только квартал 1947 г. «выбыло и снято с регистрации» 6 священников, из которых 1 отправился на обучение в Москву (богословские курсы), 1 ушел за штат по болезни и 1 умер, еще 1 ушел за штат по возрасту, а 2 священника были «уволены епископом» «за пьянство и бытовое разложение». При этом пополнился клир лишь двумя священниками через рукоположение дьякона и псаломщика, четверо священников прибыли из других регионов страны.

Вероятно, сам того не понимая, уполномоченный взял на вооружение принцип «разделяй и властвуй»: так, уволенным за незаконное поведение священникам он рекомендовал жаловаться на епископа в патриархию. Нередко и сами члены причта, и верующие не вспоминали о христианских заветах и добродетелях: староста когда-то единственного открытого (и потому, очевидно, наиболее обеспеченного) храма Смоленска – Окопной церкви – жаловался «на незаконные действия епископа», «выразившиеся в содержании за счет церкви больного священника бывш. в этой церкви Зверева Б.Б.» – уполномоченный и тут рекомендовал обращаться (понимай: жаловаться) в патриархию¹⁵. Председатель ревизионной комиссии Ольшанской церкви Смоленского района жаловался на то, что священник потратил 2 000 руб. на встречу епископа (по традиции, в случае епископского богослужения храм украшался, на приходе накрывался стол, нередко епископу подносили какой-то подарок). Как видим, дух доноительства, жалоб распространился и на православные общины, представители которых вполне освоили приемы разбирательства «по-советски», вошедшие в обиход в 1930-е гг.¹⁶

Не могут не обратить на себя внимание и отношения между уполномоченным и епископом. Уполномоченный явно не питал уваже-

ния к главе епархии, позволяя себе в его отношении и иронические уколы, и надменность. Епископ же испытывал такую неуверенность и опасливость, что без всяких требований уполномоченного передавал ему все материалы епархиального делопроизводства (протоколы совещаний и собраний, тексты посланий и проповедей), благодаря чему ныне они оказались в распоряжении исследователей. Митин так охарактеризовал епископа: «Управляющий епархией мало интересуется церковной жизнью своей епархии, церковью не посещает вследствие слабого здоровья, однако там, где хорошо встречают, — он, несмотря на слабое свое здоровье, делает выезды и на довольно приличные расстояния...» Примечательно и указание на отношение к архиерею ближайших его помощников: «Выражает недовольство его личный секретарь протоиерей Поликарпов Валентин, обвиняя епископа в бездеятельности и алчности, называя его ограниченным человеком»¹⁷.

Епископ Сергей был столь не уверен в дозволенном формате общения со своей паствой, что пасхальное послание 1946 г. ограничил пятью строками общих поздравительных возгласов. При этом он составлял относительно пространные обращения к благочинным, священству и пастве в отношении патриотической работы (в период завершения войны) и подробно обосновывал экстраординарные общепархиальные сборы, например, на восстановление зданий соборного двора Смоленска.

К 1949 г. отношение к правящему архиерею даже такого далекого от церковного контекста уполномоченного, как Н. Митин, эволюционировало до полного неуважения и презрения: «Смирнов весьма ограничен, как епископ и как человек абсолютно не пользуется авторитетом среди духовенства и мирян. В разрешении и постановке вопросов безинициативен, непоследователен. Часто поставленные им вопросы, тут же, в силу их несерьезности, снимаются обратно. Например, Смирновым неоднократно ставились вопросы передо мной об организации курсов по переподготовке служителей культа. Однако на мой вопрос — какие у вас имеются для этого возможности, — он отвечал — я еще этого вопроса не продумал, — и через два-три дня снимал этот вопрос обратно и так повторялось несколько раз. В высшей степени, до мелочей, алчен (доходит дело до того, что сам торгует свечами из склада собора)»¹⁸.

Наконец, уполномоченный упоминает (в ряде синхронных источников епархиального происхождения сведение подтверждалось): «имеются сведения, что Смирнов наркотик, странность его поведения подтверждает вышесказанное». Епископ-морфинист с парализованной волей — шокирующая характеристика послевоенной церковно-управленческой сферы.

При этом «слабый» и немало критикуемый архиерей пробыл на Смоленской кафедре до апреля 1955 г., провел на покое два последних года своей жизни. При нем развивалось и привычное для иерар-

хической среды кумовство (зачастую пресекаемое советскими корпоративными влияниями). Так, в 1953 г. епископ без особого сопротивления уполномоченного и исполкома провел назначение своего родного брата священником в Смоленский кафедральный собор¹⁹. В попытке создания лояльной среды епископ предпринимал и попытки смены своего окружения: в том же 1953 г. он назначил освобожденного из заключения В. Поликарпова (и это назначение свидетельствует об определенной свободе кадровой политики епископа).

Не был смоленский архиерей ограничен и в праве выезда. Так, в отчете уполномоченного за первый квартал 1953 г. есть упоминание о визите епископа в Ригу, где он обращался к латвийскому архиерею с просьбой помочь вверенной епархии священническими кадрами. В комплексе документов (ГА РФ. Ф. 5446), содержащем данные о всех официальных делегациях РПЦ, сведений о поездке Сергия в Ригу нет, что позволяет полагать, что такой визит мог быть частным либо паломническо-туристическим²⁰.

В начале 1950-х гг. в Смоленской области сменился уполномоченный совета: им стал Г. Галинский, показавший себя более деятельным и корректным чиновником. В своей работе он действовал прагматично, безэмоционально, по всем сложным и спорным вопросам консультировался с сотрудниками МГБ. Только по рекомендации органов госбезопасности он позволял себе «не рекомендовать» назначение того или иного священника, но у каждого из таких назначений, как правило, была своя внутрицерковная подоплека, нередко вскрывающая внутренние конфликты и противоречия.

При уполномоченном Галинском епископ Сергей предстает уже не столь беспомощным и бездеятельным: он совершает поездки, рекрутирует священников, полагаясь при этом исключительно на их уровень образования и опыт. Однако попытка епископа перевести в Смоленск образованного священника из Пинской области обернулась конфликтом с соборным настоятелем, который обратился к уполномоченному с заявлением о «недовольстве действиями епископа, который особенно в последнее время стал тянуть с запада священников» и он «этим западникам, воспитанникам пильсудской Польши не доверяет», клоня к тому, что кандидат-де явный шпион и о поведении епископа стоит задуматься в данном контексте²¹. В результате переговоров епископ пошел на попятную, но свою идею об обновлении соборного клира и смене епархиального секретаря не оставил, реализовав ее с новым кандидатом буквально через два месяца.

Галинский вникал в положение дел в районных городах, каждый квартал старался посетить один из райцентров, встречался и беседовал с духовенством, собирал сведения о нем во время поездок. При этом и визиты свои обставлял не как инспекции, но как деловые поездки с целью деловой помощи, а районное священство и не стеснялось обращаться к уполномоченному, в том числе и за решением

своих социальных проблем (назначением пенсий, восстановлении на работе членов семьи и т.п.). Даже в начале 1950-х гг. некоторые приходские советы-«двадцатки» проявляли волю, жаловались на архиерея и настоятеля, требовали смены старост (эта позиция контролировалась исполнительными органами и МГБ в силу влияния на хозяйственные дела, на экономику прихода).

Некоторые священники возвращались в те годы на службу из мест заключения. При этом большинство из них были осуждены во второй половине 1940-х гг. не за антигосударственную деятельность, а за «деятельность в период оккупации». Такие священники чувствовали свою уязвимость и нередко шли на причудливый штурм уполномоченного. Так, побывав зимой 1953 г. в Рославле, уполномоченный Галинский возмущался попыткой одного из местных священников вручить ему взятку²².

В начале 1950-х гг. в целом по-деловому с участием уполномоченного вне политико-идеологического контекста решались хозяйственные и даже инфраструктурные вопросы епархии. Так, епископ Сергей инициировал строительство 8-квартирного жилого дома для клира кафедрального собора. Получил содействие городского Совета, согласившегося на выделение участка земли, и одобрение патриархии. Ныне такая амбициозная просьба не вызвала бы такого раздражения, которое вызвала в 1947 г. инициатива приобретения автомобиля для епископа и епархиального управления. Уполномоченный отмечал: «Считаю, что произвести постройку жилого дома вполне целесообразно, это с одной стороны увеличит жилой фонд, в котором город очень нуждается и, с другой стороны, служители культа не будут связаны с частным жильем»²³.

При этом и контроль за деятельностью епархиального управления и его управлением приходами был принципиальным и жестким. В случае, когда уполномоченный узнавал о практике единоличного смещения священником хотя бы одного из членов «двадцатки», особенно таких «облеченных властью», как казначей или староста (с ними у священников и были связаны основные конфликты и недопонимания), он добивался от епископа «снятия с работы» такого священника. Уполномоченный вникал в налоговые недоимки приходов (и через епископа требовал срочного погашения долгов перед финорганами), проверял инвентарные книги, вполне ответственно рассматривая церковное имущество в качестве социалистического и пресекая любые попытки его несанкционированной передачи, сокрытия и т.п. С той же ответственностью пресекались попытки злоупотребления или хищения церковных денег (вплоть до возбуждения уголовных дел). Из типичных адаптационных приемов церковной администрации уполномоченным отмечался такой: «Свечи покупаются не в епархиальном управлении, а в магазинах по дешевым государственным ценам, которых не приходят и продают их в церкви по весьма высоким ценам, а вырученные суммы присваива-

ют себе»²⁴. Уполномоченный отмечал и напряжения по хозяйственным вопросам внутри церковной среды. Так, епархиальное управление проводило ревизии с целью взыскания недоимок по взносам в епархиальный совет.

Но и при повышении административной дисциплины в начале 1950-х гг., судя по некоторым оговоркам уполномоченного, становится ясно отношение обкома КПСС и облисполкома к церковной проблематике: весной 1953 г. обком КПСС направил уполномоченного «в командировку по весеннему севу», в результате чего его основная работа была фактически приостановлена.

* * *

Епархиальные реалии второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. с убедительностью демонстрируют массу противоречий и деструктивных для развития собственно религиозной жизни и церковных институтов процессов и явлений.

Институционально возрожденная в 1943 г. церковная организация сразу оказалась под жестким, хотя на местном уровне нередко и не вполне компетентным, контролем. Зависимость епископата и священства, их заискивание перед уполномоченными Советом по делам РПЦ и даже членами «двадцаток» (от позиции которых нередко зависела сама возможность службы священника) серьезно повлияли на атмосферу, моральный климат в православном сообществе эпохи.

Произошел очевидный поколенческий слом, когда к епархиальному управлению и на священнические места пришли люди не всегда безупречных личных качеств и даже ясной веры (нужно принять во внимание расхожие представления о том, что священник живет сыто, а дефицит священнических кадров, неполновластие и несвобода епископов не позволяли принимать на места действительно подготовленных кандидатов).

Резко упал уровень религиозного образования, что проявлялось на всех уровнях и во всех практиках церковной жизни, от текстов посланий архиереев и проповедей приходских священников до уровня проблем, их волновавших и возглашаемых ими перед церковным обществом.

Разумеется, в церкви изучаемой поры были и высокообразованные архипастыри и пастыри. Они-то и были рекрутированы на выполнение главной публичной миссии церкви послевоенного периода – внешнеполитической²⁵. Но облик и настроения в церкви определяли все же епархиальные реалии.

Примечания Notes

¹ Васильева О.Ю. Русская православная церковь в политике Советско-

го государства в 1943 – 1948 гг. Москва, 2001; *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939 – 1964 годах). Москва, 2005.

² *Онищенко А.Б.* О роли и значении Совета по делам Русской Православной Церкви в 1943 – 1953 годах // Церковь и время. 2011. № 2(55). С. 133–156.

³ *Гераськин Ю.В.* Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви: Исторический портрет // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2008. № 3. С. 48–53; *Гераськин Ю.В.* Возникновение и становление института уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-4(60). С. 45–51.

⁴ *Одинцов М.И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма: 1917 – 1953 гг. Москва, 2014. С. 308, 311.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 6991. Оп. 7. Д. 108. Л. 6.

⁶ Там же. Л. 3об.

⁷ Там же. Л. 5об.

⁸ Там же. Л. 5.

⁹ Василий (Ратмиров) // Православная энциклопедия. Т. VII. Москва, 2004. С. 93, 94.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 204. Л. 2.

¹¹ Там же. Л. 3об.

¹² Там же. Л. 3.

¹³ Там же. Л. 8.

¹⁴ Там же. Л. 5.

¹⁵ Там же. Л. 7.

¹⁶ Общество и власть: 1930-е годы: Повествование в документах. Москва, 1998; Крестьянский мир в эпоху Большого террора: Письма смоленских крестьян в редакцию «Крестьянской газеты», 1917 – 1939 гг. Смоленск, 2018.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 204. Л. 9, 10.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 108. Л. 7.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1046. Л. 19.

²⁰ Там же. Л. 2.

²¹ Там же. Л. 3.

²² Там же. Л. 9.

²³ Там же. Л. 20.

²⁴ Там же. Л. 17.

²⁵ *Якунин В.Н.* Внешние связи Московской Патриархии и расширение ее юрисдикции в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Самара, 2001; *Каиль М.В.* «Православный фактор» в советской дипломатии: Международные коммуникации Московского Патриархата середины 1940-х гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. Т. 35. № 1. С. 19–40.

Автор, аннотация, ключевые слова

Каиль Максим Владимирович – канд. ист. наук, доцент, Смоленский государственный университет (Смоленск)
mvkail@mail.ru

В статье комплексно рассматривается вопрос о епархиальном управлении и организации приходской жизни в центральной России после освобождения от немецкой оккупации в 1943 г. В качестве ключевого фактора влияния на деятельность институтов церковного управления и течение религиозной жизни рассматривается радикальное изменение вектора государственной политики в отношении православия. Это изменение произошло в 1943 г. после встречи И.В. Сталина с иерархами Русской православной церкви, проведения архиерейского собора с избранием патриарха и последовавшей легализацией органов общецерковного управления.

За этим событием последовала, по сути, реконструкция церковных институтов как общецерковного, так и епархиального уровня, проявившаяся в восстановлении органов епархиального управления, назначении на места правящих архиереев и приходского духовенства. При этом послеоккупационные реалии характеризовались «зачисткой» священства, сотрудничавшего с германскими властями, что определило приход в церковное управление новых кадров. Этот процесс приобрел масштаб смены поколений. При этом новая генерация священноначалия разительно отличалась от довоенной иерархии и священства по своему церковному опыту, образованию и мировоззрению, что прослеживается по биографическим данным епископата и священства 1943–1953 г. Епархиальное управление с 1943 г. было поставлено под непосредственный административный контроль института уполномоченных Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР. В статье рассматривается основной спектр действий, практик администрирования различных вопросов церковной жизни новыми уполномоченными, стиль и характер влияния уполномоченных на течение церковной жизни, профессиональные характеристики самих уполномоченных. Также рассматриваются взаимоотношения внутри православного сообщества.

В целом церковная жизнь послевоенного времени характеризуется противоречивостью и рядом болезненных влияний, искажающих традиционные ценности христианской общины, дореволюционные практики церковного управления. Эти вторжения в церковную повседневность были продиктованы переходом церковно-управленческого звена под контроль государственных органов в обмен на легализацию церковного управления.

Великая Отечественная война, немецко-фашистская оккупация, «послевоенный» сталинизм, Русская православная церковь, православие, религиозная политика, церковная иерархия, епархиальное управление, епископ Сергей (Смирнов).

References (Articles from Scientific Journals)

1. Geraskin, Yu.V. Upolnomochennyi Soveta po delam Russkoy pravoslavnoy tserkvi: Istoricheskiy portret [The Commissioner of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church: A Historical Portrait.]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, 2008, no. 3, pp. 48–53. (In Russian).
2. Geraskin, Yu.V. Vozniknovenie i stanovlenie instituta upolnomochennogo Soveta po delam Russkoy pravoslavnoy tserkvi pri Sovete Ministrov SSSR [The Emergence and Establishment of the Institution of the Commissioner of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church of the Council of Ministers of the USSR.]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 4-4(60), pp. 45–51. (In Russian).
3. Kail, M.V. “Pravoslavnyy faktor” v sovetskoy diplomatii: Mezhdunarodnye kommunikatsii Moskovskogo Patriarkhata serediny 1940-kh gg. [The “Orthodox Factor” in Soviet Diplomacy: The International Communications of the Moscow Patriarchate in the mid-1940s.]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom*, 2017, vol. 35, no. 1, pp. 19–40. (In Russian).
4. Onishchenko, A.B. O roli i znachenii Soveta po delam Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v 1943 – 1953 godakh [On the Role and Significance of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, 1943 – 1953.]. *Tserkov i vremya*, 2011, no. 2(55), pp. 133–156. (In Russian).

(Monographs)

5. Odintsov, M.I. Russkaya pravoslavnaya tserkov nakanune i v epokhu stalinskogo sotsializma: 1917 – 1953 gg. [The Russian Orthodox Church before and during the Era of Stalinist Socialism, 1917 – 1953.]. Moscow, 2014, 424 p. (In Russian).
6. Shkarovskiy, M.V. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov pri Staline i Khrushcheve (Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v SSSR v 1939 – 1964 godakh) [The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev: State-Church Relations in the USSR, 1939 – 1964.]. Moscow, 2005, 425 p. (In Russian).
7. Vasilyeva, O.Yu. Russkaya pravoslavnaya tserkov v politike Sovetskogo gosudarstva v 1943 – 1948 gg. [The Russian Orthodox Church in Soviet State Policy, 1943 – 1948.]. Moscow, 2001, 214 p. (In Russian).
8. Yakunin, V.N. Vneshniye svyazi Moskovskoy Patriarkhii i rasshirenie ee yurisdiktsii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941 – 1945 gg. [The Foreign Relations of the Moscow Patriarchate and the Expansion of its Jurisdiction during the Great Patriotic War, 1941 – 1945.]. Samara, 2001, 211 p. (In Russian).

Author, Abstract, Key words

Maksim V. Kail – Candidate of History, Senior Lecturer, Smolensk State University (Smolensk, Russia)
mvkail@mail.ru

The article offers a complex analysis of diocesan administration and orga-

nization of parish life in central Russia after liberation from the German-fascist occupation in 1943. A radical change in the state policy in relation to the Russian Orthodox Church is seen as the key factor of affecting the administration of the Church institutions and clerical life. This change took place in 1943 after J. Stalin’s meeting with the hierarchs of the Russian Orthodox Church, the Bishop’s Council which elected the Patriarch and the following legalization of institutions of Church administration.

This was followed by the actual reconstruction of clerical institutions of the highest as well as diocesan level which was manifested by the restoration of the diocesan administration institutions, nominations of bishops and parish clergy. The post-occupation reality was characterized by the “clean-up” of the clergy collaborating with the German-fascist authorities, which led to the intake of new staff. This process had a generational change character, with the new generation of top clerics widely differing from the pre-war priesthood by their religious experience, education and outlook, which was reflected in the biographical data of the bishops and priests in the period of 1943–1953. Starting from 1943 the diocesan administration was put under the administrative control of the Council for the affairs of the Russian Orthodox Church under the USSR Council of Ministers. The article examines the main spectrum of administrative activities and practices undertaken by the new commissioners in dealing with different issues of the church life, the style and character of their influence on the administration of the Church, and the commissioners’ professional qualifications. The relations within the Orthodox community is also analyzed.

In general, the post-war church life is marked by controversy and some painful influence distorting the traditional values of the Orthodox community and the pre-revolutionary practices of church administration. These intrusions into the church’s everyday life were due to the state control over church administration in exchange for the legalization of church administration.

Great Patriotic War, German-fascist occupation, “post-war” Stalinism, Russian Orthodox Church, Orthodoxy, religious policy, Church hierarchy, diocesan administration, Bishop Sergiy (Smirnov).

Д.В. Хаминов

**ПОДГОТОВКА ИСТОРИКОВ В ПЕРИОД «ПЕРЕСТРОЙКИ»:
НОВАЯ «НАДСТРОЙКА» НА СТАРОМ «ФУНДАМЕНТЕ»
(НА ПРИМЕРЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ СИБИРИ)***

D.V. Khaminov

**The Training of Historians in the Period of “Perestroika”:
A New “Superstructure” on an Old “Foundation”
(On the Example of the Higher School of Siberia)**

Разносторонние реформы, проведенные во второй половине 1980-х гг. и объединенные общим понятием «перестройка», вызвали к жизни масштабные перемены в СССР. Уже на ранней стадии «перестройки» руководство КПСС дало старт процессу общественно-политической трансформации.

В советской высшей школе устаревшие формы работы должны были, по замыслу творцов «перестройки», наполняться новым содержанием. Предполагалось, что это будет достигаться путем поднятия качества подготовки специалистов, изменения правил приема в вузы и принципов формирования студенческого контингента, развития вузовской науки, изменения принципов формирования профессорско-преподавательского состава и повышения его «качества». Основой для реализации практических мер по перестройке работы вузов явился ряд совместных постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, принятых в течение марта 1987 г., и других сопутствующих им партийно-государственных решений по высшей школе. Согласно их духу и букве, системе образования требовались коренные изменения, развитие инициативы и творческого начала в образовательной деятельности.

Вузы и факультеты получали самостоятельность в организации учебного процесса с учетом специфики каждого структурного подразделения. Перестраивался учебный процесс: сокращались аудиторские занятия (уменьшение лекционной нагрузки в пользу семинарских занятий), увеличивалась за счет высвобождающегося времени самостоятельная работа студентов под контролем преподавателей и т.п. Вузы ориентировались на расширение связи с производством (в случаях с вузами, готовивших историков, – это связь со школами). Предписывалось широко применять интерактивные методы преподавания – дискуссии, деловые игры, моделирование производственных ситуаций и другие активные методы обучения,

* Исследование проведено в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России по теме «Интеллектуальный и ресурсный потенциал Северной Азии: исторический опыт развития и ответы на вызовы современности» (2017 – 2019 гг.)» (проект № 33.1687.2017/4.6.).

развивать научно-исследовательскую работу студентов как обязательный элемент подготовки будущих специалистов.

Перестройка высшей школы понималась и как ее децентрализация, демократизация, а также гуманитаризация. Значительное место отводилось модернизации и совершенствованию материально-технической базы, расширению финансовой и организационной самостоятельности вузов, ослаблению политического и идеологического контроля со стороны бюрократического аппарата КПСС, введению реальной выборности руководителей всех структурных подразделений.

Особое же значение «перестройка» имела для системы высшего исторического образования и науки. Переломный характер эпохи придал мощный импульс самой категории «историческое» в советском общественно-политическом пространстве, актуализировал (одновременно еще сильнее политизировав) проблемы подготовки историков и перспективы исторической науки как таковой в стремительно меняющейся стране.

По итогам прошедшего XXVII съезда КПСС (25 февраля – 6 марта 1986 г.) и Всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений (1-3 октября 1986 г.) состоялась череда собраний первичных партийных организаций в различных коллективах страны, в том числе и в вузовской исторической среде¹. На самом съезде последние годы руководства Л.И. Брежнева были названы «периодом застоя», однако критика «застойных явлений» не касалась пока самого Брежнева и его окружения. На Всесоюзном совещании был подведен итог многолетней работы советских историков, на котором выступили крупнейшие ученые страны. Было принято решение разработать и принять специальное постановление ЦК КПСС по исторической науке, а также остро стоял вопрос относительно преподавания истории в школе, речь шла и о новых учебных планах².

Помимо издававшихся нескончаемым потоком партийных и правительственных директив, ведомственных нормативов и иных распорядительных актов, направленных на регулирование организации высшего образования и науки в целом, как и отдельных ее сегментов, самими историками в эти годы велись поиски путей дальнейшего развития исторической науки, определения форм и направлений научно-образовательной деятельности. Дискуссии, публикации, выступления видных ученых и иных общественных деятелей также формировали повестку развития и направлений исторического знания. События, происходившие в центре, находили живой отклик на местах.

В местных газетах и журналах, включая литературно-художественные и публицистические, историки публиковали большое количество исследовательских и публицистических работ злободневного содержания. Эти газеты являлись для историков местом

«апробации» их меняющихся взглядов, полигоном отработки нового источникового материала. Годы «перестройки» были очень динамичным периодом, поэтому материалы должны были оперативно доводиться до широкой публики, до массового читателя, а академические и вузовские издания не давали такой возможности.

В годы «перестройки» определяется круг новых историографических проблем и вопросов для отечественных историков. Вместе с переосмыслением прошлого страны, в том числе с учетом работ западных историков, вместе с поиском новых форм и методов исследований, новых тем и направлений, исследованием «белых пятен», появлялись и новые историографические сюжеты, связанные с проблемами истории и перспективами развития исторического образования и науки в СССР³.

* * *

К моменту начала «перестройки» исторический сегмент советской высшей школы пребывал в весьма неоднозначном состоянии. Структурное расширение высшего исторического образования, продолжавшееся в период 1960-х – 1970-х гг., придавало известный динамизм развитию данной отрасли, обеспечивая до поры до времени как, прежде всего, ее количественный, так и по ряду внутренних направлений качественный рост. В то же самое время консервация общественно-политической атмосферы с конца 1960-х гг. вкупе с уже имевшейся идеологической заданностью основных параметров советского исторического дискурса приводили ко все большим деформациям в развитии системы высшего исторического образования и науки. Одной из главных проблем вузовского исторического сектора, важность которого вскрылась уже по ходу самой «перестройки», являлся углублявшийся разрыв между образовательно-педагогической деятельностью его кадрового состава как основной и научной как второстепенной. В объективных же условиях исчерпания потенциала принятой модели регионализации вузовской науки все эти факторы способствовали осознанию частью научно-педагогического сообщества текущей ситуации как тупиковой, что в дальнейшем и проявилось в качестве своеобразной внутренней готовности к грядущим переменам.

Реакция местных научных сообществ на новшества перестроечной эпохи, как правило, носила инерционный характер, не всегда поспевая за столь высокой частотой колебаний «линии партии», а потом и вовсе дезориентировавшись ввиду стремительного демонтажа несущих конструкций, на которых зиждились как советский исторический, так и педагогический дискурсы. Непосредственно же конкретные формы восприятия новой образовательной политики (и политики вообще) и ответы региональных коллективов историков и педагогов высшей школы зависели от путей их формирования на

предыдущих этапах, особенностей эволюции научных школ, характера и степени развитости внутренних горизонтальных связей, взаимоотношений между лидерами различных направлений, сложившимися традициями отношений с властями.

В результате политических, социально-экономических, идеологических и иных преобразований в период «перестройки», в вузах шел процесс пересмотра и фундаментальных основ высшего образования, прежде всего, базовых, обществоведческих дисциплин. На примере Исторического факультета Кемеровского государственного университета (КемГУ) на рубеже 1980-х – 1990-х гг. видны эти сложные и противоречивые процессы пересмотра преподавания (форм, содержания, методов и т.п.) дисциплин общественно-политического цикла. Сначала был разрешен вопрос с преподаванием истории КПСС, который содержательно был заменен «Политической историей СССР», а организационно сам курс был передан от общеуниверситетской кафедры политической истории (бывшая кафедра истории КПСС) вместе с нагрузкой на Исторический факультет.

Позже, на совете Исторического факультета КемГУ, состоявшемся в мае 1991 г., был остро поставлен вопрос о преподавании политэкономии для историков. Вопрос с этой дисциплиной был связан со сложностью ее преподавания в связи с общей ситуацией кризиса (общественно-политического и экономического) в стране, особенно в сфере хозяйствования. На многих факультетах КемГУ на протяжении нескольких предшествующих лет шел отказ от теории политэкономии, поскольку в ходе этого курса занимались преимущественно «чисто теоретическими проблемами», без привязки к реальной практике, без соотнесения того, что происходило реально в стране, с содержанием курса. Истфак КемГУ в лице декана Ю.Л. Говорова настаивал на том, что на историческом факультете для подготовки историков должна быть именно экономическая теория, а не политэкономия, что нужно «отречься от прежних принципов натаскивания». По мнению историков, важно было обращать внимание на историю политэкономической мысли, расширять исследование политэкономической мысли и политэкономического знания. В итоге со следующего учебного года был введен курс «Основы экономической науки» и утверждена новая программа курса на совещании заведующих кафедрами и методической комиссии истфака с усилением теории экономической мысли⁴.

В историческом сегменте образования и подготовки историков существенное место занимала содержательная перестройка учебных курсов и традиционных форм и методов работы со студентами. Например, во второй половине 1980-х гг. на кафедре всеобщей истории Новосибирского государственного университета (НГУ) в курсе по истории древнего Востока (М.И. Рижский) большое внимание уделялось проблемам культуры и религии, но при этом здесь уже не

ставилась проблема атеистического воспитания на первый план, в нем преподавалась история и теория религии и культуры без идеологических окрасок и оценок. В курс по истории древней Греции и Рима (Н.К. Тимофеева) вводились существенные элементы проблемности и дискуссионности, появлялись краткие исторические обзоры с указанием проблематики исследований, проблемы перехода от античности к средневековью, развития феодальных отношений у народов Европы и т.п. В курсе по истории средних веков (Г.Г. Пиков) стали появляться сюжеты, связанные с историей средневекового города. В лекциях и семинарских занятиях по истории нового времени (Л.Ф. Лисс) усиливались методы сравнительного анализа, выход на истоки многих современных явлений и представлений и т.д.⁵

Активно и качественно в ином русле развивались отношения вузов, прежде всего пединститутов, со школами. Видоизменилась работа в базовой школе, которая представляла собой работу со специализированным классом непосредственно в вузе. В частности, к работе в нем привлекались ведущие преподаватели истфаков. Так, с октября 1988 г. на базе Исторического факультета Тюменского государственного университета (ТюмГУ) был создан «малый истфак», который объединял учеников 8-10 классов Тюмени и пригородных населенных пунктов⁶.

Совет Исторического факультета Новосибирского государственного педагогического института (НГПИ) в октябре 1988 г. обсуждал проект концепции среднего образования по материалам «Учительской газеты»⁷. Концепция предлагала пути выхода из потенциально-го кризиса через соединение традиции и практики 1920-х и 1980-х гг. При обсуждении стало понятным, что разговор о приоритетности образования исторического и педагогического – это старый подход. Ведь если в основе был деятельностный подход, то вопрос о приоритетности образования отпадал сам собой. Речь шла о педагогическом образовании. При том что в историческом образовании, как утверждали собравшиеся, не было идеи гуманистического, гуманитарного образования⁸.

Эксперименты и новшества в области подготовки историков и организации самого исторического образования, в том числе для средней школы, нашли в НГПИ большой отклик. Новаторская идея новосибирцев заключалась в обучении студентов без учебников. Итог – написанный «как будто» студентами учебник, в котором было собрано большое количество документального материала, который может быть использован в школе. По поводу связи со школами главная задача заключалась в формировании собственной педагогической позиции, что осуществлялось через педагогическую практику, поскольку «студенты должны знать, зачем они идут в школу». Реальные задачи определялись четко: разрушить монополию учебника (школьного, вузовского) на знания⁹.

В самом конце советского периода (июнь 1991 г.) на совете

Исторического факультета Барнаульского государственного педагогического института (БарГПИ), в период первых альтернативных выборов декана факультета, в своем предвыборном слове кандидат М.А. Демин обозначил основные проблемные точки в развитии как самого факультета, так и исторического образования и науки, которые можно назвать характерными для всего исторического образования советских пединститутов. В частности, при определении дальнейших перспектив развития факультета он предлагал ориентироваться на потребность школы и органов народного образования, на соответствие имевшихся специальностей школьным курсам, на усиление методической и психолого-педагогической подготовки выпускников. Он предлагал готовить студентов не по одной, а по нескольким специальностям, что давало бы возможность, с одной стороны, серьезного творческого роста факультета, а с другой стороны, позволяло бы без ущерба для преподавателей комбинировать свою деятельность в условиях постоянно меняющихся школьных учебных планов¹⁰.

В начале 1990-х гг. в рамках реформ высшей школы традицией стало проведение самоаттестаций факультетов, на основе которых, в том числе, проводилась и аттестация пединститутов в целом центральными органами управления образованием. Целью аттестации пединститутов в РСФСР в тот период было установление категории и статуса вуза. Это делалось для того, чтобы один из пединститутов крупной экономической зоны (макро-региона) мог стать педагогическим университетом¹¹. Однако эта инициатива так и не получила развития в ходе распада СССР.

С началом реформирования учебно-методической и научно-организационной работы на исторических факультетах, отделениях и кафедрах, разрешения ряда злободневных проблем, историки сибирских вузов принялись на волне «перестройки» искать новые подходы к организации исторического образования, новые направления подготовки, вытраивать перспективы развития факультетов и кафедр, а также открывать и учреждать новые научно-образовательные и вспомогательные структурные подразделения.

Факультеты принялись составлять собственные программы перспективного развития. Интересным оказалось видение своего развития Историческим факультетом Иркутского государственного университета (ИГУ). В перспективе развития факультета была поставлена задача выйти с предложением в Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР и Госкомитет по науке и технике СССР об открытии проблемной лаборатории на базе уже существовавших трех лабораторий при кафедрах с их тематикой. В этом же ключе предлагалось выйти на совет университета с инициативой о разделении кафедры всеобщей истории на кафедру новой и новейшей истории, кафедру археологии и древнего мира, кафедру стран зарубежной Центральной и Восточной Азии, а ка-

федру истории СССР – на кафедру досоветского периода и кафедру советского периода. У коллектива имелись план и программы организации единой межкафедральной специализации «Историческое краеведение», которые требовали согласования с министерством. Предполагалось создание комплексной научной межфакультетской программы «Проблемы взаимодействия человека и природной среды в плейстоцене», которая должна была объединить усилия Исторического, Биолого-почвенного, Географического, Геологического и Математического факультетов¹².

Перспективы своего развития Гуманитарный факультет НГУ связывал с расширением факультетской специализации по языкам народов Сибири, а также по истории и филологии Китая и Японии. Сложные национальные отношения в стране, отсутствие специалистов по многим сибирским языкам, возросшая потребность у малочисленных народов Сибири знать свою культуру и историю, их стремление сохранить себя как этнос – все это заставляло коллектив факультета обратиться к проблеме подготовки специалистов со знанием местных языков. Научной опорой при решении этой проблемы должен был стать Институт филологии Сибирского отделения АН СССР. Во второй половине 1980-х гг. активизировавшиеся научные, культурные, экономические связи с Китаем и Японией актуализировали потребность в подготовке специалистов-востоковедов¹³. НГУ до начала 1990-х гг. был практически единственным вузом из находившихся за Уралом (не считая ИГУ), взявшим на себя по своей инициативе осуществление такой подготовки.

Одной из важнейших составляющих реформирования высшей школы в СССР должна была стать, согласно ряду постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР второй половины 1980-х гг., информатизация и компьютеризация учебного процесса. Поэтому на рубеже 1980-х – 1990-х гг. активно шел процесс компьютеризации учебного и научного процессов при подготовке историков и проведении научно-исследовательских работ.

Так, в 1989 г. на Историческом факультете Алтайского государственного университета (АлтГУ) появился первый компьютер. Точкой отсчета развития исторической информатики на факультете стал 1985 г., когда началась «кампания информатизации» высшего образования. В том же году там был впервые прочитан учебный курс «Количественные методы в исторических исследованиях», но в то время учебный процесс не был обеспечен даже микрокалькуляторами. В декабре 1990 г. на заседании кафедры всеобщей истории истфака АлтГУ обсуждался вопрос «Об участии кафедры в компьютеризации исторического факультета». Решением совещания ведущих кафедр на 1991 г. было намечено создание компьютерного класса, который должен был заметно расширить возможности факультета в его работе. На факультете такой класс открывался на базе кафедры археологии, этнографии и источниковедения, что по-

зволяло внедрять в учебный процесс машины для создания учебных программ, а к этому времени уже были созданы пакеты подобных программ. Внедрение компьютерных технологий в научно-исследовательскую работу сотрудников факультета позволяло создавать информационно-поисковые системы, учебно-научные системы, по системе ключевых слов получать список литературы и т.п. Предполагалось создание базы данных не только по литературе, но и по статистическим данным, источникам и т.п.

Возможностей это открывало очень много. Например, зачинателем внедрения информационных и компьютерных технологий в исторические исследования и исторической информатики в АлтГУ доцентом В.Н. Владимировым на протяжении второй половины 1980-х гг. была создана база данных по истории Алтая, собраны и компьютерным способом обработаны статистические данные. Для этого специальные программы для ЭВМ закупались в МГУ, которые к концу 1980-х гг. уже создали значительный банк данных¹⁴ и со временем адаптировались под региональные условия. В.Н. Владимиров специально командировался в МГУ и Институт научной информации по общественным наукам АН СССР для ознакомления с опытом по созданию и внедрению контролирующих программ, после чего выступил с докладом на собрании перед коллективом ИФ АлтГУ: «Сейчас создается рынок чисто исторической науки, будем в курсе новинок, будем совершать обмен. Мы будем создавать информационные данные на основе созданных в ИНИОН и МГУ и дополнять со временем»¹⁵.

Важное место на волне перестроечных настроений занимали вопросы взаимоотношений между студенческим контингентом и профессорско-преподавательскими корпорациями университетов и пединститутов, проблемы самоорганизации студентов, участия их в общественной жизни и иных значимых процессах.

Например, совет истфака НГПИ состоял из двух палат: студенческая палата и научный совет. В совет факультета входили – администрация факультета, преподаватели, представители профсоюза и партийной организации, студенты-общественники, студенческие группы по интересам (как, например, студенческое научное общество «Скиф»). В студенческую палату проходили выборы на общем собрании факультета¹⁶. Студенты вносили конкретные предложения по улучшению качества преподавания, организации учебного процесса и научно-исследовательской работы студентов. Правда, не со всеми из них соглашалось руководство факультетов и вузов, но это был уже «конструктивный диалог», позволявший преподавателям взглянуть на проблемы глазами студентов, а студентам попробовать услышать не только собственное мнение, но и мнение педагогического коллектива.

«Перестройка» для сибирских вузов и их исторических факультетов открывала новые возможности не только в вопросах органи-

зации образовательного, научного и воспитательного процессов, но и давала возможность коллективам историков формировать новые, междисциплинарные, смежные с историческим, направления подготовки специалистов на базе собственных (или при их участии) структурных подразделений. В это время шел поиск новых направлений подготовки, что являлось ответом на вызовы времени. Необходимо было искать свое место на рынке труда, на формирующемся еще «рынке» образовательных услуг, который набирал обороты в системе хозрасчетной экономики, создавать дополнительные образовательные услуги.

В силу универсальности и фундаментальности самого исторического образования, разностороннему развитию и высокому уровню качества профессорско-преподавательского состава исторических факультетов, появлялись возможности открытия новых специальностей и специализаций подготовки, сначала как внутри самих исторических факультетов и отделений, так и позднее уже отдельных и самостоятельных структурных подразделений на их базе. Особенно в этом отношении отличались университеты.

В Томском государственном университете (ТГУ) в конце 1980-х – начале 1990-х гг. сам Исторический факультет, а также его специалисты и выпускники стали основой для образования трех новых структурных подразделений: Философского факультета (выделился в 1987 г. из состава истфака на базе философской специализации), Культурологического факультета (был открыт как Центр культурологии ТГУ в 1994 г., а в 1995 г. реорганизован в факультет) и Психологического факультета (в 1992 г. на базе ТГУ открылся Психологический центр, а в 1996 г. – факультет). Преподаватели и выпускники истфака ТГУ стали основой для формирования профессорско-преподавательского состава этих новых факультетов.

Кризис власти второй половины 1980-х гг. неизбежно повлек за собою и переосмысление фундаментальных целей и ценностей самого политизированного сегмента высшего образования – исторического. Это, в свою очередь, столь же неотвратимо приводило к обострению взаимоотношений внутри научно-педагогического сообщества.

Речь идет, прежде всего, об отмене в марте 1990 г. статьи 6 Конституции СССР, закреплявшей «руководящую и направляющую силу» в СССР, определявшей КПСС как «ядро его политической системы, государственных и общественных организаций». И уже с нового учебного года произошло переименование по всей стране общеуниверситетских и общеинститутских кафедр истории КПСС в кафедры политической истории. В связи с изменением учебных планов подготовки специалистов в университетах вместо «Истории КПСС» ввели новую дисциплину – «Политическая история СССР». В ряде университетов такое переименование состоялось ранее, еще до 1990 г. Так, в ТГУ еще в 1989/90 учебном году кафедра истории

КПСС была переименована в кафедру политической истории в связи с переименованием курса «История КПСС» в соответствующий курс «Политическая история СССР».

Надо отметить, что и ранее, в первой половине 1980-х гг., в ТГУ между истфаком и общеуниверситетскими кафедрами общественных наук возникал вопрос о месте и административно-структурном соотношении кафедр общественных наук и руководства истфака в процессе подготовки студентов, специализировавшихся на факультете по специализациям «История КПСС» и «Марксистско-ленинская философия». Обществоведческие кафедры стремились встать выше факультета в вопросах организации и проведения специализации, что отрицательно сказывалось на воспитании студентов и организации учебного процесса, так как они чувствовали свою «привилегированность» по отношению к историкам. В свою очередь, кафедра истории КПСС стремилась вывести свою специализацию с истфака, а руководство факультета было против того, чтобы отрываться от общей истории специализацию по истории КПСС.

На протяжении второй половины 1980-х гг. специальности находились в подвешенном состоянии. Не было единого мнения даже среди самих этих кафедр об их дальнейшей судьбе¹⁷. По мнению заведующего кафедрой философии гуманитарных факультетов профессора А.К. Сухотина кафедре было бы легче в организационном плане, если бы она слилась с факультетом. По мнению же профессора М.С. Кузнецов (заведующего кафедрой истории КПСС), сливать кафедру истории КПСС с факультетом было нецелесообразно, при том что партком ТГУ (в лице его члена профессора М.П. Кортусова) считал, что кафедра истории КПСС должна войти в состав факультета. Во многом схожая ситуация во взаимоотношениях наблюдалась и между Экономическим факультетом ТГУ и кафедрой политэкономии (которая реализовывала свою специализацию на факультете): они тоже были сложными в организационных и административных вопросах.

После этих дискуссий и поиска оптимальных путей организационно-технического решения разногласий и, главное, поиска консенсуса между интересами истфака и специальных кафедр общественных наук было решено разделить единую кафедру истории КПСС с 9 июля 1987 г. на кафедру истории КПСС естественнонаучных факультетов (с 1991 г. она была переименована в кафедру политической истории естественнонаучных факультетов) и на кафедру истории КПСС гуманитарных факультетов (с 1991 г. – кафедра политической истории гуманитарных факультетов). В ноябре 1987 г. был создан самостоятельный Философский факультет, выделившись из состава истфака, куда и отошла соответствующая специализация.

По мнению декана другого Исторического факультета, Омского государственного университета (ОмГУ), профессора В.И. Матющенко, высказанном еще в 1988 г., на этом истфаке «удалось по-

ставить курс по истории КПСС на место, соответствующее ему в общем учебном процессе историков университетов. Мы взяли на себя большую ответственность за такое решение вопроса»¹⁸. После этого, в 1990 г., кафедра истории КПСС ОмГУ также была переименована в кафедру политической истории.

На кафедре истории КПСС НГУ в 1989/90 учебном году (еще до ее переименования) вся работа строилась на том, что коллективу преподавателей предстояло перейти к курсу «Политическая история» вместо «Истории КПСС». Этот переход должен был для сотрудников кафедры «проходить вдумчиво, постепенно, без поспешности и скачков, но настойчиво, систематически, с тщательным учетом положительного опыта кафедры и современной историко-политической и педагогической мысли»¹⁹. Программа базового курса политической истории, разработанная сотрудниками кафедры политической истории НГУ, определяла лишь общее направление, ведущие аспекты исторического процесса в его противоречивом развитии. Программа, стремясь избежать односторонности, должна была открывать лектору простор и инициативу. Как следствие, курс лекций каждого преподавателя должен был приобрести самостоятельный, индивидуальный характер. В планы семинарских занятий базового курса были введены некоторые темы политической истории, получившие определение как «альтернативные». Коллективом кафедры был предпринят новый шаг по подготовке и изданию методических рекомендаций по курсу политической истории. Их своеобразие состояло в том, что они были основаны на документальной базе, предлагали не только соответствующий материал, но и побуждали читателя к самостоятельному изучению освещавшихся вопросов²⁰.

В 1990 г. такого рода разработки в форме брошюр издали доцент А.Г. Борзенков («Сопrotивление сталинщине») и профессор В.А. Демидов, заведующий кафедрой политической истории («Национальный вопрос в программах политических партий. Образование СССР»). И.А. Молетотов составил и издал документальный сборник «Программы и уставы политических партий России. 1905 – 1906 гг.». В 1991 г. на всех потоках, наряду с базовыми курсами, читались спецкурсы и проводились новые спецсеминары. Тематика спецкурсов представлялась в следующем виде: «История и личность, политические портреты», «Демократия, авторитаризм и тоталитаризм в отечественной истории», «Общественно-политические движения в пореформенной России», «Россия в XVIII – XIX вв.: реформы и контрреформы», «Коммунистическая этика», «Теория и историческая практика», «Внешняя политика СССР».

На рубеже 1980-х – 1990-х гг. шел процесс «размежевания» двух историй – отечественной (истории СССР) и политической истории (прежней истории КПСС). Необходимо было решать вопрос с параллелизмом в дисциплинах, с дублированием материала. Если рассматривать проблему более глубоко, то этот вопрос касался не толь-

ко содержания преподавания, но и дальнейшей судьбы и будущего кафедр политической истории (бывших кафедр истории КПСС). Таким образом, историки видели необходимость окончательно закрепить дисциплину по политической истории за специальными историческими кафедрами (по крайней мере, при подготовке историков) и самим организовывать учебно-методический процесс.

На заседаниях совета истфака КемГУ в октябре 1989 г. обсуждались вопросы введения отдельного курса и создания специальной кафедры истории СССР советского общества. Профессор Г.Г. Халиулин считал «протоестественным» разделение на гражданскую историю и историю партии. Он отстаивал неразрывность этих проблем и предлагал размежевание не по предметному, а по хронологическому принципу и преподавание социально-политической истории XX в. вести на кафедре истории СССР советского общества (забрать ее с кафедры политической истории). Это, в свою очередь, давало координацию историко-партийной и государственной истории и снимало дублирование в преподавании²¹.

Во второй половине 1980-х гг. отмечается резкое падение интереса выпускников к аспирантуре. Он был вызван рядом факторов: низкая стипендия, не налаженный быт аспирантов, неопределенность в будущем (а среди аспирантов почти все были семейные люди), поэтому почти все (как, впрочем, и студенты) были вынуждены подрабатывать. На низком уровне была материальная обеспеченность аспирантов командировками (как правило, совокупный размер командировочных средств составлял 100 руб. за время пребывания в аспирантуре, что было мизерно). Все это, безусловно, сказывалось на темпах их работы над диссертацией.

Участвуя в различных научных мероприятиях в середине 1980-х гг., профессор И.М. Разгон (как опытный научный руководитель аспирантов, один из лидеров в области подготовки исторических кадров высшей квалификации в Сибири) вносил ряд предложений, направленных на совершенствование процесса подготовки аспирантов, опираясь на свой личный опыт подготовки аспирантов в ТГУ, считая существовавшую систему подготовки аспирантов неоправданной.

В частности, он отмечал, что прикрепление с первого года обучения аспиранта к конкретному руководителю разобщало аспирантов кафедры. Руководители и аспиранты по теме диссертации мало общались, так как для большинства аспирантов первый год обучения был связан со сдачей кандидатских экзаменов по философии и иностранному языку. В этих условиях руководители не знали о том, как идут занятия у их подопечных: как правило, научных руководителей приглашали только на экзамены. В этой связи профессор И.М. Разгон полагал, что было бы наиболее целесообразным организовать работу с аспирантами по единому плану. При этом он справедливо отмечал, что написание и защиту диссертации практически невоз-

можно организовать за три года обучения в силу организационных трудностей. Он предлагал установить иной срок: не позднее чем через год после окончания аспирантуры.

Обсуждая вопросы, связанные с совершенствованием системы защиты диссертаций (кандидатских и докторских) в середине 1980-х гг., профессор И.М. Разгон также внес ряд предложений по реорганизации устоявшегося порядка, опираясь на свой многолетний личный опыт и опыт проведения защит в ТГУ, поскольку он считал, что существовавшая система защиты диссертаций не отвечала современным интересам науки. Проблема коренилась в том, что сам порядок защиты был установлен еще в 1930-х гг. Тогда же отдельными нормативными документами была установлена и оплата за оппонирование диссертаций: 20 руб. за аспирантскую диссертацию, 25 руб. – за докторскую. В 1970-е – 1980-е гг. участие в оппонировании диссертаций превратилось, по его определению, в «научную благодетельность», поэтому мало кто желал участвовать в этом процессе. Выход находили сами научные руководители. Пользуясь научными, а чаще всего личными связями, они старались найти оппонента для своего аспиранта, «заверив, что в случае надобности помогут оппоненту, выступив оппонентом по диссертации его аспиранта. Необходимо было учитывать и моральное состояние оппонента – положение должника». Для решения этой проблемы профессор И.М. Разгон предлагал либо повысить уровень оплаты за оппонирование и участие в защитах, либо включить работу в этом направлении в общую нагрузку в вузе.

Другая сторона проблемы с защитами виделась профессору И.М. Разгону в том, что ВАК «не доверяет аспиранту, его научному руководителю, официальному оппоненту, специализированному ученому совету», но чаще всего решал судьбу диссертанта и диссертации «черный оппонент», привлекавшийся со стороны и часто по своей научной специализации и знанию проблемы диссертации бывший слабее официальных оппонентов, участников обсуждения диссертации. Таким образом, ВАК, заключал И.М. Разгон, «превратил утверждение диссертаций в верх бюрократизма, догматизма и упоения своим значением и могуществом».

Профессор И.М. Разгон считал, что организация защиты диссертации и вся деятельность ВАКа требовали серьезной критики и усовершенствования. В своей «Записке для ВАКа о совершенствовании работы аспирантуры и докторантуры», написанной в октябре 1985 г., он предлагал обсуждать целесообразность публикаций по теме диссертации (в первую очередь, кандидатской), поскольку эти публикации ничего науке не давали, а только задерживали защиту диссертации. Он считал вполне достаточным ограничиться публикацией одного автореферата диссертации. защите же докторской диссертации, считал профессор И.М. Разгон, должны были предшествовать публикация монографии по теме диссертации, ряда статей

и участие в научных конференциях, симпозиумах. Ученый считал, что необходимо ограничить возраст диссертанта 55 годами, после чего исследователям предлагалось присваивать ученую степень доктора без защиты диссертации, по совокупности его трудов²².

Эти смелые предложения (и большинство из них вполне рациональные и давно уже назревшие) были озвучены профессором И.М. Разгоном в начале «перестройки», когда такого рода инициативы и предложения становились движущей силой многих процессов в высшей школе. Однако они не были восприняты руководством ни на университетском, ни на региональном, ни на министерском уровнях, а потому не получили развития. Возможно, сказалась большая инертность такого многолетнего института, как государственная научная аттестация и присвоение степеней, которую сложно, да и, возможно, не очень хотелось реформировать. А события в стране и в высшей школе начала 1990-х гг. также не способствовали этим преобразованиям. И только в последнее время проявляются некоторые тенденции, которые были только намечены профессором И.М. Разгоном: усиление образовательной составляющей при подготовке аспирантов, изменение сроков пребывания в аспирантуре, придание большей автономии образовательным учреждениям в вопросах организации подготовки аспирантов, реформирование ВАКа и т.п.

Под влиянием «перестройки» в конце 1980-х гг. происходили изменения в тематическом содержательном направлении учебных и производственных практик. Так, в НГПИ была разработана специальная программа и организован новый вид практики – историко-краеведческой. В рамках нее была организована историко-краеведческая экспедиция по Сиблагу (Сибирский исправительно-трудовой лагерь НКВД СССР). Однако студенты не были допущены до изучения архивных материалов фондов Управления МВД по Новосибирской области, на которых лежал гриф секретности, поэтому работали они в тесном контакте с властями на местах, с привлечением школьников. Был составлен подробный маршрут по области с указанием населенных пунктов, где размещались отдельные объекты Сиблага, отдельные лагерные и пересыльные пункты. Задачи, которые ставились организаторами экспедиции, заключались в изучении территорий расположения бывших лагерей и поселений, определения точных мест заключения, где жили бывшие заключенные, которые могли помочь в поисках, фиксация их воспоминаний и т.д.²³

* * *

Отечественная историческая наука в целом и система высшего исторического образования во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. пережили кратковременную эйфорию от повышенной общественно-политической востребованности историков и результатов их деятельности с последующим сокрушительным обвалом

всех ее методологических, концептуальных, историографических и источниковых опор.

Это объясняется тем, что «перестройка», проявившаяся в советской высшей школе, главным образом, в ее стремительной деидеологизации, обнажила сами основания данной системы, оказавшиеся практически исключительно идеологическими по своему характеру, что и привело к их дальнейшему размыванию. Это во многом и определило крах попыток шадящего реформирования советской высшей школы (как, впрочем, и советской государственности вообще).

Позднесоветская система вузовского исторического образования, в базовых своих чертах сформированная еще в 1930-е гг. по лекалам крупномасштабных проектов централизованной индустриальной модернизации, продемонстрировала ригидность и в определенном смысле неререформируемость. При всем при том организационно-структурные и где-то даже идейные ее основания были столь прочны, что сумели пережить не только «перестройку», но и бурную стремнину реформ 1990-х гг., дотянув до очередной фазы временной стабилизации 2000-х гг.

Совсем небольшой по историческим меркам временной промежуток оставил, тем не менее, свой неизгладимый отпечаток на образе и принятой научно-образовательной модели, навсегда изменив как саму историческую науку в высшей школе, так и ее восприятие государственными и общественными кругами. Важнейшие изменения, привнесенные «ветрами перемен», коснулись, прежде всего, методологических и историографических границ отечественной исторической науки, существенно раздвинув первые и фактически открыв вторые, сняв тем самым пресловутый «железный занавес», что способствовало быстрой и относительно безболезненной реинтеграции постсоветского научно-исторического пространства в мировое.

Наиболее ярко и рельефно эти изменения отразились на организационной и содержательной составляющей подготовки историков. Взятые в политике общий курс на гласность, демократизацию и плюрализм, а также отраслевой фокус на реформу высшей школы, принесли определенные изменения в содержание и методы подготовки историков, структуру профессорско-преподавательского состава, студенческий контингент и т.п. В конечном итоге это время открыло новые возможности в деле подготовки историков и заложило магистральные тенденции, которые в последующем выразились в высшей школе 1990-х – 2000-х гг.

Сибирская корпорация историков отличалась многопрофильностью исследовательских коллективов, синтетическим характером научных школ, междисциплинарностью проводимых исследований, развитыми внутренними горизонтальными связями и давними неформальными связями с коллегами из Европейской России. Все это определяло активную позицию занятую большей частью местного

вузовского сообщества, проявляющуюся при этом не столько в политической ангажированности, но, главным образом, в новаторстве педагогического поиска, попытках в резко менявшихся условиях максимально открыться всему новому, сохранив в то же время все лучшее, что оставалось в наследство от предыдущей, хотя и «застойной», эпохи.

Примечания Notes

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 3118. Л. 64.

² XXVII съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук: Материалы Всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений; Москва 1-3 октября 1986 г. Москва, 1987.

³ *Евсеева Е.Н.* О догматизме в историографическом исследовании // Вопросы истории КПСС. 1989. № 3. С. 117–119; *Лахтин Г.А.* Организация советской науки: история и современность. Москва, 1990; *Cohen S.F.* Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917. N.Y.; Oxford, 1986.

⁴ Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-353. Оп. 2. Д. 2410. Л. 17–18.

⁵ ГАНО. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 3441. Л. 6.

⁶ Государственный архив Тюменской области (ГАТюмО). Ф. Р-2124. Оп. 1. Д. 1178. Л. 39–41.

⁷ Концепция общего среднего образования. Проект ВНИК «Базовая школа» // Учительская газета (Москва). 1988. 23 авг.

⁸ ГАНО. Ф. Р-1596. Оп. 1. Д. 2339. Л. 6–7.

⁹ Там же. Л. 16–17.

¹⁰ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-750. Оп. 5. Д. 5004. Л. 108.

¹¹ Там же. Л. 51–62.

¹² Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 4801. Л. 27–29.

¹³ Новосибирский университет: опыт интеграции образования и науки. Новосибирск, 1991. С. 128, 129.

¹⁴ Курс информатики на истфаке МГУ // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 1994. № 12. С. 16–32.

¹⁵ ГААК. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 1839. Л. 12–13.

¹⁶ ГАНО. Ф. Р-1596. Оп. 1. Д. 2339. Л. 25–26.

¹⁷ Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 115. Оп. 10. Д. 634. Л. 17–22.

¹⁸ Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-2880. Оп. 1. Д. 812. Л. 19.

¹⁹ ГАНО. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 3613. Л. 1–2.

²⁰ Новосибирский университет: опыт интеграции образования и науки.

Новосибирск, 1991. С. 19.

²¹ ГАКО. Ф. Р-353. Оп. 2. Д. 2287. Л. 11–12.

²² Архив Музея истории Томского государственного университета.

²³ ГАНО. Ф. Р-1596. Оп. 1. Д. 2339. Л. 38–39.

Автор, аннотация, ключевые слова

Хаминов Дмитрий Викторович – канд. ист. наук, доцент,
– Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск);
– Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (Томск)
khaminov@mail.ru

В статье на основе впервые использованных архивных документов реконструируются процессы, протекавшие в советском высшем историческом образовании в период «перестройки» второй половины 1980-х гг. Географически статья охватывает университеты и институты Сибири. Актуальность темы исследования вытекает из исключительной важности системы исторического знания в несущих идеологических конструктах Советского государства и современной России. В сложных и противоречивых условиях «перестройки» историки высшей школы оказались на переднем краю фронта идейных, политических, организационных и духовных перемен, навсегда изменивших и само общество, и его историческое сознание. Региональная специфика происходивших в данный период изменений, во многом носивших судьбоносный характер, рассматривается в контексте уникальной научно-образовательной и социально-культурной среды Сибири. Отличительные черты сибирского научно-педагогического сообщества определяли характер и многообразие форм проявления его ответа на вызовы времени. В силу этого магистральные тренды эпохи своеобразно преломлялись через сибирские реалии, в чем-то разрушая старые устои, в чем-то – открывая принципиально новые возможности и перспективы.

Важнейшие изменения, привнесенные «перестройкой», произошли прежде всего методологических и историографических границах преподавания истории в сибирских университетах и институтах. Методологические границы были существенно раздвинуты, а историографические – во многом открыты заново. Это способствовало быстрой и относительно безболезненной реинтеграции постсоветского научно-исторического пространства в мировое. Наиболее ярко и существенно изменения в высшем историческом образовании отразились на организации и содержании подготовки историков. Произошли изменения в содержании и методике подготовки историков, в структуре профессорско-преподавательского состава и в студенческом контингенте.

Перестройка, высшая школа, высшее образование, историческое образование, историческая наука, историк, университет, педагогический ин-

ститут, профессура, аспирантура, бюрократизм, идеология, Сибирь, профессор Израиль М. Разгон.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Evseeva, E.N. O dogmatizme v istoriograficheskom issledovanii [On Dogmatism in Historiographical Research.]. *Voprosy istorii KPSS*, 1989, no. 3, pp. 117–119. (In Russian).

(Monographs)

2. Cohen, Stephen F. *Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917*. Oxford University Press, 1986, 222 p. (In English).

3. Lakhtin, G.A. *Organizatsiya sovetskoy nauki: istoriya i sovremennost* [The Organization of the Soviet Science: History and Modernity.]. Moscow, 1990, 217 p. (In Russian).

Author, Abstract, Key words

Dmitriy V. Khaminov – Candidate of History, Senior Lecturer,
– National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia);
– Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia)
khaminov@mail.ru

Based on hitherto unknown archive documents, the article reconstructs the processes undergoing in Soviet historical higher education in the period of perestroika in the latter half of the 1980s. Geographically, it encompasses the universities and higher education institutions of Siberia. The topic is relevant due to the paramount significance which the system of historical knowledge bears for the basic ideological constructs of the Soviet Union and modern Russia. In the hard and controversial conditions of perestroika higher school historians proved to be at the forefront of ideological, political, organizational and spiritual changes, transforming, once and for all, society and its historical consciousness. The regional specifics of transformations being underway in that period, largely, the seminal ones, are analyzed in the context of unique scientific, academic, social and cultural environments of Siberia. The distinctive features of the Siberian academe shaped the character and formal variety of its response to historic challenges. Due to this the epoch's major trends were reflected through Siberia's realities, destroying the old rules, on the one hand, and opening entirely new prospects, on the other.

The major “perestroika-driven” changes affected primarily the methodological and historiographical aspects of history education at Siberian universities and higher education institutions. Methodological capacities were considerably expanded and historiographical ones were redefined. This facilitated a fast and

fairly painless reintegration of the post-soviet academic community into the global one. The most vivid and substantial changes in higher historical education were demonstrated in the organization and contents of the training of historians. Changes affected the syllabus and methodology of historical education, the teaching staff and student contingent.

Perestroika, higher school, higher education, historical education, historical science, historian, university, pedagogical institute, professorship, postgraduate study, bureaucracy, ideology, Siberia, Professor Izrail M. Razgon.

РОССИЯ И МИР **Russia and the World**

Н.Ю.Пивоваров, Т.А.Джалилов

СОВЕТСКАЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ: ВЕДОМСТВЕННЫЕ ПРОЕКТЫ И БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ (конец 1950-х – первая половина 1960-х годов)*

N. Yu. Pivovarov and T.A. Dzhililov

Soviet Foreign Economic Strategy: Departmental Projects and Bureaucratic Mechanism (late 1950s – first half of 1960s)

К началу 1960-х гг. советская внешняя торговля превратилась в один из самых эффективных инструментов демонстрации и популяризации достижений и возможностей мировой социалистической системы. Товары с маркировкой “Made in USSR” в буквальном смысле появились во всех уголках Земли – от лондонского Сити и гамбургских доков до затерянных в тропиках индийских деревень. Конец 1950-х и первая половина 1960-х гг. – это не только период резкого рывка СССР на внешние рынки и существенной модернизации всего внешнеторгового аппарата, но и время выработки общей стратегии поведения, которая определила роль СССР на мировом рынке на протяжении последующих десятилетий.

Цель данной статьи показать, как постепенно «втягиваясь» в мировой рынок, СССР сталкивался с организационно-техническими и структурными проблемами и как пытался их решать. Наряду с общими вопросами (анализ правовой базы функционирования, механизмов принятия решений, основных направлений и форм советской внешней торговли), особое внимание уделено трем проектам (зерновому, лесоперерабатывающему и нефтяному), благодаря которым советские руководители пытались повысить объем денежных ресурсов, необходимых для расширения импортных операций.

* Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда «Мировая система социализма и глобальная экономика в середине 1950-х – середине 1970-х годов: эволюция теории и практики экономического и технологического лидерства» (№ 17-18-01728).

История советской внешней торговли была до последнего времени одной из самых закрытых тем в советологии. Недоступность источников и открытых данных привели к тому, что эта важная сфера экономической деятельности изучена фрагментарно¹. Наиболее полно история советской внешней торговли была раскрыта в работах О.С. Сибони² и М.Л. Липкина³.

Основной источниковой базой для данной статьи послужили постановления, а также материалы к ним, высшего партийного органа тех лет – Президиума ЦК КПСС. Кроме того, активно использовались документы структурных подразделений аппарата ЦК – Международного, Сельскохозяйственного отделов, Отдела химической промышленности. Все эти источники отложились в бывших архивах ЦК КПСС (текущем архиве Общего отдела ЦК и в архиве Политбюро), а ныне хранятся в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). К сожалению, еще далеко не все материалы доступны для использования. Так, остаются в недостижимости от рядовых исследователей материалы тематических дел Политбюро, посвященные вопросам внешней торговли. Несмотря на это, имеющиеся в распоряжении источники позволили достаточно объективно реконструировать историю советской внешней торговли конца 1950-х – первой половины 1960-х гг. и выявить специфические черты данного хронологического периода.

Организационные основы советской внешней торговли

Конец 1950-х – начало 1960-х гг. – это время рождения новых законодательных норм, регулирующих различные аспекты деятельности советской внешней торговли. Фундаментальный принцип монополии внешней торговли, провозглашенный еще в самом начале власти большевиков, оставался неизменным. Однако дополнительные правовые нормы, регулирующие данную сферу, практически отсутствовали. Исключением было постановление Экономического совета при СНК СССР от 15 января 1940 г., в котором впервые были описаны правовые нормы, регулирующие отношения между советскими внешнеторговыми организациями и заказчиками. Фактически вся остальная область внешней торговли вплоть до хрущевского времени оставалась вне правового поля. Причины этого, скорее всего, стоит искать в том, что ни В.И. Ленин, ни И.В. Сталин не уделяли такого пристального внимания внешней торговле, рассматривая ее скорее как рудимент вынужденного взаимодействия с враждебным капиталистическим миром.

После смерти Сталина советское руководство наряду с военным противостоянием с капиталистическим миром, провозглашает принцип мирного сосуществования двух систем. Это сопровождалось активным выходом СССР на мировой рынок. Возникла острая необходимость формирования новой правовой базы. Одним из пер-

вых такого рода законодательных актов стало постановление Президиума ЦК КПСС от 29 августа 1955 г., регламентирующее сроки выполнения экспортных заказов. Постановлением Совета Министров СССР от 1 июля 1957 г. были в значительной степени переработаны правила 1940 г. о взаимоотношениях советских внешнеторговых организаций с зарубежными заказчиками. Порядок импорта промышленного оборудования и судов, а также их эксплуатации, был определен постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 июля 1959 г.

Ключевые постановления по организации внешней торговли были приняты в январе-феврале 1960 г. Так, 14 января Совет Министров СССР утвердил постановление «Об условиях поставки товаров на экспорт». Впервые в советской внешнеторговой практике были урегулированы правила экспортной торговли, а именно определены порядок выдачи заказов-нарядов, порядок и сроки поставки товаров на экспорт, качество и комплектность экспортируемых товаров, гарантии, документация, тара, упаковка и маркировка, условия сдачи товаров заказчику, перевозка товаров, цены и порядок расчетов. Все экспортные товары должны соответствовать советским ГОСТам, а также иметь специальную надпись (на русском или английском языках) «Сделано в СССР»⁴.

К началу 1960-х гг. сложились формальные и неформальные институты, в ведении которых находились вопросы поиска новых рынков, получения дополнительных валютных резервов, ценообразования и многие другие. Общие векторы развития внешнеторговой сферы определяли ЦК КПСС, Госплан СССР, Министерство внешней торговли СССР, Государственный комитет Совета Министров СССР по внешнеэкономическим связям (ГКЭС), Государственный комитет СССР по науке и технике (ГКНТ СССР), Министерство финансов СССР и Государственный банк СССР. С 1963 г. еще одним «игроком», участвующим в принятии решений, стал Совет народного хозяйства СССР. Внешнеторговое лицо СССР определяли предложения, исходившие от министра внешней торговли Н.С. Патоличева, первого заместителя председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина, заместителя председателя Совета Министров СССР П.Ф. Ломако, первого заместителя председателя Госплана СССР, а с 1962 г. председателя Госкомитета по лесной, целлюлозно-бумажной, деревообрабатывающей промышленности и лесному хозяйству при Госплане СССР Г.М. Орлова. До 1963 г. главным куратором советской внешней торговли в ЦК КПСС был А.И. Микоян. С 1963 г. резко возросла роль Н.С. Хрущева в выработке внешнеторговой стратегии, что в итоге привело к тому, что Хрущев фактически замкнул на себе контроль в этой сфере.

В поиске новых решений участвовали и другие советские руководители. Например, секретарь ЦК КПСС А.Н. Шелепин предлагал «глубже изучить конъюнктуру мирового рынка и разработать меры

по значительному увеличению экспорта камыша, мрамора, гранита, грибов, клюквы и т.д.»⁵. Шелепин возмущался: «Польша в 1960 году продала только ФРГ грибов в 12 раз больше, чем Советский Союз всем странам вместе взятым. А ведь в среднем тонна сушеных грибов стоит от 3 до 12 тыс. инвалютных рублей, что равнозначно продаже от 60 до 200 тонн пшеницы. Разве у нас меньше возможностей в сборе грибов, чем в других странах? Конечно, нет. У нас их неизмеримо больше»⁶.

Активно участвовали в разработке внешнеторговых вопросов советские дипломаты. Как правило, они предлагали к рассмотрению высшего советского руководства удачные зарубежные примеры или реальные возможности экономии валютных резервов. Так, посол СССР во Франции С.А. Виноградов направил в ЦК 12 сентября 1962 г. записку, в которой предлагал в качестве экономии валютных резервов отправлять командированных за границу только самолетами «Аэрофлота», а билеты в иностранных авиакомпаниях покупать при крайней необходимости. Впрочем, после принятия Президиумом ЦК КПСС 20 января 1960 г. постановления «Об указании послам СССР по вопросу оказания экономической помощи слаборазвитым странам»⁷ советским дипломатам было рекомендовано воздерживаться от неконструктивного внешнеторгового диалога с руководителями других государств. «Отдельными послами не учитываются такие факторы, как внешнеполитический курс той или иной страны и характер ее отношений с Советским Союзом [...] Отдельные послы поддерживают без должных оснований предложения государственных деятелей стран, где они аккредитованы, направленные на получение особых повышенных льгот по заключенным уже между СССР и указанными странами соглашениям. Вместо того, чтобы разъяснить соответствующим образом позицию Советского Союза по существующим соглашениям, они ставят вопрос о пересмотре этих соглашений, хотя знают, что подписанные соглашения детально обсуждались правительствами обеих стран», – указывалось в постановлении⁸.

Внешнеторговая политика корректировалась не только под влиянием внутрисоветских, но и международных процессов. На действия советского руководства влияла санкционная политика других стран. Самую жесткую позицию в отношении СССР занимало руководство США, которое нередко искало повод к запрету импорта любого американского оборудования. Так, в конце 1960 г. СССР планировал закупить в Америке 45 станков для шлифовки бетона и токарной обработки мелких колец. Уже в январе 1961 г. часть станков была готова к отправке, когда неожиданно сделка была аннулирована Министерством обороны США и Сенатом. В Сенате была даже сформирована специальная следственная комиссия, которая пыталась доказать, что приобретаемые станки нужны для строительства межконтинентальных ракет⁹. Подлила масла в огонь

и американская пресса, заявлявшая, что такой шаг Пентагона и Сената «усиливает свободный мир и ослабляет коммунистический»¹⁰. В 1962 г. Вашингтон запретил поставку 38 зубообрабатывающих станков фирмы “Gleason”, так как американские военные заподозрили, что бормашины также могут быть использованы в военных целях¹¹. К мерам заградительного характера стоит отнести и решение руководства Европейское объединение угля и стали (ЕОУС) в январе 1964 г. о повышении таможенных пошлин на импорт проката черных металлов в социалистические страны с 6 до 9 %¹².

Негативно отражалась на советской внешней торговле информация, публиковавшаяся в западных изданиях. Так, в 1961 г. таблоид “The Daily Telegraph” опубликовал заметку «Высокая радиоактивность в русском зерне», где утверждалось о токсичности советской пшеницы¹³. Эти же сообщения оперативно перепечатали газеты “Die Welt” и “Kolnische Rundschau”¹⁴. Аналогичный скандал разразился в конце 1961 г., когда солидный английский журнал “The Metall bulletin” опубликовал статью, обвинив в резком падении цен на вольфрамовые концентраты (с 2980 шиллингов за единицу триоксида вольфрама до 90 шиллингов) СССР, якобы проводивший на вольфрамовом рынке демпинговую политику¹⁵. После публикации за разъяснениями к высшему советскому руководству обратились власти Боливии – крупнейшего в мире экспортера вольфрамового концентрата¹⁶. Москва уступала в ответной реакции на подобные выпады. Например, после публикации о загрязнении советского зерна стонцием-90, была создана специальная комиссия при АН СССР, которая в течение полугода проводила исследования и ставила опыты для доказательства отсутствия ядерного заражения в пшенице. Но итоги работы было решено не публиковать, так как в западной прессе за это время больше никто не поднимал вопрос о ядерном заражении зерна.

Достижения и упущения советской внешней торговли

Внешнеторговые успехи кружили головы советским руководителям, но чем больше СССР «втягивался» в мировой рынок, с тем более явственными проблемами организационно-технического и структурного плана сталкивалось государство.

Можно выделить несколько причин, обусловивших этот процесс.

Одна из главных заключалась в том, что внешняя торговля не отражала уровня промышленного развития СССР. Занимая второе место в мире по объему промышленного производства, Советский Союз был лишь на 34 месте по экспорту технологического оборудования¹⁷. Например, СССР в 1962 г. занимал первое место в мире по производству металлорежущих станков, но экспортировал их (включая в соцстраны) всего 4 %, тогда как Франция экспортировала 25 % произведенных станков, США – 39 %, а ФРГ – 47 %¹⁸.

Советское оборудование по надежности и качеству заметно уступало западным изделиям. Даже внешняя отделка и окраска тех же станков были хуже выполнены, чем у иностранных фирм. СССР не уделял должного внимания рекламе и продвижению своих товаров, не занимался развитием инфраструктуры в других странах. Кроме того, целый ряд товаров не вывозился из страны, так как был включен в стратегические списки, которые не пересматривались с 1920-х – 1930-х гг.

Со второй половины 1950-х гг. резко возрос импорт товаров в СССР, а следовательно и расход валютных резервов. После смерти Сталина это было обусловлено курсом советского руководства на развитие легкой промышленности. Но возрастали и расходы на закупку новейшего промышленного оборудования, судов. С конца 1950-х гг. СССР ежегодно расходовал до 7–10 млрд руб. на эти цели. Во многом такие расходы были связаны с тем, что СССР закупал не только отдельные комплектующие, а целые поточные линии и заводы. Секретарь посольства ФРГ М. Диев сообщал в мае 1960 г. в ЦК КПСС, что «полностью укомплектованные западногерманскими фирмами установки и заводы покупаются в ФРГ лишь нами и слаборазвитыми в экономическом отношении странами, такими, как Индия, ОАР, Бразилия и некоторыми другими»¹⁹. Огромные ресурсы, выделяемые на закупку иностранной техники, расходовались нерационально.

Проблемы с расходованием валютных средств были связаны и с тем, что к началу 1960-х гг. СССР превратился в крупнейшего мирового кредитора. Главными должниками СССР были соцстраны, имевшие, как правило, объемные долги за импорт советских товаров. По приблизительным данным Минвнешторга и Госбанка СССР, общая задолженность соцстран на 1 января 1960 г. составляла только по одним процентам около 1,3 млрд руб.²⁰ В основном такая задолженность формировалась из-за того, что соцстраны не успевали к концу календарного года произвести необходимые расчеты с Москвой.

С 1955 по 1965 гг. советское руководство, кроме соцстран, предоставляло кредиты еще 31 государству на общую сумму в 7,3 млрд руб., из них 4,4 млрд руб. на экономические цели, а 2,9 млрд руб. на оплату военно-технического имущества²¹. При этом около 90 % всех предоставленных кредитов пришлось на такие страны: ОАР – 2 млрд руб., Индию – 1,6 млрд руб., Индонезию – 1,1 млрд руб., Афганистан – 0,4 млрд руб., Ирак – 0,3 млрд руб., Алжир – 0,3 млрд руб., Сирию – 0,3 млрд руб., Иран – 0,3 млрд руб.²². Советская сторона предоставляла кредиты в свободной валюте (долларах, фунтах, немецких марках и швейцарских франках), но должники (за исключением Аргентины и Ирака) погашали долги в национальных валютах. Некоторые пытались погасить долг товарами: Алжир вином, а Индонезия натуральным каучуком²³. Все вышеперечислен-

ные страны-должники имели дефицит торгового баланса и объемные государственные долги. Например, один только госдолг Индии на 1966 г. составлял почти 5 млрд руб.²⁴ Это приводило к тому, что должники не могли выплатить СССР проценты по долгу. Советское руководство предоставляло отсрочки или производило списывание. Например, в сентябре 1965 г. Москва списала половину долга ОАР по процентам, что составляло почти 200 млн руб.²⁵

Расширение импорта промышленного оборудования, а также предоставление кредитов странам третьего мира привело к увеличению валютных расходов. Советские финансисты начинают отмечать тенденцию к снижению валютных резервов СССР. Так, еще в 1957 г. руководители Министерства финансов, Госбанка и Минвнешторга обратили внимание на то, что валютные расходы СССР не покрывались имеющимися валютными резервами, а в 1960 г. министр внешней торговли Патоличев признавал, что торговля «в свободно-конвертируемой валюте складывается напряженно»²⁶. Ежегодный перерасход валюты приходилось покрывать золотовалютными резервами, платиной. После открытия в Якутии кимберлитовых труб СССР стал активно эскортировать алмазы²⁷. Постановлением Президиума ЦК от 4 августа 1960 г. было принято решение об экспорте якутских алмазов до 200 тыс. карат в 1961 г. и до 250 тыс. карат в 1962 г.²⁸ В 1962 г. СССР продал алмазов на сумму около 21 млн руб. в свободно-конвертируемой валюте, что было эквивалентно 11% всего советского экспорта в Англию²⁹. Но даже экспорт якутских алмазов не покрывал советских валютных расходов.

Советское руководство пыталось экономить валютные резервы. В июле 1959 г. Президиум ЦК принял постановление, согласно которому Минвнешторг обязан был сообщать в ЦК КПСС о всех случаях закупки промышленного оборудования в кредит³⁰. В апреле 1963 г. Совет Министров СССР утвердил постановление «О порядке составления, утверждения и исполнения валютных планов», согласно которому Минвнешторг, ГКЭС, Министерство путей сообщения, Министерство морского флота, Министерство связи и Госбанк должны были в установленные сроки направлять в Госплан и Минфин проекты валютных планов, а также обоснование по совершаемым ими валютным операциям. В постановлении особо оговаривалось, что при составлении валютных планов необходимо исходить «из максимального выявления валютных резервов и экономного расходования иностранной валюты»³¹. Кроме того, Госплан и Минфин должны были представлять ЦК КПСС сводный годовой валютный план (платежный баланс СССР) по всем валютным операциям, а выдача валюты на конкретные операции теперь производилась Госбанком и Внешторгбанком на основании разрешений Министерства финансов и по поручению внешнеторговых объединений и организаций³². Советское руководство считало, что ужесточение контроля остановит перерасход валюты.

Изыскивались и другие способы экономии валютных резервов. Одним из них стало предложение о копировании иностранной техники. Этот вопрос рассматривался самим Хрущевым.

В записке для ЦК КПСС от 4 августа 1961 г. он писал: «31 июля я смотрел новые кукурузоуборочные машины Херсонского завода. Там есть оригинальные решения. Но, к сожалению, эти машины, как правило, с искажением скопированы с американских образцов, не улучшены. Проявлено желание переработать американский образец и преподнести его как свое. Но получилось так, что американские машины не улучшены, а даже ухудшены: они более тяжелые по весу и менее производительные. Это совершенно никуда не годится. Надо установить строгий контроль, чтобы машины, которые мы покупаем как образцы в точности копировались. Мы покупаем их потому, что они лучше наших образцов. А если они лучше наших образцов, то извольте делать и копировать их: можете перекрашивать в другие цвета, но инженерно, конструктивно они должны быть сохранены, чтобы их не портить стремлением выдать за свое»³³.

С начала 1960 г. советское руководство начало активный поиск источников пополнения валютных резервов. Однако экономические возможности СССР были ограничены. Например, экспорт промышленного оборудования хотя и вырос десятикратно с 1956 по 1960 гг. (с 8,1 до 88,4 млн руб.), но составлял не более 2,8 % от общего объема советского экспорта³⁴. В итоге главными экспортными товарами, вокруг которых будут формироваться проекты увеличения валютных резервов, станут зерно, лесоматериалы, нефть и нефтепродукты.

Зерно, лес, нефть – была ли альтернатива?

Во второй половине 1950-х гг. главным советским экспортным товаром было целинное зерно. Однако на рубеже 1950-х – 1960-х гг. потенциал экстенсивного развития зернового производства в СССР оказался исчерпан. Уменьшалась площадь обрабатываемой пашни, снижалось качество целинного зерна. Кроме того, с 1960 г. происходило снижение мировых цен на зерно, так как за счет высокой урожайности в Австралии, Аргентине, Канаде и США предложение на зерно почти в два раза превышало спрос. Ряд европейских стран (Бельгия, Голландия, Франция и Италия) стали расширять свои посевные площади, что также отразилось на снижении мировых цен.

Начиная с 1961 г., экспорт советского зерна уменьшается. Уже в январе 1961 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление об уменьшении экспорта зерна на 1,8 млн тонн, в том числе за счет сокращения на 1,3 млн тонн для капиталистических стран³⁵, а в августе 1961 г., после довольно сильного неурожая, экспорт на 1962 г. был сокращен почти на пять млн тонн³⁶. Однако самый серьезный удар по экспорту пшеницы нанес неурожайный 1963 г. В результате

засухи, истребившей почти половину урожая в Алтайском крае, Омской и Новосибирской областях, Целинном крае, Карагандинской и Семипалатинской областях, СССР не только прекратил экспорт зерна, но и стал активно закупать его в Канаде и Австралии³⁷.

Сложности были и с экспортными поставками лесо- и пиломатериалов. К началу 1960 г. СССР располагал до 36 % мировых запасов древесины, а наиболее ценные хвойные породы составляли в СССР до 69 % всех мировых запасов³⁸. По объему производства пиломатериалов СССР значительно опережал такие ведущие «лесные» державы как США и Канаду, однако по объему экспорта продукции, в том числе такой технологичной как лесобумажная, он был далеко от лидерских позиций.

Это было вызвано тем, что, во-первых, в СССР объемы заготовок леса по сравнению со довоенным временем не изменились. Так, если в 1937 г. на мировой рынок СССР поставлял около 4,2 млн кубометров, то в 1959 г. – 4,3 млн кубометров.³⁹ Напротив, в 1950-е гг. рос экспорт леса, бумаги и целлюлозы из таких стран как Канада (с 1950 по 1957 гг. поставки на мировой рынок из этой страны увеличились на 33 %), Швеции (на 36%), Финляндии (на 74%), Норвегии (на 106%)⁴⁰.

Во-вторых, СССР поставлял на экспорт в основном пиломатериалы, которые были плохо обработаны и содержали высокий процент влажности, то есть не отвечали элементарным требованиям рынка. Министр внешней торговли Патоличев в своей записке в ЦК КПСС от 23 мая 1960 г. писал: «Лесная промышленность может стать существенным источником для увеличения поступления валюты, позволяя получать до 300 млн руб. ежегодно, однако подобный экспорт дискредитирует нас на рынке, а также затрудняет продажу поставляемых на экспорт пиломатериалов»⁴¹. До середины 1960-х гг. в СССР практически не производились такие сравнительно новые виды материалов, как ДСП и ДВП, а поставки целлюлозы, бумаги и картона составляли доли процента от основного лесного экспорта.

Главным идеологом лесного экспорта как основного источника получения валютных резервов был бывший министр лесной промышленности (1954 – 1957 гг.) Г.М. Орлов⁴². В конце июля 1960 г. он направил на рассмотрение Хрущева записку о расширении экспорта древесины. Этот документ – довольно примечательный: автор проводит целую историческую ретроспективу, со ссылками на дореволюционную историю, с цитатами из Ленина и данными за 1930-е гг., лесного экспорта. Главный вывод, к которому приходил Орлов, заключался в необходимости модернизации целлюлозно-бумажной промышленности, и в связи с этим предлагал построить в Красноярском крае два крупнейших в мире лесоперерабатывающих завода для получения в течение пяти лет прибыли в размере 2,5 млрд инвалютных руб.⁴³

Против вливания государственных ресурсов в лесоперерабаты-

вающую промышленность были Патоличев и Микоян. Буквально одновременно с запиской Орлова на рассмотрение Президиума ЦК КПСС поступил материал от Минвнешторга, в котором говорилось «о совершенно нетерпимом положении, которое создалось в текущем году с поставками целлюлозы на экспорт»⁴⁴. Патоличев сообщал, что, несмотря на заявленный план экспорта на 1960 г. в размере 262 тыс. тонн целлюлозы (в том числе 240,5 тыс. тонн из РСФСР), к середине 1960 г. на внешние рынки фактически была поставлена только 51 тыс. тонн⁴⁵. Отдельные иностранные фирмы стали предъявлять претензии СССР в связи невыполнением контрактов. Так, французская фирма «Папетри де Сейн», ежегодно закупающая до 20 тыс. тонн советской целлюлозы, сообщила об остановке своих бумажных и крафтмешковых производств во Франции, Алжире и Марокко⁴⁶.

Уже после записки Орлова в начале августа 1960 г. неожиданно было принято постановление Совмина «О мероприятиях по обеспечению поставки пиломатериалов на экспорт», в котором отмечалось, что на мировой рынок поставлялись пиломатериалы низкого качества, а из-за несвоевременной отгрузки произошла их порча. Постановление было подготовлено и подписано А.И. Микояном, как заместителем председателя Совета Министров СССР. Так усилиями Микояна и Патоличева технологическое переоснащение лесоперерабатывающей промышленности было отсрочено на несколько лет, а основные денежные вливания пошли на развитие экспортных возможностей советской нефтедобычи.

На протяжении 1950-х гг. СССР стабильно наращивал свой нефтяной экспорт, пополняя таким способом валютные резервы. Так, если в 1953 г. СССР поставлял на мировой рынок 1,4 млн тонн нефти, то уже в 1956 г. – 4,9 млн тонн, в 1958 г. – 9,3 млн тонн, в 1959 г. – 14,2 млн тонн, а в 1960 г. – 20,3 млн тонн⁴⁷. К началу 1960-х гг. советская нефть составляла примерно 4 % от всего мирового рынка⁴⁸.

Но чем больше СССР экспортировал нефть, с тем большими технологическими и организационными проблемами он сталкивался. Занимая второе место в мире по объемам переработки нефти, советские предприятия производили одни из худших по качеству моторные масла и бензин. В СССР отсутствовали технологии по производству в больших объемах операций по гидроочистке, каталитическим крекингам и реформингам. Так, в 1963 г. совокупный объем операций по каталитическому крекингу (специальная термическая обработка нефти для получения высокооктанового бензина) составлял не более 750 тыс. тонн бензина, а в США благодаря этой же операции производилось до 2,5 млн тонн в год высококачественного бензина⁴⁹. До начала 1961 г. СССР не было технологии собирания «попутных нефтяных газов» (бутана и пропана), в результате до 6 млрд кубометров газов выходило в атмосферу или сжигалось в факелах на нефтепромыслах⁵⁰. Советские нефтеперерабатываю-

щие установки находились на уровне американских образцов конца 1940-х гг.

При этом, несмотря на заявленные планы семилетки и даже годовые планы, происходило острое недофинансирование нефтеперерабатывающей отрасли. В основном экономия происходила за счет уменьшения финансирования научно-исследовательской сферы, что приводило к тому, что советское оборудование было неконкурентоспособным по сравнению с западными образцами⁵¹. Единственным выходом оставалась закупка новейшего оборудования в капиталистических странах.

Наряду с импортом нефтеперерабатывающей техники остро встал вопрос о логистических возможностях СССР поставлять нефть в другие страны. До начала 1960-х гг. в СССР отсутствовал танкерный флот, что вынуждало прибегать к услугам иностранных компаний. Однако по мере роста объемов поставок нефти стали озвучиваться предложения о развитии советского танкерного флота или строительстве магистральных нефте- и газопроводов. Первый путь активно отстаивал Патоличев. В ряде записок конца 1950-х – начала 1960-х гг. министр внешней торговли предлагал наладить производство специальной тары для транспортировки товаров, построить крытые складские помещения в ленинградском и одном из черноморских портах, в также полностью переоборудовать под танкеры порт Вентспилс⁵².

Патоличев даже выступал за строительство танкеров в СССР, но к началу 1960 г. он больше стал склоняться к идее закупки грузовых судов на Западе. Так, в 1960 г. он выступил с идеей приобретения готовых танкеров, общей грузоподъемностью до 1709 тыс. тонн и стоимостью до 113 млн руб⁵³.

Активно поддерживал идею развития танкерного флота и Микоян⁵⁴. Вместе с тем, он стал одним из первых высших руководителей, кто выступил за строительство нефтепровода, а значит и закупку труб большого диаметра. Так, еще в конце 1958 г. он предложил закупать в ФРГ трубы большого диаметра, для чего решением Президиума ЦК КПСС было выделено 150 тонн золота⁵⁵. Ежегодно для закупки труб большого диаметра и нержавеющей листовой стали стало выделяться до нескольких десятков тонн золота. Например, в 1960 г. на эти цели было израсходовано 56,5 тонн золота, в 1961 г. – уже 90 тонн золота⁵⁶.

Наращиванию советского экспорта черного золота мешали не только технологическое отставание СССР и необходимость импорта оборудования, но и глобальные причины. Так, в середине 1961 г. из-за международного нефтяного кризиса, вызванного перепроизводством, почти половина запасов мировой нефти оказалась невостребованной. СССР также пострадал от этого кризиса: около 6 % запланированного к экспорту сырья оказались нереализованными⁵⁷. В 1963 г. из-за неблагоприятной мировой конъюнктуры СССР не смог

реализовать около 2 млн тонн нефти, 400 тыс. тонн мазута, 1,3 млн тонн дизтоплива, 400 тыс. тонн керосина и 350 тыс. тонн бензина⁵⁸.

27 января 1964 г. западногерманская фирма “Mabanaft” – крупнейший покупатель советского дизтоплива – телеграфно сообщила руководству «Союзнефтеэкспорта» о причинах срыва ряда сделок в 1963 г.: «Положение со сбытом дизтоплива можно сравнить с катастрофой. Крайне дешевые предложения наводняют рынок. Огромные запасы у потребителей, разорительная политика цен, проводимая нефтезаводами, настойчивые предложения товара практически по любой цене мешают стабилизации рынка даже на том жалком уровне, который имеет место быть в настоящее время. Банки не дают больше кредитов, клиентура не принимает товара, не выполняет существующие контакты и задерживает платежи»⁵⁹.

СССР ежегодно наращивал поставку нефти на внешние рынки, преодолевая довольно сильную конкуренцию как со стороны западных монополий, так и небольших независимых нефтяных компаний. Число последних в нефтяной сфере с конца 1950-х гг. увеличилось вдвое, на их долю приходилось до 20 % мировой добычи нефти и до 30 % реализации нефти⁶⁰.

Все это осложняло переговорный процесс советских представителей на иностранных рынках. Например, около года шли переговоры с итальянским концерном “Eni”, так как итальянцы отказывались повышать цена за одну тонну советской нефти на 50 центов. Лишь спустя год руководство “Eni” согласилось повысить цену, но только на 23 цента⁶¹. Когда советские представители заявили японской фирме “Sekiyu Kabushiki Kaisha”, что будут продавать нефть не за 14,2 долл. за тонну, а за 14,7 долл., японская фирма прекратила переговоры и стала закупать нефть у американцев⁶².

Немаловажным было и то, что СССР не располагал необходимой инфраструктурой в капиталистических странах – емкостями, бензоколонками, средствами транспортировки и т.д. В этом отношении показательно, что крупнейшие нефтяные монополии вкладывали значительные ресурсы именно в нефтяную инфраструктуру. По данным “Chase Manhattan Bank” с 1951 по 1960 гг. капиталовложения в инфраструктуру Западной Европы составили 2,6 млрд долл. или 35 % от суммы всех капиталовложений в нефтяную промышленность в данном регионе⁶³.

Советской стороне приходилось маневрировать ценами на нефть. Для улучшения экспорта использовались продажи не за доллары, а за местную валюту, нефть продавалась со скидками или по цене на условиях “CIF”, то есть по цене с доставкой в порт назначения. В результате в Швеции советская нефть была на 10–13 % дешевле, чем у западных конкурентов, а в Японию СССР экспортировал нефть за 8,75 долл. за тонну, тогда как цена за нефть из Персидского залива обходилась японской стороне уже за 13,19 долл. за тонну⁶⁴.

Западная пресса обвиняла СССР в нефтяном демпинге. Так, га-

зета “U.S. News & World Report” писала: «На западе русские предлагают скидки до 40 % иногда с целью захвата новых рынков, а иногда и по политическим соображениям»⁶⁵. “New York Herald Tribune” писала о том же: «Низкие цены на нефть в предложениях советов видны на примере сделки России с Италией в ноябре 1960 г., по которой нефть будет поставляться из портов Черного моря по цене 1 доллар за баррель»⁶⁶. В майском номере 1961 г. американского журнала “General of Commerce” сообщал, что «на заседании сенатской подкомиссии по внутренней безопасности, специально посвященной советскому нефтяному экспорту, подчеркивалось, что советская угроза является самой серьезной, что советская нефть, продаваемая по резко пониженным ценам, сможет найти все больше рынков сбыта в Западной Европе»⁶⁷.

Но кроме обвинений в прессе, западные нефтяные монополии использовали дипломатические и политические инструменты для «выдавливания» СССР с основных мировых рынков. В результате ряд стран или вообще не выдавал соответствующих торговых лицензий (Канада, Новая Зеландия) или существенно ограничивал экспортные возможности СССР (Франция, ФРГ, Голландия, Бельгия). Так, в 1960 г. «Союзнефтеэкспорт» удалось заключить сделки о продаже частным канадским фирмам около 500 тыс. тонн бензина. Однако правительственные органы отказались выдать соответствующую лицензию, и сделка была аннулирована⁶⁸. После заключения в 1960 г. контракта между «Союзнефтеэкспортом» и итальянским концерном “Eni” о совместном строительстве нефтепровода в Европе и ежегодных поставок через концерн до 25 млн тонн советской нефти⁶⁹, США сделали дипломатическое представление итальянскому правительству по поводу сделки. На руководителя концерна Э. Маттеи оказывалось сильнейшее влияние, чтобы он аннулировал сделку⁷⁰. В беседе с послом СССР в Италии Маттеи заявлял, что представители «Стандарт Ойл» пытались заставить его отказаться от строительства нефтепровода Генуя–Штутгарт (через Швейцарию), либо не использовать этот нефтепровод для транспортировки советской нефти. Одновременно американцы предложили ему довольно крупную компенсацию за выход из договора с Москвой. Но лишь после загадочной смерти Маттеи в конце 1962 г. сделка с СССР была аннулирована.

Самый серьезный урон советскому нефтяному экспорту был нанесен в конце 1962 г. на сессии НАТО, на которой трубы большого диаметра были объявлены товаром, имеющим стратегическое значение⁷¹. В результате руководство ФРГ уже 18 декабря того же года приняло постановление о том, что продажа стальных труб диаметром более 19 дюймов требовала особых правительственных постановлений⁷². Фактически были сорваны многомиллионные сделки с фирмами “Mannesmann AG”, “Hoesch”, “Phönix Rheinröhren”, нарушено действующее торговое соглашение между ФРГ и СССР⁷³. По-

сле этого решения приостановили выполнение своих контрактных обязательств фирмы других государств. Так, японское правительство хотя и заявило, что юридически не регулирует экспорт труб, однако, по неофициальной информации деловых кругов, дало понять, что планирует провести неформальное давление на металлургические компании⁷⁴.

Под влиянием реакции внешнего рынка, а также из-за внутреннего экономического кризиса, вызванного неурожаем 1963 г., Хрущев изменил стратегию поведения на нефтяном рынке. Уже в апреле 1963 г. он направил членам Президиума ЦК КПСС записку, в которой одобрил закупку импортного оборудования для производства химических товаров. Программное значение имели и следующие слова записки: «Наша страна имеет огромные запасы сырья, необходимого для химической промышленности – природного газа, нефти, фосфоритов, калийных солей, серы, поваренной соли и других. Мы можем и должны сделать это сырьем источником богатства нашей страны. Для этого необходимо развивать химическую промышленность таким образом, чтобы не только удовлетворить в короткие сроки собственные нужды, но и стать экспортером минеральных удобрений, синтетических материалов, фанеры, древесно-стружечных плит, а также других химических продуктов во многие страны Европы, не говоря уже о странах Азии. [...] При тщательном экономическом подсчете, может быть, окажется выгодным продавать синтетические товары, созданные на основе нефти, и сократить продажу сырой нефти»⁷⁵.

Решение о развитии химической промышленности вместо нефтяной было одобрено решением Президиума ЦК КПСС 18 июля 1963 г.⁷⁶ В частности, Минвнешторгу по согласованию с Госпланом, Государственным комитетом химической и нефтяной промышленности и Государственным комитетом химического и нефтяного машиностроения необходимо было провести предварительные переговоры с зарубежными фирмами о закупке наиболее современного оборудования для химической промышленности. 10 сентября того же года Президиум ЦК КПСС поручил советским дипломатам провести переговоры с руководством социалистических стран о закупке у них оборудования для производства химических товаров⁷⁷.

Одним из ключевых документов в вопросе о переходе с нефтяного экспорта на химический стала записка Хрущева от 15 октября 1963 г. В ней первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета Министров СССР в очередной раз повторил свою идею о необходимости поставлять на экспорт не сырье, а обработанные товары: «Трубы для нефтепроводов и газопроводов мы можем производить сами. Если в настоящее время у нас мощности недостаточные, то мы имеем возможность быстро их наращивать. К тому же, если бы уж нужно было, то выгоднее покупать стальной лист, чем трубы. Ведь мы на этом деле переплачиваем большие деньги. Кроме того, я

считаю, что вообще неразумно увлекаться импортом простых труб для нефтепроводов и газопроводов. Если потребуется некоторая растяжка во времени строительства нефте- и газопроводов, то ничего не случится [...] Покупка труб ничего не дает нам в смысле поднятия технического уровня. Поэтому увлекаться покупкой труб – это неразумно [...] Одним словом рыскаем за трубами на всем международном рынке. Думаю, что ничего не случилось бы, если бы мы отодвинули сроки окончания строительства газо- и нефтепроводов, а эти средства более разумно использовали бы для закупки на капиталистическом рынке химического оборудования [...] Нужно, чтобы валютные средства, накопленные путем продажи наших товаров за границей или же путем добычи золота, использовались в целях поднятия экономического и технического уровня. Другими словами, надо закупать то оборудование, которое мы еще не освоили у себя, для того, чтобы производить более современные синтетические материалы или электронное оборудование и другие изделия»⁷⁸.

Такой поворот в экспортной политике первого лица примечателен. За этим стояла не просто очередная задача перейти от торговли одним товаром на торговлю другим, а изменить саму структуру внешней торговли.

Об этом прямо свидетельствуют постановления Президиума ЦК КПСС, принятые незадолго до отставки Хрущева: «Об устранении недостатков в организации внешней торговли СССР и о мерах по дальнейшему ее развитию», «Об усилении контроля за качеством машин, оборудования и других товаров, изготовляемых на экспорт», «О повышении материальной заинтересованности работников в высококачественном изготовлении и своевременной поставке продукции для экспорта», «О структуре центрального аппарата Министерства внешней торговли и Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям»⁷⁹.

В постановлении «Об устранении недостатков...» заявлялось, что «в экспорте советских товаров велика доля необработанного сырья и товаров с низкой эффективностью, в то время как экспорт машин и оборудования, имеющих более высокую валютную эффективность, не получил необходимого развития»⁸⁰. В соответствии с постановлениями, важнейшей задачей Минвнешторга должно было стать усиление экспорта советских машин и оборудования (особенно авиационной техники, железнодорожного подвижного состава, судов, подъемно-транспортного оборудования, металлорежущих станков, наручных часов, фотоаппаратов, автомобилей, тракторов), а в области импорта – закупка оборудования для химической и целлюлозно-бумажной промышленности.

Однако желание Хрущева снизить объемы экспорта сырой нефти, столкнувшись с возросшими потребностями стран «соцлагеря» в дешевой советской нефти. В 1964 г. все страны СЭВ (за исключением Румынии) потребовали увеличения поставок нефти: ГДР на

400 тыс. тонн, Венгрия на 300 тыс. тонн, Польша на 200 тыс. тонн, а Болгария почти на 300 тыс. тонн. Патоличев предлагал учесть заявки всех этих стран, так как удовлетворение заявок «лишь некоторых стран могло бы вызвать недовольство тех стран, которым не будут выделены дополнительное количество нефти»⁸¹. Фактически Хрущев оказался в ситуации, когда даже его слово не могло разрушить набиравший обороты советский нефтяной экспорт.

* * *

Благодаря стараниям Хрущева советская внешняя торговля превратилась в один из столпов мировой системы социализма. При этом она стала не просто идеологическим символом, а приносила существенную валютную прибыль в советский бюджет. Во многом благодаря этому вторая половина 1950-х гг. – время расцвета советской плановой экономики.

Приток валютной выручки от экспорта способствовал расширению импорта товаров, в том числе таких промышленных изделий, которые не производились в СССР. Пропорционально объему импорта росли объемы валютных расходов. Все это приводило к экономии валютных резервов, вплоть до предложений советского руководства банально копировать западные технологии.

К началу 1960-х гг. советские руководители утвердились в своем мнении о необходимости увеличения объемов производства экспортных товаров. Главным таким товаром становится нефть. Однако увеличение экспорта нефти сталкивалось с нехваткой в СССР технологий, позволявших наращивать поставку за границу углеводородов. В частности, Советскому Союзу регулярно требовалось закупать в капиталистических странах трубы большого диаметра, необходимые для строительства магистрального нефтепровода.

После введения НАТО эмбарго на поставку труб большого диаметра в конце 1962 г. и сельскохозяйственного кризиса 1963 г., Хрущев попытался резко изменить стратегию советской внешней торговли. Он предложил пересмотреть экспортные приоритеты страны, сфокусировавшись на поставках не сырой нефти, а химических товаров. Фактически речь шла о глобальной перестройке всей системы советской внешней торговли. Однако эту последнюю «битву за экспорт» Хрущев проиграл, недооценив, насколько привлекательной для советской партийно-государственной бюрократии и хозяйственной номенклатуры, а также руководства «братских» социалистических стран, оказалась идея поставок за рубеж дешевой нефти-сырца.

С начала 1960-х гг. происходило затухание эффекта хрущевского внешнеторгового «экономического чуда», явственно нарастали симптомы системного кризиса. В основе этого кризиса лежали организационные и хозяйственные факторы, главным из которых стала

острая нехватка валютных резервов.

Примечания Notes

¹ *Popov A.A.* Trade Expansion within Council for Mutual Economic Assistance after the Polish and Hungarian Crises // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. № 4. С. 1303–1316.

² *Sanchez-Sibony O.* Red Globalization: The Political Economy of the Soviet Cold War from Stalin to Khrushchev. New York; Cambridge, 2014.

³ *Липкин М.А.* Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: Середина 1940-х – конец 1960-х годов. Москва, 2016.

⁴ Российский государственный архив новейшей истории (РГА-НИ). Ф. 3. Оп. 16. Д. 473. Л. 57–98.

⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 89. Л. 21.

⁶ Там же. Л. 26.

⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 862. 124.

⁸ Там же. Л. 125.

⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 1129. Л. 14.

¹⁰ Там же. Л. 16.

¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 844. Л. 33.

¹² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 773. Л. 304.

¹³ *The Daily Telegraph* (London). 1961. 23 Nov.

¹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 211. Л. 14–15.

¹⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 44. Л. 108.

¹⁶ Там же. Л. 109.

¹⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 301. Л. 26.

¹⁸ Там же.

¹⁹ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 782. Л. 73–74.

²⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 121. Л. 23.

²¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 832. Л. 12–13.

²² Там же. Л. 13.

²³ Там же. Л. 15.

²⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 848. Л. 164.

²⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 18. Д. 245. Л. 6.

²⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 761. Л. 111.

²⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 739. Л. 98.

²⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 750. Л. 172.

²⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 18. Д. 94. Л. 28.

³⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 527. Л. 14.

³¹ Там же. Л. 16.

³² Там же. Л. 17.

³³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 129. Л. 23–25.

³⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 217. Л. 58–69.

- ³⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 853. Л. 122.
³⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 958. Л. 129.
³⁷ *Пивоваров Н.Ю.* *Зерновой кризис 1963 г. в СССР и внешне-
торговые коллизии его разрешения // Гуманитарные науки в Сибири.*
2019. Т. 26. № 1. С. 28–33.
³⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 345. Л. 101.
³⁹ Там же.
⁴⁰ Там же. Л. 105.
⁴¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 958. Л. 130.
⁴² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 345. Л. 98–137.
⁴³ Там же. Л. 136.
⁴⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 341. Л. 12.
⁴⁵ Там же. Л. 13.
⁴⁶ Там же.
⁴⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 345. Л. 39–42.
⁴⁸ Там же.
⁴⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 227. Л. 68.
⁵⁰ Там же. Л. 72.
⁵¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 221. Л. 4.
⁵² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 307. Л. 165.
⁵³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 745. Л. 135.
⁵⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 740. Л. 17.
⁵⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 459. Л. 41.
⁵⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 301. Л. 113.
⁵⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 476. Л. 271.
⁵⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 874. Л. 119–121.
⁵⁹ Там же. Л. 121.
⁶⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 54. Д. 44. Л. 58.
⁶¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 54. Д. 48. Л. 62–65.
⁶² Там же. Л. 65.
⁶³ Там же. Л. 73.
⁶⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 667. Л. 102–104.
⁶⁵ U.S. News & World Report (New York City). 1961. 17 Apr.
⁶⁶ New York Herald Tribune. 1961. 11 May.
⁶⁷ General of Commerce (Washington, D.C.). 1961. № 5. P. 31, 32.
⁶⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 567. Л. 16.
⁶⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 771. Л. 2.
⁷⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 131. Л. 24–25.
⁷¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 789. Л. 2.
⁷² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 793. Л. 14.
⁷³ Там же.
⁷⁴ Там же. Л. 15.
⁷⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 260. Л. 1.
⁷⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 305. Л. 25.
⁷⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 331. Л. 142.
⁷⁸ Никита Сергеевич Хрущев: Два цвета времени: Документы из

личного фонда Н.С. Хрущева. Москва, 2009. Т. 2. С. 732–734.

⁷⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 18. Д. 244. Л. 12–138.

⁸⁰ Там же. Л. 23.

⁸¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 393. Л. 141.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Джалилов Теймур Агабаевич – канд. ист. наук, Институт все-
общей истории, Российская академия наук (Москва)
slavikal@yandex.ru

Пивоваров Никита Юрьевич – канд. ист. наук, Институт все-
общей истории, Российская академия наук (Москва)
pivovarov.hist@gmail.com

Цель статьи – анализ внешнеэкономической деятельности СССР и роли центрального аппарата КПСС и Советского правительства в ее организации в первой половине 1960-х гг. Источниковую базу статьи составили документы Центрального Комитета КПСС. Эти документы позволили авторам впервые раскрыть механизм принятия решений в области внешней торговли в период реформ Н.С. Хрущева.

Авторы пришли к выводу, что благодаря стараниям Хрущева советская внешняя торговля превратилась в один из столпов мировой системы социализма. При этом она стала не просто идеологическим символом, а приносила существенную валютную прибыль в бюджет СССР. Приток валютной выручки от экспорта способствовал расширению импорта товаров, в том числе таких промышленных изделий, которые не производились в СССР. Пропорционально объему импорта росли объемы валютных расходов.

К началу 1960-х гг. руководители КПСС и СССР утвердились в своем мнении о необходимости увеличения объемов производства товаров, которые дают наибольшую прибыль от экспорта. Главным таким товаром стала сырая нефть. Однако увеличение экспорта нефти сталкивалось с нехваткой в СССР технологий, позволявших наращивать добычу и поставку за границу углеводородов. Требовалось постоянно закупать в капиталистических странах современную технику и трубы большого диаметра, необходимые для строительства магистрального нефтепровода.

После введения НАТО эмбарго на поставку в СССР труб большого диаметра в конце 1962 г. и сельскохозяйственного кризиса 1963 г., Хрущев попытался резко изменить стратегию советской внешней торговли. Он предложил перейти с экспорта сырой нефти на экспорт химических товаров. Однако Хрущев не смог добиться реализации своей идеи. Он недооценил, насколько привлекательным был экспорт из СССР дешевой сырой нефти для советской бюрократии, а также для руководства социалистических стран.

Холодная война, Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС), Центральный Комитет КПСС, мировая система социализма, экономическая интеграция, экономическая дискриминация, экономическая дипломатия, плановая экономика, внешняя торговля, сырьевой экспорт, бюрократизм, Н.С. Хрущев.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Pivovarov, N. Yu. Zernovoy krizis 1963 g. v SSSR i vneshnetorgovye kollizii ego razresheniya [The Soviet Grain Crisis of 1963 and the Foreign Trade Collisions that Resolved It.]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2019, vol. 26, no. 1, pp. 28–33. (In Russian).

2. Popov A.A. Trade Expansion within Council for Mutual Economic Assistance after the Polish and Hungarian Crises. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*, 2018, vol. 63, no. 4, pp. 1303–1316. (In English).

(Monographs)

3. Lipkin, M.A. Sovetskiy Soyuz i integratsionnye protsessy v Evrope: Seredina 1940-kh – konets 1960-kh godov [The Soviet Union and the Integration Processes in Europe: Mid 1940s – Late 1960s.]. Moscow, 2016, 559 p. (In Russian).

4. Sanchez-Sibony, O. Red Globalization: The Political Economy of the Soviet Cold War from Stalin to Khrushchev. Cambridge University Press, 2014, 278 p. (In English).

Authors, Abstract, Key words

Teymur A. Dzhililov – Candidate of History, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
slavikal@yandex.ru

Nikita Yu. Pivovarov – Candidate of History, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
pivovarov.hist@gmail.com

The article analyzes the foreign trade of the USSR and the role played by the central bodies of the Communist Party of the Soviet Union (CPSU) and the Soviet government in its management during the first half of the 1960s. The documents of the CPSU Central Committee used as the main sources help the authors to reveal the decision-making mechanism in the area of foreign trade during Khrushchev's reforms.

The authors argue that the Soviet foreign trade thanks to Khrushchev's

efforts turned into a pillar of the World Socialist System (the Eastern Bloc). Apart from being an ideological matter, it meant a considerable foreign currency revenue for the USSR's budget. The inflow of foreign currency coming from the USSR's export accounted for the growth of imported goods, including those industrial products that were not manufactured in the USSR. The increased imports volumes commensurately triggered bigger foreign currency expenditures.

By the early 1960s the leadership of the CPSU and the USSR were fully convinced about the necessity to boost the production of the most profitable export goods. Crude oil became the key export commodity. However, the USSR's oil export was faced with the shortage of such technologies that were able to expand the extraction and delivery of hydrocarbons. As a result, modern equipment and large-diameter pipes were regularly purchased from capitalist countries for the construction of main pipelines.

After the NATO's imposition of an embargo on large-diameter pipes in 1962 and the agricultural crisis of 1963 Khrushchev made an attempt to dramatically change the strategy of the Soviet foreign trade. He suggested switching from crude oil exports to chemicals. However, he failed to implement his idea underestimating the fact that the cheap crude oil export was far too attractive and alluring to Soviet bureaucracy as well as to the leadership of the Eastern Bloc.

Cold War, Communist Party of the Soviet Union (CPSU), Central Committee (of the CPSU), World Socialist System (Eastern Bloc), economic integration, economic discrimination, economic diplomacy, planned economy, foreign trade, raw material exports, bureaucracy, Nikita S. Khrushchev.

ЕВРОПА В ПРОШЛОМ

Europe in the Past

О.И. Александрова, Д.В. Зайцев

АФИНЫ И ЭРЕТРИЯ: О СТАНОВЛЕНИИ МЕЖПОЛИСНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АРХАИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ*

O.I. Aleksandrova and D.V. Zaytsev

Athens and Eretria: On the Formation of Inter-Polis Relations in Archaic Greece

Данная статья посвящена проблеме эволюции организации межполисных отношений в архаическое время. Мы рассмотрим этот процесс на примере контактов Афин и Эретрии. Выбор этих полисов обусловлен целым рядом факторов. Во-первых, их географической близостью. Во-вторых, тесными контактами Афин и Эретрии в классическую эпоху. Наконец, в-третьих, достаточным объемом источников, в которых нашли отражение отношения этих полисов.

Если в классическое время отношения Афин и полисов Эвбеи строились при полном превосходстве Афин, то в эпоху Архаики ситуация была противоположна. Эвбейские полисы быстро развивались, являлись пионерами Великой греческой колонизации и возобновившейся торговли с Ближним Востоком¹. Одним из двух лидирующих эвбейских городов являлась Эретрия. Следовательно, перед нами пример отношений относительно равных по силе и влиянию полисов.

Первым событием, с которым в историографии связывается взаимодействие Афин и Эретрии, является Лелантская война². При этом участие Афин в войне не находит опоры в источниках, оставаясь только гипотезой, основанной на косвенных данных. Показательно, что авторы, предполагающие участие Афин в Лелантской войне, не могут сойтись во мнении, на чьей именно стороне воевали Афины. Например, Л. Джеффри полагает, что Афины выступили на

стороне Эретрии³. А Д. Брэдин считает, что Афины могли воевать на стороне Халкиды⁴.

Аргументация исследователей не представляется безупречной. Л. Джеффри обосновывает участие Афин в Лелантской войне на стороне Эретрии тем, что у полисов были тесные связи в дальнейшем. Однако это слабый аргумент: в архаическое время полисы могли менять союзников и противников. Д. Брэдин относит Афины к союзникам Халкиды, реконструируя межполисные отношения архаической эпохи. Он апеллирует к конфликту, в котором Фидон Аргосский поддержал Эгину в борьбе с Афинами и Эпидавром (Hdt. V. 82–89). Д. Брэдин также ссылается на Дуриса Самосского, полагая, что Самос в этом конфликте помог Афинам⁵. А так как нам известно, что Самос участвовал в Лелантской войне на стороне Халкиды, Д. Брэдин считает Афины их союзником. На наш взгляд, спорным является уже сам подход исследователя, поскольку он предполагает стабильность межполисных связей архаического времени и обязательное активное участие союзников в военных конфликтах друг друга.

Кажется, что Лелантская война не слишком вписывается в историю Афин архаического времени. Афины минимально вовлекались в колонизационные и торговые предприятия архаики и, фактически, начали свою активную деятельность в этой сфере только в конце VII в. до н.э. А их внешнеполитические акции нашли неплохое отражение в источниках. Скорее всего, Афины, занятые процессом объединения земель Аттики, в Лелантской войне участия не принимали.

Немногочисленные данные источников говорят о неких связях с Эретрией знаменитого афинского рода Алкмеонидов. Первый из подобных сюжетов относится к концу VII – началу VI вв. до н.э. Алкмеониды были изгнаны из Афин, поскольку представители этого рода за некоторое время до изгнания запятнали себя расправой над Килоном и его сторонниками. Есть основания предполагать, что именно в Эретрию отправились представители этой семьи.

Так, по некоторым сведениям, второй женой Алкмеона, тогдашнего главы рода, и матерью его сына Мегакла была некая Кесира, представительница одной из знатных и богатых эретрийских семей. Это имя известно из комедий Аристофана (напр.: Ach. 614; Nub. 48, 64, 800) и схолий к ним. Упоминания схолиастов весьма разрознены и противоречивы: супругом Кесеры называют то Алкмеона, то тирана Писистрата, то политика начала V в. до н.э. Мегакла, изгнанного из Афин остракизмом. Это все закономерно приводит к мысли, что речь идет о трех разных женщинах, носивших одно и то же имя. Логично полагать, что первой из них была эретриянка Кесира, на которой около 600 г. до н.э. женился изгнанный из Афин Алкмеон⁶. Имя же Кесеры впоследствии стало одним из родовых женских имен Алкмеонидов. В свою очередь, традиционные для этого афинского рода имена – прежде всего Мегакл и Клисфен – проникли в

* Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда «Дискурс государственной власти в древних обществах и рецепция его элементов в мировых и российских общественно-политических практиках» (проект № 19-18-00549), реализуемого в Российском государственном гуманитарном университете.

эретрийскую ономастику и часто встречаются в эретрийских надписях IV–III вв. до н.э. (IG XII (9) 191с, сткк. 10, 13; 240, стк. 19; 245b, стк. 185; 246а, сткк. 66, 209; 249а, сткк. 130, 645; 249b, сткк. 251, 258, 267–268; 424). Как отмечает в связи с этим И.Е. Суриков, подобных имен в Эретрии встречается больше, чем в любом другом греческом полисе, включая сами Афины⁷. Это, как представляется, достаточно убедительно говорит о прочных и давних связях Алкмеонидов с Эретрией.

Подтверждают это и иные данные. Так, в 1991 г. был опубликован остракон, найденный на Керамике и относящийся к началу V в. до н.э., на котором рядом с именем Мегакла, сына Гиппократа, возможно, упоминается Эретрия⁸. Существует несколько версий того, каким образом следует трактовать это упоминание. Однако в данном случае важен сам факт того, что Эретрия опять связывалась с именем представителя рода Алкмеонидов.

Еще одним возможным подтверждением можно считать сообщение Диогена Лаэртского, который в жизнеописании философа Менедема Эретрийского упоминает, что тот был сыном Клисфена из рода Феопротидов, знатным, но в то же время бедным человеком (Diog. Laert. II, 17, 1: [Μενέδημος] οὗτος, Κλεισθένους τοῦ τῶν Θεοπροτιδῶν καλουμένων υἱός, ἀνδρὸς εὐγενοῦς μὲν, ἀρχιτέκτονος δὲ καὶ πένητος). События предположить, что именно из этого рода происходила первая Кесира, жена Алкмеона и мать Мегакла. Учитывая, что использование «семейных» имен другим родом обычно указывало на определенные связи между этими семьями⁹, такое предположение кажется вероятным, однако говорить об этом с уверенностью, конечно же, нельзя.

Предположение об уходе Алкмеонидов в Эретрию и брачный союз представителя изгнанного рода с эретрийскими аристократами вызывает закономерный вопрос: зачем знатному роду из богатого эвбейского полиса понадобилась связь с Алкмеонидами?

О большом значении аристократии как таковой в Эретрии написано немало. Наиболее показательны здесь археологические источники. Например, некрополь возле западных ворот Эретрии, где находятся шесть захоронений с кремированными останками в бронзовых сосудах¹⁰. Инвентарь, включающий предметы вооружения, украшения, в том числе, ближневосточный импорт, свидетельствует о высоком статусе погребенных. Впоследствии погребения превратились в святилище, о чем свидетельствуют votive посвящения. Кроме археологических материалов, о силе эретрийской аристократии свидетельствует и нарративная традиция: эретрийские аристократы упоминаются в различных текстах. Например, Лисаний из Эретрии, наряду с Мегаклом Алкмеонидом, сватался к дочери тирана Клисфена Сикионского (Hdt. VI. 126–127).

Вопрос, зачем представители знатной и древней эретрийской аристократии породнились с «оскверненными» Алкмеонидами, за-

ставляет снова обратиться к проблеме сущности «Килоновой скверны» вообще. Кажется, впервые мы встречаем известие о роли этого фактора в политической борьбе в связи с судом, который организует Солон для ритуального очищения города. В результате суда, о котором нам сообщает прежде всего Плутарх, представители Алкмеонидов были изгнаны из Афин (Plut. Sol. 12). Исходя из этого, можно предполагать, что Алкмеон, глава рода на рубеже VII–VI вв. до н.э., до суда мог находиться в родном городе, а его роль в жизни Афин была достаточно заметной. Вероятно, договоренность о взаимовыгодном союзе двух богатых аристократических родов из фактически соседних полисов была достигнута еще до изгнания Алкмеонидов из Афин. Следовательно, до принятия политических решений по поводу Алкмеонидов «Килонова скверна» не выступает как значимый фактор политической жизни.

Еще одно указание на «скверну», а заодно и на контакты афинских аристократических родов с Эретрией, связано со вторым приходом к власти Писистрата. В обмен на помощь, оказанную тирану Алкмеонидами, он должен был взять в жены дочь Мегакла – главы «оскверненного» рода и политического противника Писистрата (Hdt. I, 59–60). Предположительно, дочь Мегакла носила уже знакомое нам имя Кесира¹¹. Писистрат действительно женился на этой девушке, однако, как сообщает Геродот, – кстати, он не называет ее имени – «не желал иметь детей от молодой жены и потому общался с ней неестественным способом» (Hdt. I, 61, пер. Г.А. Стратановского). Нежелание это может объясняться тем, что у Писистрата к тому моменту были двое достаточно взрослых сыновей, Гиппий и Гиппарх, и, вероятно, именно им он собирался впоследствии передать власть. К тому же, вполне возможно, что свою роль сыграла принадлежность девушки к «оскверненному» роду (Hdt. I, 61)¹².

Результатом этой истории стал разрыв непрочного союза Писистрата и Мегакла, а также очередное изгнание тирана (Hdt. I, 61; Arist. Ath. pol. 15, 2). Он покинул территорию Аттики, причем отправился именно в Эретрию (Hdt. I, 61). Впоследствии Писистрат возвращается, захватывает власть в третий раз и изгоняет Алкмеонидов. Однако мы не встречаем в источниках упоминания «Килоновой скверны» как основания для изгнания. Более того, упоминание Клисфена среди афинских архонтов может служить весомым аргументом в пользу того, что Алкмеониды были возвращены в Афины сыновьями Писистрата, а затем еще раз изгнаны Гиппием¹³. «Скверну» в качестве причины изгнания спартанцами целых семисот афинских семей в 506 г. до н.э. указывает Геродот (Her. V, 77). Наконец, «Килонову скверну» используют в политической борьбе, которая предшествовала Пелопоннесской войне, спартанцы, требующие у афинян изгнать потомков тех, кто был замешан в святотатстве (Thuc. I. 127. 1–2).

Однако случаев, когда Алкмеониды играют важную роль в поли-

тической жизни, известно вполне достаточно. «Килонова скверна» не смущает ни Клизфена Сикионского, который выдает дочь замуж за Мегакла Алкмеонида, ни Солона, который делает Алкмеона военачальником в Первой Священной войне (Plut. Sol. 11), ни Дельфийский оракул, который принимает от Алкмеонидов средства для восстановления храма.

Ни в одной из политических акций вне Афин Алкмеониды не испытывают ограничений, связанных с «оскверненным» статусом. Вероятно, «Килонова скверна» выступает важным аргументом в политической жизни только в тех случаях, когда это необходимо противникам Алкмеонидов в конкретной ситуации.

Первое указание на «скверну» и изгнание Алкмеонидов связано с кризисом, предшествовавшим реформам Солона. В случае Писистрата нельзя забывать, что связь с Алкмеонидами была не только преимуществом тирана, но и ограничивала его власть в полисе. И «скверна» здесь могла быть, скорее, удобным поводом. Наконец, требования спартиатов явно являются не более чем одним из предложений для вмешательства в афинские дела. Следовательно, как нам представляется, не стоит преувеличивать значение «Килоновой скверны» в жизни рода Алкмеонидов. Она была удобным инструментом для их политических противников, однако никак не препятствовала поддерживать нормальные контакты с дружественными или нейтральными политическими силами.

После того как Писистрат удалился из Афин после конфликта с Мегаклом, он отправился в Эретрию. Почему Писистрат выбрал местом своего пребывания, пусть даже краткосрочного¹⁴, именно этот город, у которого имелись связи с Алкмеонидами? Существует предположение, что влияние Алкмеонидов в Эретрии в этот период снизилось, и именно поэтому Писистрат мог туда отправиться¹⁵. Однако, как кажется, связь между этими фактами может быть и обратной: род Алкмеонидов потерял свои прежние позиции в Эретрии именно вследствие активной деятельности Писистрата. Логично предполагать, что изгнанный тиран намеревался через некоторое время вернуться в Афины и вновь захватить власть. Для этого ему необходимо было заручиться серьезной финансовой и военной поддержкой, и, по возможности, ослабить своих политических противников, которые могли бы рассчитывать на помощь из Эретрии.

Вероятно, выгодно Писистрату было и то, что Эретрия находится близко к Аттике и является удобным плацдармом для вторжения на ее территорию. На 11-м году своего изгнания, около 546 г. до н.э., Писистрат и его сторонники, в числе которых были и эретрийцы, высадились неподалеку от Марафона, и вскоре тиран вернул себе власть в Афинах (Hdt. I, 62; Arist. Ath. pol. 15, 2–3). При этом Аристотель особо оговаривает, что на стороне Писистрата были не просто рядовые эретрийцы, по каким либо причинам расположенные к афинскому изгнаннику, а «всадники, в руках которых была тогда

государственная власть в Эретрии» (ἔτι δὲ τῶν ἰππέων τῶν ἐχόντων ἐν Ἐρετρίᾳ τὴν πολιτείαν, пер. С.И. Радцига).

Каким же образом Писистрат мог привлечь на свою сторону жителей этого эвбейского города?

Во-первых, не исключено, что у Писистрата, точно так же, как и у Алкмеонидов, имелись давние связи с Эретрией или, как минимум, с Эвбеей в целом. Здесь можно обратиться к происхождению афинского тирана. Писистрат происходил из древнего и знатного аристократического рода, близкого к Кодридам – афинским царям, которых возводили к мифическому Писистрату, сыну Нестора (Hdt. V, 65)¹⁶. Аналогичное имя носил архонт-эпоним 669/668 г. до н.э. (Paus. II, 24, 7). Вполне возможно, что кто-то из предков или родственников тирана мог породниться с представителями какого-либо эвбейского рода. Сведений о таких браках у нас нет, но существует несколько косвенных свидетельств. Распространение «конных» (то есть с корнем -ἰπλ) имен среди Писистратидов – нетипичных для архаических тиранов¹⁷ – не просто указывают на аристократическое происхождение, но говорят о некоей связи с Эвбеей, где подобные имена были очень распространены¹⁸. Также стоит упомянуть, что в Бравроне, месте, где располагались родовые владения Писистрата, особенно почитали Артемиду Ифигению, культ которой был тесно связан с культом Артемиды Амарисии, распространенным на Эвбее¹⁹.

Во-вторых, Геродот упоминает, что Писистрат и его сыновья, находясь в изгнании, собирали некие «добровольные пожертвования» от городов, которые были им обязаны (Hdt. I, 61: ἐνθαῦτα ἤγειρον δωτίνας ἐκ τῶν πολίων αἰτινές σφι προαιδέοντό κοῦ τι). Можно предположить, что Писистратиды могли оказывать финансовую помощь представителям других греческих полисов, в том числе и эретрийцам. Тем более что до вражды Мегакла и Писистрата мы не встречаем сведений о столкновении интересов Алкмеонидов и Писистратидов.

В-третьих, Аристотель приводит в своем рассказе об установлении в Афинах тирании следующий факт: Писистрат, находясь в изгнании, участвовал в основании поселения Рекел в районе Фермейского залива (Arist. Ath. pol. 15, 2: συνῴκισε περὶ τὸν Θερμαῖον κόλλων χωρίον ὃ καλεῖται Ραίκηλος). Логично предполагать, что, поскольку традиция связывает этот период жизни Писистрата с Эретрией, именно вместе с эретрийцами он совершил эту экспедицию в первые годы своего изгнания²⁰.

Как представляется, употребленный Аристотелем глагол «συνῴκισε» в данном случае подчеркивает, что Писистрат был именно одним из участников этого предприятия, главную же роль в нем играли эретрийцы. Отдельные исследователи даже полагают, что основанное при участии Писистрата поселение можно отождествить с Дикеей во Фракии, которая упоминается у Геродота (Hdt. VII, 123)

как колония Эретрии²¹. Вполне возможно, что вместе с ним в Рекел отправилась и группа афинян, его сторонников, однако вряд ли она была многочисленной. В любом случае, говорить, что именно Писистрат или же афиняне в целом были основателями поселения, невозможно.

Можно отметить и то, что Рекел находился в месте, очень удобном для Писистрата: на пути к пангейским рудникам на реке Стримон, которые были источником необходимых для него денежных средств. Именно владение этими рудниками позволило будущему тирану затем завербовать достаточное количество наемных войск (Arist. Ath. pol. 15, 2).

Можно даже предположить, что он, прибыв в начале своего изгнания в Эретрию, каким-либо образом натолкнул жителей этого города на мысль об экспедиции к Фермейскому заливу и, возможно, даже пообещал какую-то часть от этих доходов тем самым «всадникам», которые стояли во главе полиса. К тому же им было бы выгодно иметь в Афинах «своего» правителя, так как можно было надеяться на помощь в гипотетических конфликтах с соседней Халкидой, а также рассчитывать на укрепление своего положения среди греческих полисов²². Такая версия объяснила бы и последующую их помощь Писистрату, и снижение в Эретрии влияния рода Алкмеонидов, на тот момент бывших его явными противниками.

Однако через некоторое время к власти в Эретрии, свергнув прежнее господство «всадников», дружественных Писистрату, приходит тиран Диагор (Arist. Polit. 1306a35: καὶ τὴν ἐν Ἐρετρίᾳ δ' ὀλιγαρχίαν τὴν τῶν ἰπλέων Διαγόρας κατέλωσεν). Источники не сохранили сведений о том, когда конкретно это случилось. С последней трети VI в. до н.э. тиранию Диагора связывают из-за обстоятельств его смерти. Тиран умирает по пути в Спарту, находясь в Коринфе (Herod. Hist. 2.142.1). Вероятно, этот маршрут можно вписать в контекст событий конца VI в. до н.э., когда Спарта выступает против Писистратидов. Таким образом, тирания Диагора вписывается в период между приходом к власти Писистрата, которому помогали всадники, и свержением Гиппия.

Вместе со сменой власти меняются и взаимоотношения Афин и Эретрии. Возможно, это было связано с усилением афинских позиций в Эгеиде: во время правления Писистрата была завершена давняя афино-мегарская война за остров Саламин²³, в руки афинян перешла мегарская гавань Нисея (Hdt. I, 59), окончательно был покорен Сигей, во главе которого Писистрат поставил своего незаконнорожденного сына Гегесистрата (Hdt. V, 94). Археологические данные говорят о том, что с середины VI в. до н.э. в Средиземноморье вновь получает распространение афинская керамика, которая вытесняет коринфскую в Сицилии, Сирии, Египте, Карию, Ликию и Северном Причерноморье²⁴. Свидетельствами усиления афинской экономики во время правления Писистрата можно считать унифи-

кацию денежной системы, устройство единого монетного двора и начало чеканки афинских драхм²⁵.

По всей видимости, подобное усиление Афин в этот период совершенно не устраивало Эретрию. Особенно отношения обострились после смерти Писистрата в 527 г. до н.э. Подобный вывод можно сделать из нескольких косвенных свидетельств.

В Эретрии был найден надгробный камень некоего Хайриона (Χαιρίων), афинского эвпатрида, датированный 525 г. до н.э. (IG XII 9, 296). В историографии предпринимались небезосновательные попытки связать этого Хайриона с семейством Алкмеонидов²⁶. Интересно, что само понятие «эвпатрид» к последним годам тирании Писистратидов употреблялось по отношению к их политическим оппонентам (Arist. Ath. pol. 19, 3). Можно предполагать, что Хайрион был изгнан из Афин Писистратом или его наследниками и нашел убежище в Эретрии, как и другие афинские изгнанники (Arist. Ath. pol. 19, 3; Hdt. 5, 62). Подобная ситуация вряд ли была бы возможна, если бы между полисами сохранялись дружественные отношения²⁷. Нельзя полностью отбрасывать вариант, что захоронение Хайриона свидетельствует лишь о старых ксенических связях между аристократическими родами²⁸. Однако сам факт захоронения афинского аристократа вне Аттики делает более вероятным, как нам кажется, влияние политического фактора. Иначе сложно представить причины, по которым захоронение было произведено вне родного полиса.

Далее, в 514 г. до н.э. Гиппарх, младший из наследников Писистрата, гибнет в результате нападения Гармодия и Аристоклитона (Hdt. V, 55–56; Arist. Ath. pol. 18). Геродот, рассказывая об этих событиях, сообщает, что род Гефиреев, к которым они принадлежали, некогда пришел в Афины из Эретрии. Во всяком случае, так утверждали они сами (Hdt. V, 57: οἱ δὲ Γεφυραῖοι, τῶν ἦσαν οἱ φονεῖς οἱ Ἰπλάρχου, ὡς μὲν αὐτοὶ λέγουσι, ἐγεγόνεσαν ἐξ Ἐρετρίας τὴν ἀρχήν). Заманчиво предполагать, что эретрийский тиран Диагор в этот период каким-то образом подпитывал враждебность различных афинских родов, тем или иным образом связанных с Эретрией, к Писистратидам, желая ослабления Афин.

Впрочем, в этом же месте Геродот оговаривается, что по его собственным изысканиям тиранубийцы происходили из Беотии (Hdt. V, 57: ὡς δὲ ἐγὼ ἀνατυθάνομενος εὐρίσκω, ἦσαν Φοίνικες τῶν σὺν Κάδμῳ ἀλικομένων Φοινίκων ἐς γῆν τὴν νῦν Βοιωτίην καλεομένην). Плутарх, однако, возражает Геродоту и склоняется в пользу эретрийского происхождения Аристоклитона (Plut. De Herod. 860, e-f). Возможно, версия об эретрийском происхождении появилась уже в классическую эпоху, так как связь с традиционно недружественными Афинам Фивами могла невыгодно сказаться на героическом образе тиранубийц²⁹. Иных сведений, кроме этих сообщений, о происхождении Гефиреев у нас нет.

Однако есть еще одна гипотеза, которая способна примирить

две противоречащие друг другу традиции. В историографии давно рассматривается проблема существования в архаическое время эвбейско-кикладской общности, «эвбейского койнэ». Это объединение полисов, на которые распространялось влияние эвбейских городов³⁰. Далеко не все исследователи согласны с существованием такой общности³¹, однако нам представляются плодотворными рассуждения греческого археолога А. Мазаракиса Айниана³². Он отмечает близость ряда поселений архаического времени: Оропа, который находится в Беотии, и эвбейских поселений – Лэфканди и Эретрии. Близость эта проявляется в застройке – здания ориентированы по линии север-юг с входом на южной стороне – и социальной организации. Кроме того, и Ороп, и Эретрия в VIII в. до н.э. переживают экономический расцвет. Учитывая, что Беотия находится географически очень близко к Эвбее, а сведения о поездках беотийцев на соседний остров доносит еще Гесиод (Hes. Erg. 651–657), наличие брачных контактов между эретрийскими и беотийскими аристократами совершенно не выглядит невозможным. Также вероятным представляется и переезд какой-либо аристократической семьи с Эвбеи в Беотию или наоборот. Следовательно, не стоит противопоставлять традиции, о которых пишет Геродот. Обе они могли содержать часть верных сведений.

В конце VI в. до н.э. мы можем говорить о сближении Афин и Эретрии. Об этом можно говорить на основании следующих событий.

В 506 г. до н.э. Спарта, ее пелопоннесские союзники, Беотия и Халкида вторглись с разных сторон на территорию Аттики (Hdt. V, 74–76). Афиняне в этом столкновении одержали победу. А после организовали поход на Эвбею против халкидян. Последние, несмотря на помощь беотийцев, потерпели поражение (Hdt. V, 77). Афиняне изгнали часть местных крупных землевладельцев – гиппоботов – из города, а землю их разделили между собой (Hdt. V, 77; VI, 100, Diod. X, 24, 3). Есть косвенные основания предполагать, что Афины в этом конфликте действовали совместно с Эретрией³³. Однако в любом случае показательно, что ни один из наших источников не указывает на враждебность Афин и Эретрии в это время.

Если же Эретрия участвовала в событиях 506 г., это можно объяснить возвращением в Афины рода Алкмеонидов, тем более что во главе полиса фактически находился знаменитый законодатель Клисфен. Возможно, поход против халкидян и последующее появление на Эвбее афинской клерухии также выполняли и задачу восстановления влияния Алкмеонидов в этом регионе. И.Е. Суриков даже полагает, что Эретрия в первое десятилетие V до н.э. была практически афинским вассалом, на что указывают действия города в данный период³⁴. Определение Эретрии как афинского вассала является, пожалуй, слишком смелым, однако факт тесных отношений между этими полисами кажется очевидным. Так, на рубеже веков

в Эретрии происходят государственные преобразования, очень похожие на клисфеновские реформы в Афинах, и вряд ли это совпадение является случайным³⁵. Затем во время Ионийского восстания лишь Афины и Эретрия оказали помощь мятежникам (Hdt. V, 99). В Афинах это решение принималось на народном собрании. Об аналогичной процедуре в Эретрии источники сведений до нас не доносят. Геродот говорит лишь о том, что эретрийцы примкнули к восстанию не в угоду афинянам. Однако сам факт того, что историк акцентирует внимание на мотивах эретрийцев, показывает существование в классических Афинах и противоположной точки зрения.

Наконец, в 490 г. до н.э., эретрийцы, получившие известие о приближении персов, обратились за помощью к Афинам (Hdt. VI, 100–101). Афиняне направили к ним те четыре тысячи клерухов, которые жили на землях гиппоботов (τοὺς τετρακισχίλιους τοὺς κληρουχέοντας τῶν ἰλλοβοτέων Χαλκιδέων τὴν χώραν, τοὺτους σφι δίδουσι τιμωρούς). Однако после того как афиняне узнали о том, что многие жители города готовы сдать персам, они переправились в Ороп. Для Эретрии события закончились плачевно: город был полностью разграблен персами, а часть жителей обращена в рабство (Hdt. VI, 119).

* * *

Таким образом, в результате рассмотрения ряда сюжетов, касающихся взаимоотношений Афин и Эретрии в архаическую эпоху, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, говоря об отношениях между этими полисами, следует подразумевать в первую очередь личные и семейные связи. Это хорошо видно на примере династического брака Алкмеонидов, который формирует связь между афинским и эретрийским аристократическими родами.

Во-вторых, борьба за власть и правление Писистрата, как кажется, меняют содержание этих отношений. С одной стороны, формально мы можем говорить о дружбе рода Писистратидов с эретрийскими всадниками. Возможно, эта дружба также была подкреплена династическими связями. Однако теперь – при тирании, когда государственную политику определяет один человек – отношения аристократических родов трансформируются в межгосударственные. Подтверждение этому мы видим в том, что после свержения тирании Писистрата и смерти Диагора мы встречаем полисные акции вместо связей аристократии. Города совместно поддерживают ионийское восстание, а при приближении войск Датиса и Артаферна Афины направляют эретрийцам помощь.

Все это – уже полисные акции, и ни один источник не указывает нам на роль межродовых контактов. Это, конечно, не значит, что фактор аристократических связей совсем уходит из межполисных отношений. Но можно уверенно говорить, что он становится второ-

степенным.

В итоге, как нам кажется, можно говорить об этапном значении раннегреческой тирании в эволюции отношений Афин и Эретрии. Тирания становится переходным периодом, когда эти отношения формально строятся на основе межличностных контактов аристократии, но сущностно уже выходят за эти рамки. После свержения тиранов не происходит возврата к старой, аристократической модели, а внешняя политика оказывается уже под контролем полисных институтов.

Примечания Notes

¹ Суриков И.Е. Греческая архаика как историческая эпоха: Современный взгляд: Первая половина (IX – VIII вв. до н.э.) // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2014. Вып. 14. С. 32, 33, 35, 36, 40–43.

² Parker V. Untersuchungen zum Lelantischen Krieg und verwandten Problemen der frühgriechische Geschichte. Stuttgart, 1997; Tausend K. Der Lelantische Krieg – ein Mythos? // Klio. 1987. Vol. 69. P. 499–514; Зайцев Д.В. К вопросу о характере Лелантской войны // Вестник древней истории. 2016. Т. 76. № 1. С. 5–21.

³ Jeffery L.H. Archaic Greece: The City-States c. 700–500 B.C. London; New York, 1976. P. 67.

⁴ Bradeen D.W. The Lelantine War and Pheidon of Argos // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1947. Vol. 78. P. 223–241.

⁵ Bradeen D.W. The Lelantine War and Pheidon of Argos // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1947. Vol. 78. P. 237.

⁶ Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII – V вв. до н.э. Москва, 2000. С. 63; Shear T.L. Koisyra: Three Women of Athens // Phoenix. 1963. Vol. 17. No. 2. P. 105.

⁷ Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII – V вв. до н.э. Москва, 2000. С. 63; Картюк С.Г. Клисфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах // Вестник древней истории. 1986. № 1 (176). С. 30.

⁸ Willemssen F. Ostraka einer Meisterschale // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. 1991. Vol. 106. P. 144; Lewis D.M. Megakles and Eretria // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1993. Vol. 96. P. 51–52; Brenne S. Ostraka and the Process of Ostrakophoria // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxford: Oxbow Books, 1994. P. 23; Stanton G.R. A Graffito on a Megakles Ostrakon // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1996. Vol. 111. P. 69–73; Суриков И.Е. Остракон Мегакла, Алкмеониды и Эретрия (Эпиграфическое свидетельство о внеш-

них связях афинской аристократии) // Вестник древней истории. 2003. № 2 (245). С. 16–25.

⁹ Herman G. Patterns of Name Diffusion within the Greek World and Beyond // Classical Quarterly. 1990. Vol. 40. No. 2. P. 349–363.

¹⁰ Bérard C.L. L'Heroon à la Porte de l'Ouest // Eretria, Fouilles et Recherches. Bern, 1970. Vol. III. P. 68–70; Crielaard J.P. Cult and Death in Early 7-th Century Euboea: The Aristocracy and the Polis // Nécropoles and Pouvoir. Idéologies, Pratiques et Interprétations. Lyon, 1998. P. 43–58.

¹¹ Shear T.L. Koisyra: Three Women of Athens // Phoenix. 1963. Vol. 17. No. 2. P. 107; Суриков И.Е. Античная Греция: Политики в контексте эпохи: Архаика и ранняя классика. Москва, 2005. С. 188, 189.

¹² Туманс Х. Рождение Афины: Афинский путь к демократии: От Гомера до Перикла (VIII – V вв. до н.э.). Санкт-Петербург, 2002. С. 314; Суриков И.Е. Античная Греция: Политики в контексте эпохи: Архаика и ранняя классика. Москва, 2005. С. 190, 191.

¹³ Суриков И.Е. Античная Греция: Политики в контексте эпохи: Архаика и ранняя классика. Москва, 2005. С. 208.

¹⁴ Viviers D. Pisistratus' Settlement on the Thermaic Gulf: A Connection with the Eretrian Colonization // The Journal of Hellenic Studies. 1987. Vol. 107. P. 194.

¹⁵ Суриков И.Е. Остракон Мегакла, Алкмеониды и Эретрия (Эпиграфическое свидетельство о внешних связях афинской аристократии) // Вестник древней истории. 2003. № 2 (245). С. 23, 24.

¹⁶ Суриков И.Е. Античная Греция: Политики в контексте эпохи: Архаика и ранняя классика. Москва, 2005. С. 176.

¹⁷ Молчанов А.А., Суриков И.Е. Писистратиды – потомки отказавших в гостеприимстве (актуализация династического мифа) // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. Москва, 1999. С. 122–130.

¹⁸ Walker K. Archaic Eretria: A Political and Social History from the Earliest Times to 490 B.C. London; New York, 2004. P. 180.

¹⁹ Davies J.K. Athenian Propertied Families. Oxford, 1971. P. 454.

²⁰ Cole J.W. Peisistratus on the Strymon // Greece & Rome. 1975. Vol. 22. No. 1. P. 43–44; Viviers D. Pisistratus' Settlement on the Thermaic Gulf: A Connection with the Eretrian Colonization // The Journal of Hellenic Studies. 1987. Vol. 107. P. 194, 195.

²¹ Viviers D. Pisistratus' Settlement on the Thermaic Gulf: A Connection with the Eretrian Colonization // The Journal of Hellenic Studies. 1987. Vol. 107. P. 195.

²² Walker K. Archaic Eretria. A Political and Social History from the Earliest Times to 490 B.C. London; New York, 2004. P. 182.

²³ Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Vol. III. Stuttgart, 1937. P. 645; Пальцева Л.А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. Санкт-Петербург, 1999. С. 255, 256; Касаткина Н.А. Ранние военно-земледельческие поселения афинян (VI в. до н.э.) // Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпохи. Горький, 1985. С. 7.

²⁴ French A. Solon and the Megarian Question // The Journal of Hellenic

Studies. 1957. Vol. 77. P. 239; *Boardman J.* The Greeks Overseas. London, 1999. P. 29–33, 140–142, 152, 156, 212; *Брашинский И.Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI – II вв. до н.э. Москва, 1963. С. 24; *Яйленко В.П.* Архаическая Греция и Ближний Восток. Москва, 1990. С. 81, 140, 149, 200–202.

²⁵ *Брашинский И.Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI – II вв. до н.э. Москва, 1963. С. 13; *Шувалов В.В.* Борьба Афин за черноморские проливы в архаический период // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2008. Вып. 7. С. 110–111; *French A.* Solon and the Megarian Question // The Journal of Hellenic Studies. 1957. Vol. 77. P. 238, 243; *Starr Ch.G.* The Economic and Social Growth of Early Greece 800 – 500 B.C. Oxford, 1977. P. 111; *Heichelheim F.M.* An Ancient Economic History from the Palaeolithic Age to the Migrations of the Germanic, Slavic and Arabic Nations. Vol. I. Leiden, 1958. P. 217.

²⁶ *Raubitschek A., Jeffery L.H.* Dedications from the Athenian Akropolis; a Catalogue of the Inscriptions of the Sixth and fifth Centuries BC. Cambridge (Mass.), 1949. P. 364, 365; *Walker K.* Archaic Eretria: A Political and Social History from the Earliest Times to 490 B.C. London; New York, 2004. P. 212, 213.

²⁷ *Walker K.* Archaic Eretria: A Political and Social History from the Earliest Times to 490 B.C. London; New York, 2004. P. 218, 219.

²⁸ *Jeffery L.H.* Archaic Greece. The City-States c. 700 – 500 B.C. London, New York, 1976. P. 68.

²⁹ *Pericola C.M.* L'origine del nome Gefirei e il movente dell'assassinio di Ipparco // Aevum. 2008. Vol. 82. № 1. P. 12.

³⁰ *Lemos I.S.* Euboea and its Aegean koine // Euboica. L'Eubea e la presenza euboica in Calcidica e in Occidente. Napoli: Centre Jean Bérard, 1998. P. 45–58; *Lemos I.S.* The Protogeometric Aegean: The Archaeology of the Late Eleventh and Tenth Centuries B.C. Oxford, 2002. P. 212–217.

³¹ *Papadopoulos J.* “Phantom Euboians” – A Decade On // Euboea and Athens. Athens, 2011. P. 128.

³² *Mazarakis Ainian A.* The Form and Structure of Euboean Society in the Early Iron Age Based on Some Recent Research // Alle origini della Magna Grecia: Mobilità, migrazioni, fondazioni. Taranto, 2012. P. 73–99.

³³ *Walker K.* Archaic Eretria: A Political and Social History from the Earliest Times to 490 B.C. London; New York, 2004. P. 248; *Александрова О. И.* Афины и Эретрия на рубеже VI – V вв. до н.э.: К вопросу о возможном союзе // Метаморфозы истории. 2018. № 12. С. 148–162.

³⁴ *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII – V вв. до н.э. Москва, 2000. С. 64; *Суриков И.Е.* Остракон Мегакла, Алкмеониды и Эретрия (Эпиграфическое свидетельство о внешних связях афинской аристократии) // Вестник древней истории. 2003. № 2 (245). С. 24.

³⁵ *Walker K.* Archaic Eretria: A Political and Social History from the Earliest Times to 490 B.C. London; New York, 2004. P. 232–242.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Александрова Ольга Игоревна – канд. ист. наук,

– научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет (Москва);

– старший преподаватель, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

olgaalex@lenta.ru

Зайцев Дмитрий Владимирович –

– младший научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет (Москва);

– старший преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва)

dmitriyzaits@yandex.ru

В статье на основании анализа нарративной традиции, археологических и эпиграфических материалов рассматривается проблема организации межполисных отношений в архаической Греции. В силу объемности исследовательской задачи, которая не может быть решена в рамках одной статьи, авторы останавливаются на примере отношений Афин и Эретрии, прослеживая их от ранней архаики до ранней классики.

В результате исследования авторы приходят к следующим выводам. Во-первых, вопреки распространенному в историографии мнению, источники не дают оснований считать Афины одним из участников Лелантской войны. Во-вторых, отношения Афин и Эретрии на протяжении большей части архаического периода строятся вокруг межродовых связей аристократии. Брачные контакты одного из ведущих афинских родов – Алкмеонидов – с одним из эретрийских родов становится важным фактором сближения двух полисов. Последующая борьба Алкмеонидов и Писистратидов за власть в Афинах не раз затрагивает Эретрию. Эретрийские всадники поддерживают Писистрата, сам он организует совместную с эретрийцами колониальную экспедицию на север Эгеиды. В-третьих, после свержения ранней греческой тирании в обеих полисах меняется и организация внешней политики. Вместо частных аристократических инициатив архаической эпохи, мы встречаем полисные акции, которые проводятся решениями народного собрания. Такими, судя по всему, были решения афинян и эретрийцев поддержать ионийское восстание, обращение эретрийцев за помощью к афинянам во время похода Датиса и Артаферна, решение афинян эту помощь эретрийцам оказать.

Архаическая Греция, полис, аристократия, тирания, Афины, Эретрия, Писистрат, Алкмеониды, Лелантская война.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Aleksandrova, O.I. Afiny i Eretriya na rubezhe VI – V vv. do n.e.: K voprosu o vozmozhnom soyuze [Athens and Eretria at the Turn of the 6th – 5th B.C.: To the Question of a Possible Alliance.]. *Metamorfozy istorii*, 2018, no. 12, pp. 148–162. (In Russian).

2. Bradeen, D.W. The Lelantine War and Pheidon of Argos. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, 1947, vol. 78, pp. 223–241. (In English).

3. Cole, J.W. Peisistratus on the Strymon. *Greece & Rome*, 1975, vol. 22, no. 1, pp. 42–44. (In English).

4. French, A. Solon and the Megarian Question. *The Journal of Hellenic Studies*, 1957, vol. 77, pp. 238–246. (In English).

5. Herman, G. Patterns of Name Diffusion within the Greek World and Beyond. *Classical Quarterly*, 1990, vol. 40, no. 2, pp. 349–363. (In English).

6. Karpuyuk, S.G. Klisfenovskie reformy i ikh rol v sotsialno-politicheskoy borbe v pozdnearkhaicheskikh Afinakh [The Influence of the Cleisthenic Reforms on the Social and Political Antagonisms of Late Archaic Athens.]. *Vestnik drevney istorii*, 1986, no. 1 (176), pp. 17–35. (In Russian).

7. Lewis, D.M. Megakles and Eretria. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 1993, vol. 96, pp. 51–52. (In English).

8. Pericola, C.M. L'origine del nome Gefirei e il movente dell'assassinio di Ipparco. *Aevum*, 2008, vol. 82, no. 1, pp. 9–23. (In Italian).

9. Shear, T.L. Koisyra: Three Women of Athens. *Phoenix*, 1963, vol. 17, no. 2, pp. 99–112. (In English).

10. Shuvalov, V.V. Borba Afin za chernomorskie prolivy v arkhaiskiy period [The Struggle of Athens for Black Sea Channels in the Archaic Period.]. *Mnemon: Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira*, 2008, vol. 7, pp. 105–118. (In Russian).

11. Stanton, G.R. A Graffito on a Megakles Ostrakon. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 1996, vol. 111, pp. 69–73. (In English).

12. Surikov, I.E. Grecheskaya arkhaiskaya epokha: Sovremennyy vzglyad: Pervaya polovina (IX – VIII vv. do n.e.) [The Archaic Period in Greece as a Historical Epoch: A Modern View: The First Half (9th – 8th Centuries B.C.).]. *Mnemon: Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira*, 2014, vol. 14, pp. 27–50. (In Russian).

13. Surikov, I.E. Ostrakon Megakla, Alkmeonidy i Eretriya (Epigraficheskoe svidetelstvo o vneshnikh svyazyakh afinskoy aristokratii) [Megakles' Ostrakon, the Alcmaeonidae and Eretria (An Epigraphical Evidence for Foreign Relations of Athenian Aristocracy).]. *Vestnik drevney istorii*, 2003, no. 2 (245), pp. 16–25. (In Russian).

14. Tausend, K. Der Lelantische Krieg – ein Mythos? *Klio*, 1987, vol. 69, pp. 499–514. (In German).

15. Viviers, D. Pisistratus' Settlement on the Thermaic Gulf: A Connection with the Eretrian Colonization. *The Journal of Hellenic Studies*, 1987, vol. 107, pp. 193–195. (In English).

16. Willemsen, F. Ostraka einer Meisterschale. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung*, 1991, vol. 106, pp. 137–145. (In German).

17. Zaytsev, D.V. K voprosu o kharaktere Lelantskoy voyny [On the Nature of the Lelantine War.]. *Vestnik drevney istorii*, 2016, vol. 76, no. 1, pp. 5–21. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collection of Research Papers)

18. Bérard, C.L. L'Heron à la Porte de l'Ouest. *Eretria Fouilles et Recherches*. Bern, 1970, vol. 3, pp. 1–75. (In French).

19. Brenne, S. Ostraka and the Process of Ostrakophoria. *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxford Books, 1994, pp. 13–24. (In English).

20. Crielaard, J.P. Cult and Death in Early 7th Century Euboea: The Aristocracy and the Polis. *Nécropoles and Pouvoir. Idéologies, Pratiques et Interprétations*. Maison de l'Orient méditerranéen, 1998, pp. 43–58. (In English).

21. Kasatkina, N.A. Ranniye voyenno-zemledelcheskiye poseleniya afinyan (VI v. do n.e.) [Early Athenian Cleruchies (6th B.C.).]. *Strany Sredizemnomorya v antichnuyu i srednevekovuyu epokhi* [The Countries of the Mediterranean in Antiquity and Middle Ages.]. Gorkiy, 1985, pp. 4–25. (In Russian).

22. Lemos, I.S. Euboea and its Aegean koine. *Euboica. L'Eubea e la presenza euboica in Calcidica e in Occidente*. Centre Jean Bérard, 1998, pp. 45–58. (In English).

23. Mazarakis Ainian, A. The Form and Structure of Euboean Society in the Early Iron Age Based on Some Recent Research. *Alle origini della Magna Grecia: Mobilità, migrazioni, fondazioni*. Istituto per la storia e l'archeologia della Magna Grecia, 2012, pp. 73–99. (In English).

24. Molchanov, A.A.; Surikov, I.E. Pisistratidy – potomki otkazavshikh v gostepriimstve (aktualizatsiya dinasticheskogo mifa) [Peisistratids – Descendants of Those Who Refused Hospitality (Actualization of Dynastic Myth).]. *Zakon i obyчай gostepriimstva v antichnom mire* [Laws and Customs of Hospitality in the Ancient World.]. Moscow, 1999, pp. 122–130. (In Russian).

25. Papadopoulos, J. “Phantom Euboeans” – A Decade On. *Euboica and Athens*. Canadian Institute in Greece Press, 2011, pp. 113–133. (In English).

(Monographs)

26. Boardman, J. The Greeks Overseas. Thames & Hudson, 1999, 304 p. (In English).

27. Brashinskiy, I.B. Afiny i Severnoye Prichernomor'ye v VI – II vv. do n.e. [Athens and the Northern Black Sea Coast from the 6th to the 2nd Centuries BCE.]. Moscow, 1963, 176 p. (In Russian).

28. Davies, J.K. *Athenian Propertied Families*. Oxford University Press, 1971, 653 p. (In English).
29. Heichelheim, F.M. *An Ancient Economic History from the Palaeolithic Age to the Migrations of the Germanic, Slavic and Arabic Nations*. Sijthoff, 1958, vol. 1, 245 p. (In English).
30. Jeffery, L.H. *Archaic Greece: The City-States c. 700 – 500 B.C.* St. Martin's Press, 1976, 256 p. (In English).
31. Lemos, I.S. *The Protogeometric Aegean: The Archaeology of the Late Eleventh and Tenth Centuries B.C.* Oxford University Press, 2002, 319 p. (In English).
32. Meyer, Ed. *Geschichte des Altertums*. vol. III. Cotta, 1937, vol. 3, 787 p. (In German).
33. Paltseva, L.A. *Iz istorii arkhaiskoy Gretsii: Megary i megarskie kolonii* [From the History of Archaic Greece: The Megarians and the Megarian Colonies.]. St. Petersburg, 1999, 286 p. (In Russian).
34. Parker, V. *Untersuchungen zum Lelantischen Krieg und verwandten Problemen der frühgriechische Geschichte*. Steiner, 1997, 189 p. (In German).
35. Raubitschek, A.; Jeffery, L.H. *Dedications from the Athenian Akropolis; a Catalogue of the Inscriptions of the Sixth and Fifth Centuries BC*. Cambridge (Mass.): Archaeological Institute of America, 1949, 545 p. (In English).
36. Starr, Ch. G. *The Economic and Social Growth of Early Greece 800 – 500 B.C.* Oxford University Press, 1977, 267 p. (In English).
37. Surikov, I.E. *Antichnaya Gretsija: Politiki v kontekste epokhi: Arkhaika i rannyya klassika* [Ancient Greece: Politicians in the Context of the Epoch: The Archaic and Early Classical Periods.]. Moscow, 2005, 351 p. (In Russian).
38. Surikov, I.E. *Iz istorii grecheskoy aristokratii pozdnearkhaicheskoy i ranneklassicheskoy epoch: Rod Alkmeonidov v politicheskoy zhizni Afin VII – V vv. do n.e.* [From the History of the Greek Aristocracy in the Late Archaic and Early Classical Periods: The Alcmaeonids in the Political Life of Athens from the 7th to the 5th Centuries BCE.]. Moscow, 2000, 282 p. (In Russian).
39. Tumans, Harijs. *Rozhdeniye Afiny: Afinskiy put k demokratii: Ot Gomera do Perikla (VIII – V vv. do n.e.)* [The Birth of Athens: The Athenian Way to Democracy: From Homer to Pericles (8th – 5th Centuries BCE).]. St. Petersburg, 2002, 538 p. (In Russian).
40. Walker, K. *Archaic Eretria: A Political and Social History from the Earliest Times to 490 B.C.* Routledge, 2004, 368 p. (In English).
41. Yaylenko, V.P. *Arkhaicheskaya Gretsija i Blizhniy Vostok* [Archaic Greece and the Near East.]. Moscow, 1990, 271 p. (In Russian).

Authors, Abstract, Key words

Olga I. Aleksandrova – Candidate of History,
 – Researcher, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia);
 – Senior Lecturer, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia)

olgaalex@lenta.ru

Dmitriy V. Zaytsev –

– Junior Researcher, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia);

– Senior Instructor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

dmitriyzaits@yandex.ru

Based on the analysis of narrative tradition, archaeological and epigraphic materials, the article deals with the problem of the organization of relations between cities in archaic Greece. Due to the volume of the research problem, which cannot be solved in one article, the authors focus on the example of the relations between Athens and Eretria, tracing them from the early archaic to the early classics.

As a result of the study, the authors come to the following conclusions. First, contrary to popular opinion in historiography, the sources do not give grounds to consider Athens as one of the participants of the Lelantine War. Secondly, the relations of Athens and Eretria for most of the archaic period were built around the inter-tribal ties of the aristocracy. Marriage contacts of one of the leading Athenian genera – the Alcmaeonids – with one of the Eretrian genera becomes an important factor in the rapprochement of the two poleis. The subsequent struggle between the Alcmaeonids and Peisistratos for power in Athens affects Eretria more than once. The eretrian “horsemen” support Peisistratos, who himself organizes a joint colonial expedition with the Eretrians to the North of the Aegean. Thirdly, after the overthrow of the early Greek tyranny, the organization of foreign policy in both poleis also changes. Instead of private aristocratic initiatives of the archaic era, we meet policy actions, which are carried out by the decisions of the ecclesia. Such, apparently, were the decisions of the Athenians and Eretrians to support the Ionian revolt, the appeal of the Eretrians for help to the Athenians during the campaign of Datis and Artaphernes, and the decision of the Athenians to provide this assistance to the Eretrians.

Archaic Greece, polis, aristocracy, tyranny, Athens, Eretria, Peisistratos, Alcmaeonids, Lelantine War.

**DEMOCRACY
IN MODERN SCIENTIFIC AND POLITICAL DISCOURSE:
THE EXPERIENCE AND LEGACY OF ANCIENT ROME ***

А.М. Сморчков, П.П. Шкаренков

**Демократия в современном научном и политическом дискурсе:
Опыт и наследие Древнего Рима ****

Перевод М.А. Царевой ***

Democracy is currently one of the most frequently used ideas in political discourse; it can be said that democracy has become a sacred symbol of modern civilization. But it is still a wide-open question what is understood as democracy in each particular case, while double standards in its assessment no longer surprise anyone. Paradoxically, the same can be said with respect to the analysis of the political system of the Roman Republic, notably in the scientific discourse where the political system of the Middle and Late Republic (the 3rd -1st centuries BC) has been under extensive discussion over the past 30 years.

When assessing the particular characteristics of the Roman republican system, it is first necessary to take into account its polis nature. The polis organization emerged in the course of the people's struggle against the aristocracy, as a result of which most of the population defended their rights, and the ruling elite had to share political powers with them. The degree of ordinary citizens' participation in governance was different, but in any polis, be it democratic or oligarchic, there was always a popular assembly, without which a polis is unconceivable. This participation of the people in governance carried the democratic potential inherent in any polis. Accordingly, the key issue in its assessment is an analysis of the role and significance of popular assemblies.

Earlier the prevailing concept of Rome's political system in the 3rd -1st centuries BC was that of tough oligarchy. This idea was most fully formulated by the Swiss scientist Matthias Gelzer in the monograph *Die Nobilität der römischen Republik*, published in 1912. The oligarchic nature of the Roman political system was primarily seen in the dominance

* The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation's grant "Discourse of State Power in Ancient Societies and Reception of Its Elements in World and Russian Socio-Political Practices" (No. 19-18-00549).

** Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда «Дискурс государственной власти в древних обществах и рецепция его элементов в мировых и российских общественно-политических практиках» (проект № 19-18-00549), реализуемого в Российском государственном гуманитарном университете.

*** Translated by Marina A. Tsareva (Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia).

of the nobility in the Senate and in the popular assembly, which dutifully affirmed decisions inspired by a small group of nobles. Accordingly, the political life of the Roman Republic was confined to power struggle among different aristocratic groups.

With the accumulation of knowledge and the expansion of the research field, Gelzer's concept began to raise more and more questions over time. The most stalwart opponent and, consequently, the supporter of the interpretation of the Late Republic's political system as democracy was the well-known British researcher Fergus Millar (starting from 1984). As he put it, it was possible "to restore the Roman people to their proper place in the history of democratic values"¹. Similar ideas had been put forward before him², but it was Millar's works that generated a rather fierce and very fruitful debate, though his conclusions were in a varying degree rejected by most researchers. In short, Millar's concept comes down to the fact that the Roman people were not the object but the subject of political struggle, i.e. the democratic potential incidental to the polis system was fulfilled in Rome in to the full extent. Millar takes Athenian democracy as the model, to which he likens the Roman political system³. In our opinion, Millar's opponents implicitly make the same fundamental mistake, making it easier for themselves to criticize him, for it is in principle impossible to equalize the Roman Republic and Athens in the heyday of its democratic system without excessive allowances. But the point is that modern democracies are just as far (if not further) from the Athenian model. Consequently, refusing to recognize the Roman system as democratic, we refuse to recognize the existence of democratic systems in the modern world, which is impossible. Our further discussion will be based on this thesis.

It is important to point out that Roman (and Greek) thinkers did not at all consider the equality of citizens and the power of people (i.e. ordinary citizens) to be the ideal model, unlike the modern view of democracy as the best possible form of governance. Roman political thinking and political practices were imbued with hierarchy recognized as the norm by both the elite (which is only natural) and ordinary citizens⁴. Proceeding from this generally accepted fact, Karl-Joachim Hölkeskamp, analyzing one of Fergus Millar's works in an article whose title is based on a quote from Abraham Lincoln's Gettysburg Address, comes to the conclusion that the label of a power structure is not all that important and that in any case "the Republic was not a 'government of the people' or 'by the people', and in light of all we know about social and economic structures, the distribution of wealth and the living conditions of the crowd in Rome, Italy and the provinces, it was not 'government for the people'"⁵. And this is true. But let's ask ourselves: are these criteria applicable to modern democratic systems? In our opinion, to proceed from the literal meaning of the term "democracy" in translation from ancient Greek ("rule of the people") is a great error, which actually gives rise to double standards. The phenomenon of democracy is much more complicated. From the

viewpoint of ancient theory, the Roman Republic in its heyday clearly falls under the definition of aristocracy (*Polyb.* XXIII. 14. 1, cp. VI. 11. 11 – 15. 1). But if democracy is understood only as a system where power directly belongs to the people, modern representative democracies would undoubtedly fall under the definition of oligarchy, if they were evaluated by ancient political thinkers. Therefore, it is completely incomprehensible why the political regime of the Roman Republic must be judged by much more stringent criteria than modern political systems, thereby denying it democracy? This rhetorical question also applies to the following arguments of the researchers who refuse to consider the Roman Republic as a democracy.

Martin Jehne, a staunch opponent of the theory of “Roman democracy”, rightly points to the big difference between form and content, i.e. between the inclusion of the people into political acts and their real influence on their content. In other words, if a decision is to pass through the popular assembly, this does not mean that the people can influence it effectively⁶. One can also agree with this, but again there is a question: what is the influence of the mass of citizens on the bills passed in parliaments in modern democracies? Is it essentially more effective than the influence of Roman citizens who at least formally had the right to vote?

Hence comes another widely-spread argument for the lack of democracy in Rome, which is that the people almost always voted approvingly. Indeed, according to the estimates of Egon Flaig, over the entire five-century history of the Republic, out of the various decisions submitted to the approval of the people only eight⁷ or ten⁸ were rejected. However, reducing democracy to protest voting is, in our opinion, excessive simplification. It is not the number of decisions rejected that is an indicator of democracy but the quality of decisions made. In other words, if it were possible to identify the decisions that were contrary to the interests of the people but pushed through the popular assembly, then we could doubt the existence of democracy. For instance, in the year 131 (or 130) BC, the people turned down the proposal for the right of the plebeian tribunes to be re-elected for the next term, which apparently was beneficial to the people, but they still rejected it, having heeded the arguments of authoritative citizens (*Cic. Amic.* 96). Moreover, this proposal was nevertheless accepted a few years later, so here the people acted as a force choosing a decision and not dutifully following the instructions of the ruling elite. We know many laws (primarily agrarian ones) adopted by the popular assembly contrary to the resistance of the Senate. Of course, in each such case there was always a prominent and courageous leader, but this is only natural, for a collective action of the masses is inconceivable without such a leader. And we must not forget that the “people” are by no means a single mass. For example, the famous agrarian law of Tiberius Gracchus, beneficial to poor citizens, affected the interests of not only the rich, but also those of citizens of medium welfare. They are also part of the people, and the part that resisted the bill of Tiberius Gracchus.

From the above-mentioned follows Egon Flaig’s proposition, widely supported in historiography, that the popular assembly was not in fact a place of decision-making but a ritually symbolic organ of public consensus in which the Roman people expectedly agreed with the policies of the aristocracy⁹. In his opinion, a decision itself depended on the following preliminary stages: a) approval by the Senate; б) response of the people at *contiones*; в) obstruction to the decision at *comitia*¹⁰. Thus, Flaig also recognizes that the people influenced the content and success of the bills, first of all, at *contiones*, expressing their attitude by shouting, rumbling, applauding and other means¹¹. The researcher figuratively compares *contiones* to a political filter¹². These *contiones* were an informal political instrument, very similar to modern meetings. They could be convened by the magistrate to discuss an issue; no decision was made there, but speeches were pronounced to convince the people of the beneficence or danger of a proposal which would be submitted for the approval of the popular assembly. It was a legal means of communication between the elite and the people, recognized by custom and law, one of the aims of which was to find out about the opinions and preferences of ordinary citizens.

How effective was the influence of the people through *contiones* is another question, but it is faced by modern democracies too. Indeed, in modern democracies meetings and other similar measures are the most effective and visible forms of the people’s influence on politics. So why is now the right to meetings and processions recognized as a democratic achievement, while for Rome they are not seen as an element of democracy¹³? What is this if not a double approach running counter to the common understanding of the phenomenon of democracy?

Let us note that *contiones* are an important difference between the Roman organization of popular assemblies from the Athenian one. In Athens the popular assembly discussed a proposal and immediately voted on it, while in Rome *comitia* only voted, and discussions were held at previously conducted *contiones*. This is seen as further proof of the lack of democracy in Rome¹⁴. In our opinion, the opposite is true, and the mentioned separation of the two actions is a manifestation of the Roman political genius. The combination of discussion and voting within one meeting was fraught with the possibility that under the influence of speeches emotions could overwhelm reason. The history of Athens gives such examples – it is enough to recall the infamous trial of the victorious strategists (406 BC). But in Rome we see a kind of an equivalent of the pre-election silence day, when voters can reflect calmly on their choice. Only, here the length of time is not set and may be reduced to a “night of pre-election silence”. Thus, the procedure that is now recognized as democratic took place in Rome, not in Athens.

In our opinion, one of the reasons for the consensus between the elite and society in Rome was that, on the one hand, society did not perceive natural inequality between people as injustice, and, on the other hand, the

recognized naturalness and justice of inequality was combined with high requirements, mostly of moral nature, to the ruling elite. In Rome there was a special magistracy of censors, one of the most important duties of which was inspecting morals (*cura morum*), first of all, of the upper classes, i.e. senators and *equites*. So, in theory the senators were “the best of the best”, having passed several stages of selection: first, one was to become an *eques* (this was decided by the censors), then to be elected to a public post (this was the prerogative of the people), then to be registered in the Senate (according to the censors’ decision) and to be periodically inspected for compliance with moral norms.

Today’s “representative democracy” should also be based on stringent requirements to the ruling elite, some of which could be controlled by the mass of citizens. For the balance of interests of the elite and the whole of society is unstable and cannot give long-term guarantees. Without this control, “rule of the best” (aristocracy) or “rule of the worthy” (meritocracy) rapidly develops into “rule of the few” (oligarchy), which ancient thinkers understood very well. This is the democratic element of the political system. The most effective means of controlling power is the election procedure which unites the ancient direct and modern representative democracy. But it also contains an inner objective contradiction, since competent leaders are elected by incompetent (for the most part) citizens. This task was not easy in antiquity, and has remained so today.

To our mind, Alexander Yakobson, when summing up his study of elections in the Late Republic, highlighted precisely the key points in the complicated interrelation of the dominance of the nobility and the power of the people: “It was precisely because the people’s prerogative – their suffrage – was real rather than specious, because it gave them a real (albeit limited) stake in the system, that the people accepted the Republican political system as legitimate”¹⁵. This consensus ensured a harmonious combination of form (recognition of the people as the source of power) and reality, in which this power was in the hands of the elite, as it was based on the mutual recognition of the legal rights and advantages of each side, which is quite relevant to our days.

We finish our analysis with one more remark clearly inspired by contemporaneity. Robert Morstein-Marx, studying mass oratory in the Late Republic, recognizes the importance of support from ordinary citizens, which the political elite sought to achieve by all means and demonstrate¹⁶. However, in his valid opinion, in the absence of real debate between alternative viewpoints, ordinary citizens were manipulated by politicians possessing monopolistic knowledge, and therefore Rome cannot be considered a democracy¹⁷. But at present the manipulation of public conscience by the media is much more effective despite the seemingly available opportunities to obtain alternative information, which invalidates Morstein-Marx’s argument.

Of course, in the Roman republican system there were objective problems caused by the contradiction between the principles and reality.

The most important and essential problem with republican Rome from the point of view of democratic principles is the absence of the concept of quorum in the work of popular assemblies, while very few people could actually attend them. In other words, public decisions were actually made by a minority of citizens, and for Rome their number was very small, literally a few per cent of the total number of people who had the right of vote in the Late Republic¹⁸. This is an objective problem for direct democracy when the size of civil society goes beyond a rather narrow framework. This problem was faced already by Athens with a civil society of 30-40 thousand. And in today’s understanding of democracy, the secured opportunity to vote, even if a voter does not use it, is an important criterion of the legitimacy of the system.

But is modern representative democracy a solution to the problem inherent in direct democracy? After all, elected deputies rely on their understanding of state and public interests, not having the opportunity or even the need to consult with their voters on each issue. For the governance of a vast state is a difficult task, inaccessible to most citizens. This is objective, and it must be clearly realized that modern governance requires special training and knowledge. So, “democracy” in the literal sense of the word (“rule of the people”) is now impossible because it carries a threat of making decisions that are dangerous for society itself. But the Athenian principle stated that any citizen (with some reservations), by virtue of his status, was able to occupy positions. However, this direct rule by the people is possible only in numerically limited societies with simple managerial tasks, whereas the governance of a vast and complex state requires competent specialists, the “managerial elite”. This was the case in republican Rome, and this is also true for current democracies.

As for the understanding of democracy, in our opinion, it is determined not by the existence of formally democratic institutions (though this is important), but by their content, by what is called civil society. This means citizens’ interest in politics, the sense of responsibility for the future of their homeland, conscientious performance of their duties to the homeland, respect for government bodies (which they have elected themselves!), willingness to help an individual citizen, etc. In other words, this means civil unity before the government and before destructive elements within society. By these indicators Rome was not inferior to modern democracies. The polis principles per se, on which the Roman Republic was based, presumed citizens’ active interest in joint affairs. The polis nature of the socio-political organization combined with the political genius of the Roman people gave rise to a citizen protection system that was unique for antiquity (and not only). The cornerstone of Roman freedom was *ius provocationis*, i.e. the right to appeal to the popular assembly in the case of a death sentence or a large fine. The Roman historian Titus Livius justly called this right “unique bastion of liberty” (*unicum praesidium libertatis*: Liv. III. 55. 4). Thus, the civil society itself acted as the highest court of appeal. At the very beginning of the Republic, by agree-

ment between patricians and plebeians, the post of plebian tribunes was established; it resembles the modern institution of human rights ombudsmen. The initial and most important duty of the plebian tribunes was to protect individual citizens against the arbitrariness of the supreme power and, in general, to uphold the interests of the people.

Of course, speaking about the achievements of ancient Rome's civil society, we should not forget the question of how effective they were and to what extent their content corresponded to the stated goals and forms. But the same problem faces the modern civil society institutions in the most democratic states. Thus, the Roman republican system had the same objective defects (with natural variations) as the modern political systems that are called democracies. Consequently, recognizing one thing, we must recognize the other, i.e. recognize the Roman Republic as a democracy, with, of course, its specific features (in fact, modern democracies, too, are very different from each other). In other words, the point at issue is the content of the term and not the presence or absence of the phenomenon.

Notes Примечания

¹ *Millar F.* Rome, the Greek World and the East. Vol. 1: The Roman Republic and Augustan Revolution. Chapel Hill; London, 2002. P. 158.

² *Jehne M.* Einführung: Zur Debatte um die Rolle des Volkes in der römischen Politik // Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen Republik. Stuttgart, 1995. P. 1, no. 4; P. 2, no. 7; *Деметьюева В.В.* Государственно-правовое устройство античного Рима: ранняя монархия и республика. Ярославль, 2004. С. 223, 224.

³ *Millar F.* Rome, the Greek World and the East. Vol. 1: The Roman Republic and Augustan Revolution / Ed. by H.M. Cotton and G.M. Rogers. Chapel Hill; London, 2002. P. 112, 139.

⁴ *Hölkeskamp K.-J.* The Roman Republic: Government of the People, by the People, for the People? // Scripta Classica Israelica. Vol. XIX. Jerusalem, 2002. P. 203–223.

⁵ *Hölkeskamp K.-J.* The Roman Republic: Government of the People, by the People, for the People? // Scripta Classica Israelica. Vol. XIX. Jerusalem, 2002. P. 223.

⁶ *Jehne M.* Einführung: Zur Debatte um die Rolle des Volkes in der römischen Politik // Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen Republik. Stuttgart, 1995. P. 8.

⁷ *Flaig E.* Entscheidung und Konsens: Zu den Feldern der politischen Kommunikation zwischen Adel und Plebs // Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen Republik. Stuttgart, 1995. P. 80, no. 13.

⁸ *Flaig E.* Ritualisierte Politik: Zeichen, Gesten und Herrschaft im alten Rom. 2nd ed. Göttingen, 2004. P. 175, 176.

⁹ *Flaig E.* Entscheidung und Konsens. Zu den Feldern der politischen Kom-

munikation zwischen Adel und Plebs // Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen Republik. Stuttgart, 1995. P. 84–91; *Flaig E.* Ritualisierte Politik: Zeichen, Gesten und Herrschaft im alten Rom. 2nd ed. Göttingen, 2004. P. 155–212.

¹⁰ *Flaig E.* Entscheidung und Konsens. Zu den Feldern der politischen Kommunikation zwischen Adel und Plebs // Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen Republik. Stuttgart, 1995. P. 91.

¹¹ *Flaig E.* Entscheidung und Konsens. Zu den Feldern der politischen Kommunikation zwischen Adel und Plebs // Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen Republik. Stuttgart, 1995. P. 94; *Flaig E.* Ritualisierte Politik: Zeichen, Gesten und Herrschaft im alten Rom. 2nd ed. Göttingen, 2004. P. 195–199.

¹² *Flaig E.* Ritualisierte Politik: Zeichen, Gesten und Herrschaft im alten Rom. 2nd ed. Göttingen, 2004. P. 198.

¹³ *Flaig E.* Ritualisierte Politik: Zeichen, Gesten und Herrschaft im alten Rom. 2nd ed. Göttingen, 2004. P. 145.

¹⁴ *Flaig E.* Entscheidung und Konsens. Zu den Feldern der politischen Kommunikation zwischen Adel und Plebs // Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen Republik. Stuttgart, 1995. P. 95.

¹⁵ *Yakobson A.* Elections and Electioneering in Rome: A Study in the Political System of the Late Republic. Stuttgart, 1999. P. 229.

¹⁶ *Morstein-Marx R.* Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic. Cambridge; New York, 2004. P. 124–128, 280.

¹⁷ *Morstein-Marx R.* Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic. Cambridge; New York, 2004. P. 160–203, 281, 282.

¹⁸ *Mouritsen H.* Politics in the Roman Republic. Cambridge; New York, 2017. P. 55–58.

Authors, Abstract, Key words

Andrey M. Smorchkov – Doctor of History, Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)
smorchkovtuber@yandex.ru

Pavel P. Shkarenkov – Doctor of History, Professor, Vice-rector, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)
chkarenkov@mail.ru

This article studies the phenomenon of democracy as part of the discussion on the nature of the political system of the Roman Republic in the 3rd–1st centuries BC, generated by the works of the British researcher Fergus Millar. The authors of the article believe that the key mistake of the opponents in this discussion is that they take Athenian democracy as the criterion. As a result, the researchers who refuse to consider the Roman Republic as a democracy place on it such demands that modern democratic states cannot meet. In this article, such criticisms of the Roman Republic have been analyzed and compared the

current state of affairs.

In the authors' view, direct democracy in the Roman Republic had the same achievements and the same problems with the implementation of the rights of the people as modern representative democracies. Summing up the conducted analysis, the authors come to the conclusion that as compared with the modern democratic states, the Roman Republic can in full measure be recognized as a democracy (with its natural peculiarities and distinctions). It had a full-fledged civil society that united citizens by mutual interests and goals, the sense of responsibility for the future of their homeland, conscientious performance of their duties to the homeland, and willingness to help an individual citizen. By these indicators Rome was not inferior to modern democracies. The consensus between the ruling elite and society was seen in the harmonious combination of form (recognition of the people as the source of power) and reality, in which this power was in the hands of the elite.

Ancient Rome's experience proves that it is not direct rule of the people but stringent requirements to the ruling circles that are the foundation of a democratic system in the conditions when because of the size of a state the direct rule by the people (according to the Athenian model) is not possible. Such control, also on the part of most citizens, the search for its effective methods is highly relevant for today's representative democracy as well.

Ancient Rome, republic, polis, democracy, political discourse, historiography, Historian Fergus G.B. Millar.

References

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

1. Flaig, E. Entscheidung und Konsens: Zu den Feldern der politischen Kommunikation zwischen Adel und Plebs. *Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen Republik* / Ed. M. Jehne. Steiner, 1995, pp. 77–127. (In German).
2. Hölkeskamp, K.-J. The Roman Republic: Government of the People, by the People, for the People? *Scripta Classica Israelica*. Jerusalem Academic Press, 2002, vol. 19, pp. 203–223. (In English).
3. Jehne, M. Einführung: Zur Debatte um die Rolle des Volkes in der römischen Politik. *Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen Republik* / Ed. M. Jehne. Steiner, 1995, pp. 1–9. (In German).

(Monographs)

4. Dementeva, V.V. Gosudarstvenno-pravovoe ustroystvo antichnogo Rima: rannyya monarkhiya i respublika [The State and Legal Structure of Ancient Rome: The Early Monarchy and Republic.]. Yaroslavl, 2004, 247 p. (In Russian).
5. Flaig, E. Ritualisierte Politik: Zeichen, Gesten und Herrschaft im alten Rom. 2nd ed. Vandenhoeck & Ruprecht, 2004, 288 p. (In German).

6. Millar, F. Rome, the Greek World and the East. Vol. 1: The Roman Republic and Augustan Revolution / Ed. by H.M. Cotton and G.M. Rogers. University of North Carolina Press, 2002, 416 p. (In English).

7. Morstein-Marx, R. Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic. Cambridge University Press, 2004, 313 p. (In English).

8. Mouritsen, H. Politics in the Roman Republic. Cambridge University Press, 2017, 202 p. (In English).

9. Jakobson, A. Elections and Electioneering in Rome: A Study in the Political System of the Late Republic. Steiner, 1999, 251 p. (In English).

Авторы, аннотация, ключевые слова

Сморчков Андрей Михайлович – докт. ист. наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
smorchkovtuber@yandex.ru

Шкаренков Павел Петрович – докт. ист. наук, профессор, проректор по непрерывному образованию, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
chkarenkov@mail.ru

В статье рассматривается феномен демократии в рамках дискуссии о характере политического строя в Римской Республике III–I вв. до н.э., вызванной работами британского ученого Ф. Миллара. Авторы статьи считают, что ключевой ошибкой оппонентов в этой дискуссии является выбор афинской демократии в качестве критерия. В итоге, исследователи, отказывающиеся считать Римскую Республику демократией, предъявляют к ней такие требования, которым не соответствуют и современные демократические государства. Такого рода претензии к Римской Республике были проанализированы в статье и сопоставлены с современным положением дел.

По мнению авторов, прямая демократия в Римской Республике имела те же достижения и те же проблемы с реализацией прав народа, что и современные представительные демократии. В итоге проведенного анализа авторы приходят к выводу, что в сравнении с современными демократическими государствами Римская Республика вполне может быть признана демократией (со своими естественными особенностями и отличиями). В ней полнокровно функционировало гражданское общество, объединявшее граждан общими интересами и целями, чувством ответственности за судьбы родины, добросовестным выполнением обязанностей перед родиной, готовностью прийти на помощь отдельному человеку. По этим показателям Рим не уступает современным демократиям. Консенсус между правящей элитой и обществом выражался в гармоничном сочетании формы (признание народа источником власти) и реальности, при которой эта власть находилась в руках элиты.

Опыт древнего Рима показывает, что не прямая власть народа, а жест-

кие требования к управляющей верхушке, являются основой демократического строя в условиях, когда в силу размеров невозможна непосредственная власть народа (по афинскому образцу). Осуществление такого контроля, в том числе со стороны основной массы граждан, поиск его эффективных методов весьма актуально и для современной представительной демократии.

Древний Рим, республика, полис, демократия, политический дискурс, историография, историк Фергюс Миллар.

Научное издание

Новый исторический вестник

Младший редактор Я.В. Юркина
Компьютерная верстка А.В. Надточенко

Лицензия ИД № 00843 от 27.12.2019
Свидетельство о регистрации СМИ № 77-7347
от 19 февраля 2001 г.
Подписано в печать 27.12.2019
Формат 60x90/16
Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11
Тираж 1 500 экз.

Издательство Ипполитова
117513, Москва, Ленинский пр-т, д. 135, корп. 2
Телефон (495) 970-72-63
E-mail nivestnik@yandex.ru
Сайт www.nivestnik.ru